

ISSN 2072-8522
ISSN (online) 2310-7278

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия *Русская филология*

ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ
КОННОТАТИВНОЙ СЕМАНТИКИ
В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

СРАВНЕНИЕ В СТРУКТУРЕ
ИНСТРУМЕНТАЛЬНО-СУБЪЕКТНОГО
БЕЗЛИЧНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

РЕМИНИСЦЕНЦИИ И АЛЛЮЗИИ
В «ДНЕВНИКЕ В СТИХАХ» Н.А. ОЦУПА

РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ ДЖОРДЖА СТЕРЛИНГА
В ТВОРЧЕСТВЕ ДЖЕКА ЛОНДОНА

2017 / № 5

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8522 (print)

2017 / № 5

ISSN 2310-7278 (online)

серия

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по Филологическим наукам: группы специальностей Литературоведение (10.01.00) и Языкознание (10.02.00).

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into "the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree" (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Philological Sciences: Literary Studies (10.01.00) and Linguistics (10.02.00).

ISSN 2072-8522 (print)

2017 / № 5

ISSN 2310-7278 (online)

series

RUSSIAN PHILOLOGY

BULLETIN
OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Научный совет «Вестника Московского государственного областного университета»

Хроменков П.Н. — к. филол. н., проф., ректор Московского государственного областного университета (председатель совета)

Ефремова Е.С. — к. филол. н., начальник Информационно-издательского управления Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Клычников В.М. — к. ю. н., к. и. н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Антонова Л.Н. — д. пед. н., академик РАО, Комитет Совета Федерации по науке, образованию и культуре

Асмолов А.Г. — д. псих. н., проф., академик РАО, директор Федерального института развития образования

Климов С.Н. — д. ф. н., проф., Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)

Клобуков Е.В. — д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Манойло А.В. — д. пол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Новоселов А.Л. — д. э. н., проф., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Пасечник В.В. — д. пед. н., проф., Московский государственный областной университет

Поляков Ю.М. — к. филол. н., главный редактор «Литературной газеты»

Рюмцев Е.И. — д. ф.-м. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Хухуни Г.Т. — д. филол. н., проф., Московский государственный областной университет

Чистякова С.Н. — д. пед. н., проф., член-корр. РАО

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. — 2017. — № 5. — 186 с.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26173

**Индекс серии «Русская филология»
по Объединенному каталогу «Пресса России» 40718**

© МГОУ, 2017.

© ИИУ МГОУ, 2017.

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного
областного университета»**

г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Редакционная коллегия серии «Русская филология»

Ответственный редактор серии:

Лекант П.А. — д. филол. н., проф., МГОУ

Заместитель ответственного редактора серии:

Шаповалова Т.Е. — д. филол. н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Самсонов Н.Б. — к. филол. н., доц., МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Аврамова В.Н. — доктор филологии, проф., Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского (Болгария);

Алексеева Л.Ф. — д. филол. н., проф., МГОУ; **Аношкин В.Н.** — д. филол. н., заслуженный деятель науки Российской Федерации, проф., МГОУ;

Воропаев В.А. — д. филол. н., проф., МГУ имени М.В. Ломоносова; **Гусман Т.Р.** — д. филол. н., проф., Гранадаский университет (Испания);

Киселёва И.А. — д. филол. н., доц., МГОУ; **Колларова Э.** — д. философии, проф., Католический университет в Ружомберке (Словакия);

Копосов Л.Ф. — д. филол. н., проф., МГОУ; **Леденёва В.В.** — д. филол. н., проф., МГОУ;

Моторин А.В. — д. филол. н., проф., Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого;

Нагорный И.А. — д. филол. н., проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет;

Норман Б.Ю. — д. филол. н., проф., Белорусский государственный университет (Беларусь);

Петров А.В. — д. филол. н., проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск);

Рацибурская Л.В. — д. филол. н., проф., Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского;

Супрун В.И. — д. филол. н., проф., Волгоградский государственный социально-педагогический университет;

Титаренко Е.Я. — д. филол. н., доц., Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского;

Шаталова О.В. — д. филол. н., проф., МГОУ; **Шеншина В.А.** — д. филол. н., науч. сотр., Хельсинкинский университет (Финляндия).

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University»:

Moscow Region State University

— Issued 5 times a year —

Series editorial board «Russian philology»

Editor-in-chief:

P.A. Lecant – Doctor of Philology, Professor, MRSU

Deputy editor-in-chief:

T.Ye. Shapovalova – Doctor of Philology, Professor, MRSU

Executive secretary of the series:

N.B. Samsonov – Ph.D. in Philology Sciences, Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

V.N. Avramova – Doctor of Philology, Professor, University of Shumen Bishop Konstantin of Preslav (Bulgaria); **L.F. Alekseyeva** – Doctor of Philology, Professor, MRSU; **V.N. Anoshkina** – Doctor of Philology, honored science worker of the Russian Federation, Professor, MRSU; **V.A. Voropayev** – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University; **R. Guzmán Tirado** – Doctor of Philology, Professor, University of Granada (Spain); **I.A. Kiseleva** – Doctor of Philology, Associate Professor, MRSU; **E. Kollarova** – Doctor of Philosophy, Professor, Catholic University in Ruzomberok (Slovakia); **L.F. Koposov** – Doctor of Philology, Professor, MRSU; **V.V. Ledeneva** – Doctor of Philology, Professor, MRSU; **A.V. Motorin** – Doctor of Philology, Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University; **I.A. Nagorny** – Doctor of Philology, Professor, Belgorod State National Research University; **B.Yu. Norman** – Doctor of Philology, Professor, Belorussian State University (Belarus); **A.V. Petrov** – Doctor of Philology, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk); **L.V. Ratsiburskaya** – Doctor of Philology, Professor, N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; **V.I. Suprun** – Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University; **E.Y. Titarenko** – Doctor of Philology, Associate Professor, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky; **O.V. Shatalova** – Doctor of Philology, Professor, MRSU; **V.A. Shenshina** – Doctor of Philology, Helsinki University (Finland)

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Science council «Bulletin of the Moscow Region State University»

P.N. Khromenkov – Ph.D. in Philology, Professor, Principal of MRSU (Chairman of the Council)

E.S. Yefremova – Ph.D. in Philology, Chef of information and editorial management of MRSU (Vice-Chairman of the Council)

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph.D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of MRSU (Vice-Chairman of the Council)

L.N. Antonova – Doctor of Pedagogics, Member of the Russian Academy of Education, The Council of the Federation Committee on Science, Education and Culture

A.G. Asmolov – Doctor of Psychology, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Principal of the Federal Institute of Development of Education

S.N. Klimov – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University of Railway Engineering

E.V. Klobukov – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.V. Manoylo – Doctor of Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.L. Novosjolov – Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics, Professor, MRSU

Yu.M. Polyakov – Ph.D. in Philology, Editor-in-chief of «Literaturnaya Gazeta»

E.I. Rjuntsev – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Saint Petersburg State University

G.T. Khukhuni – Doctor of Philology, Professor, MRSU

S.N. Chistyakova – Doctor of Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology. – 2017. – № . – 186 p.

The series «Russian Philology» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 077-26173

Index series «Russian Philology» according to the union catalog «Press of Russia» 40718

© MRSU, 2017.

© Informational & Editorial Office of MRSU, 2017.

The Editorial Board address:

Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Бринюк Е.В. КРЕОЛИЗАЦИЯ КАК СРЕДСТВО РАСКРЫТИЯ КОНЦЕПТА «ПРИРОДА» (НА МАТЕРИАЛЕ УЧЕБНИКА ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ).....	8
Воскресенская Н.А., Казакова Е.В. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ИМЁН СОБСТВЕННЫХ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКИХ ПЕРЕВОДОВ «ЗАПИСОК ОХОТНИКА» И.С. ТУРГЕНЕВА)	16
Красильникова П.Ю. ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ КОННОТАТИВНОЙ СЕМАНТИКИ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ.....	25
Минакова Н.А., Стрельчук Е.Н., Талыбина Е.В. ОБУЧЕНИЕ РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (УРОВЕНЬ В2).....	35
Петров А.В. СРАВНЕНИЕ В СТРУКТУРЕ ИНСТРУМЕНТАЛЬНО- СУБЪЕКТНОГО БЕЗЛИЧНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ	43
Сегал Н.А., Мартынюк А.Я. КОНЦЕПТ ВЕТЕР В РУССКОЯЗЫЧНЫХ МЕДИАТЕКСТАХ.....	51
Титаренко Е.Я., Гусейнова Р.Н. ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВ В ПОЛИЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ СООБЩЕСТВЕ (КРЫМСКИЙ ОПЫТ)	58
Эйсмонт П.М. ЭПИЗОД И СОБЫТИЕ В УСТНОМ ДЕТСКОМ НАРРАТИВЕ	67

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Алексеева Л.Ф. РЕМИНИСЦЕНЦИИ И АЛЛЮЗИИ В «ДНЕВНИКЕ В СТИХАХ» Н.А. ОЦУПА	77
Аллатова Т.А. ЗДОРОВЬЕ И БОЛЕЗНЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ Н.М. КАРАМЗИНА	86
Бурсина М.В. ПИКАРЕСКИЕ МОТИВЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ «РАССЕРЖЕННЫХ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ»	96
Иваницкий А.И. «СВЯТЫЙ, ПРЕМУДРЫЙ, ДИВНЫЙ ...». ЗНАЧЕНИЕ И МИССИЯ ТВОРЦА В ПОЭЗИИ Н.М. КАРАМЗИНА.....	104
Киселева И.А., Поташова К.А. ОДЕЖДА У Н.М. КАРАМЗИНА КАК ПРИМЕТА ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ И НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА.....	113

Лазареску О.Г. СИБИРЬ, ЕРМАК И ДРУГИЕ: К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЖАНРОВ, ОБРАЗОВ И МОТИВОВ	122
Лунина И.Е. РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ ДЖОРДЖА СТЕРЛИНГА В ТВОРЧЕСТВЕ ДЖЕКА ЛОНДОНА	131
Новичкова Д.А. РОМАН В.В. ВЕРЕСАЕВА «В ТУПИКЕ»: ЛЕТОПИСЬ «ХАМСКОГО» ЦАРСТВА РЕВОЛЮЦИИ	141
Харитоновна Е.В. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РЕЦЕПЦИИ РУССКОЙ ЛАГЕРНОЙ ПРОЗЫ СРЕДСТВАМИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	149
Чупкова О.В. РАЗРУШИТЕЛЬНОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ ЛИЧНОСТИ И ВОЙНЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М.А. БУЛГАКОВА И Л.Н. АНДРЕЕВА	158
Якушкина Н.М. И.И. КОЗЛОВ В ОБЩЕНИИ С ДЕЯТЕЛЯМИ ИСКУССТВА	166

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Колгушкина Н.В. «ЛЮБЯ ОТЕЧЕСТВО – ЛЮБИ НАУКУ...» ПАМЯТИ АКАДЕМИКА ИЗМАИЛА ИВАНОВИЧА СРЕЗНЕВСКОГО	172
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

Леденёва В.В. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: Т.К. БАТУРОВА «ДУХОВНЫЕ ПОДВИЖНИКИ И РУССКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА». М.: ИИУ МГОУ, 2016. 244 С.	180
--	-----

CONTENTS

SECTION I. LINGUISTICS

E. Brinyuk. CREOLIZATION AS A MEANS OF DISCLOSURE OF THE CONCEPT „NATURE” IN THE TEXTBOOK ON RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE.....	8
N. Voskresenskaya, E. Kazakova. PECULIARITIES OF THE TRANSLATION OF PROPER NAMES IN A LITERARY TEXT (ON THE MATERIAL OF FRENCH TRANSLATIONS OF “THE HUNTING SKETCHES” BY I. TURGENEV)	16
P. Krasilnikova. EVALUATIVE COMPONENT OF CONNOTATIVE MEANING IN POETIC TEXTS.....	25
N. Minakova, E. Strelchuk, E. Talibina. TRAINING OF STUDENTS-PHILOLOGISTS IN THE RUSSIAN GRAMMAR ON THE MATERIAL OF LITERARY TEXT (LEVEL B2).....	35
A. Petrov. THE SIMILE IN THE STRUCTURE OF THE INSTRUMENTAL-SUBJECT IMPERSONAL SENTENCES.....	43
N. Segal, A. Martynyuk. CONCEPT THE WIND IN THE RUSSIAN MEDIATEXTS	51
E. Titarenko, R. Guseynova. HISTORICAL VECTOR OF DEVELOPMENT OF LANGUAGES IN THE COMMUNITY OF MULTILINGUALISM (CRIMEAN EXPERIENCE)	58
P. Eismont. EPISODE AND EVENT STRUCTURE IN CHILD ORAL NARRATIVES.....	67

SECTION II. LITERARY STUDIES

L. Alexejeva. REMINISCENCES AND ALLUSIONS IN N. OTSUP’S “DIARY IN VERSE”	77
T. Alpatova. HEALTH AND DISEASE IN THE ARTISTIC SYSTEM OF N. KARAMZIN.....	86
M. Bursina. A PICARESQUE MOTIVE IN THE “ANGRY YOUNG MEN’S” LITERATURE	96
A. Ivanitskiy. “HOLY, WISE, WONDROUS...” THE MEANING AND THE MISSION OF GOD IN N. KARAMZIN’S POETRY.....	104
I. Kiseleva, K. Potashova. CLOTHING in N. KARAMZIN’S WORKS AS A SIGN OF HISTORICAL TIME AND NATIONAL CHARACTER	113

O. Lazarescu. SIBERIA, ERMAK AND OTHERS: ON THE QUESTION OF HISTORICAL TRANSFORMATIONS OF LITERARY GENRES, IMAGES, AND MOTIVES	122
I. Lunina. RECEPTION OF CREATIVE PERSONALITY OF GEORGE STERLING IN JACK LONDON'S WORKS.....	131
D. Novichkova. V. VERESAEV'S NOVEL «AT THE DEAD END»: THE CHRONICLE OF «BOORISH» KINGDOM OF REVOLUTION	141
E. Kharitonova. HISTORY OF TRANSLATION OF RUSSIAN CAMP PROSE INTO ENGLISH	149
O. Chupkova. DESTRUCTIVE COLLISION OF PERSONALITY AND WAR IN THE WORKS OF M. BULGAKOV AND L. ANDREEV	158
N. Yakushkina. I. KOZLOV IN COMMUNICATION WITH ARTISTS	166

SCIENTIFIC LIFE

N. Kolgushkina. "LOVE HOMELAND, LOVE SCIENCE..." IN THE MEMORY OF THE ACADEMICIAN IZMAIL SREZNEVSKY	172
--	-----

REVIEW

V. Ledeneva. REVIEW OF THE BOOK: T. BATUROVA. THE SPIRITUAL WARRIORS AND THE RUSSIAN CLASSICAL LITERATURE. MOSCOW, IIU MGOU PUBL., 2016. 244 P.....	180
--	-----

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'42: 811.161.1 (075.8)

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-8-15

КРЕОЛИЗАЦИЯ КАК СРЕДСТВО РАСКРЫТИЯ КОНЦЕПТА «ПРИРОДА» (НА МАТЕРИАЛЕ УЧЕБНИКА ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ)

Бринюк Е.В.

Московский государственный областной университет

105005, г. Москва, ул. Радио, д.10А, Российская Федерация

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

125468, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье исследуются особенности креолизированных текстов, средствами которых транслируется содержание и специфика функционирования в русском культурном пространстве концепта «ПРИРОДА» в учебнике по русскому языку как иностранному. Проанализирована роль креолизованного текста как средства предъявления и раскрытия данного концепта для изучающего русский язык. Представлено описание основных тематических групп, единицами которых концепт «ПРИРОДА» актуализирован в учебном издании. Используются следующие методы исследования: сравнительно-сопоставительный метод, наблюдение (мониторинг текстов), методы анализа и синтеза.

Ключевые слова: креолизированный текст, концепт, природа, ядро концепта, вербальные и невербальные элементы текста.

CREOLIZATION AS A MEANS OF DISCLOSURE OF THE CONCEPT „NATURE” IN THE TEXTBOOK ON RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

E. Brinyuk

Moscow Region State University

10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation

Financial University under the Government of the Russian Federation

49 Leningradsky ave., Moscow, 125468, Russian Federation

Abstract. The article deals with the features of the creolized texts by means of which the content and the specifics of the functioning of a concept *nature* in the textbook on Russian as a foreign

language is presented. The role of the creolized texts as means of disclosure of this concept is analyzed. Described are the main theme groups within which the concept *nature* is presented in the educational publication. The following research methods were used: comparative method, observation, methods of analysis and synthesis.

Key words: creolized text, concept, nature, the core of the concept, verbal and nonverbal elements of creolization.

В настоящее время можно уверенно говорить о возрастании интереса иностранцев к изучению русского языка, в том числе и с целью получения в дальнейшем высшего образования в России. Об этом свидетельствует создание подготовительных факультетов на базе ведущих университетов страны, где ежегодно, по заявлению руководителя Россотрудничества Л.Н. Глебовой, учатся около 4 тысяч человек [6]. Однако владение любым иностранным языком предполагает не только знание его грамматической структуры. Обучающиеся также должны знакомиться с национальными и духовными ценностями народа, его культурой, особенностями менталитета и мировоззрения. Необходимо получение представлений о национальной картине мира и концептосфере.

Концепт является основополагающим понятием современной лингвистики. История изучения концепта восходит к трудам П. Абеляра, а позднее Д.С. Лихачёва, Н.Д. Арутюновой, В.А. Масловой и др. В данной работе мы будем обращаться к определению Ю.С. Степанова, по мнению которого, концепт представляет собой «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека ... то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё ... тот „пучок“ представлений, по-

нятий, знаний, ассоциаций, который сопровождает слово» [17, с. 43].

Ю.С. Степанов выделяет три слоя в понятийной структуре концепта. К первому лингвист относит основополагающий и актуальный для всех носителей данного языка признак изучаемого объекта, второй слой включает в себе дополнительные (пассивные) признаки, третий – это внутренняя форма любого концепта [17, с. 46].

Структуру концепта также можно рассматривать с точки зрения полевого строения и выделить ядро, приядерную и периферийную части. Концепт «ПРИРОДА» в современной лингвистике характеризуется сложностью и многокомпонентностью в связи с наличием различных толкований понятия. Так, например, в словаре В.И. Даля зафиксировано следующее толкование лексического значения слова – имени концепта: «Природа – естество, всё вещественное, вселенная, все мирозданье, всё зримое, подлежащее пяти чувствам; но более наш мир, земля, со всем созданным на ней; противопоставляется Создателю» [7, с. 439]. Тем самым признаётся могущество Создателя, а природа выступает как его творение в системе натурфактов, артефактов, ментефактов. Такое толкование связано с тем, что в годы жизни и работы В.И. Даля религии в России отводилось важное место. В словаре С.И. Ожегова представлено иное, детерминированное матери-

лизмом как мировоззренческой доминантой, определение понятия *природа*: «Всё существующее во Вселенной, органический и неорганический мир» [14, с. 586]. Наблюдаем изменения в семантической структуре слова – имени концепта: природа представляется самостоятельной силой, в зарождении и функционировании которой не рассматривается роль Творца. Современные словари учитывают антропоцентрическую доминанту в лингвистике. Так, в словаре Т.Ф. Ефремовой под *природой* понимается «совокупность естественных условий на земле (поверхность, растительность, климат и т. п.), органический и неорганический мир, всё существующее на земле, не созданное деятельностью человека» [8]. Здесь отражено противопоставление человека и результатов его деятельности природе.

С учётом обследованных словарных статей с заголовочным именем *природа* можно описать ядро концепта «ПРИРОДА», перечислив компоненты: 'окружающий органический и неорганический мир', 'всё, что существует во Вселенной' и 'не является результатом деятельности человека'. Имплиcitный ценностный ('высокая ценность') компонент, положительно-оценочная коннотация в лексическом значении слова *природа* обуславливает представление о важности данного концепта для носителей русского языка и для изучающих его.

Концепт «ПРИРОДА» вербализуют в русском языке прежде всего этимологически сближаемые, родственные слова с корнем *-род-* (*природный, природолюб, природоведение, прирождённый* и под.), члены синонимических рядов и тематических групп, облада-

ющие общностью гиперсем: *мир, Вселенная, сущность, естество, натура, загород*, а также антоним – *город*. Эти единицы должны быть учтены в составе учебных текстов учебников русского языка как иностранного (РКИ) [ср.: 10; 15], а так как основным средством обучения по-прежнему остаётся учебник, то его дидактический материал должен не только соответствовать требованиям, предъявляемым к учебной литературе, но и отражать лингвокультурологический компонент, раскрывающий специфику страны изучаемого языка – русского.

В данной статье предпринят анализ особенностей раскрытия объёма концепта «ПРИРОДА» средствами креолизованного текста в популярном учебнике по русскому языку как иностранному «Дорога в Россию» [1–4]. Обращение к поликодовому (как ещё называют исследуемый вид) тексту не случайно: он характерен для изданий учебно-научного подстиля.

Научное обоснование термин *креолизованный текст* получил в трудах Ю.А. Сорокина и Е.Ф. Тарасова [16]. Отечественные психолингвисты под креолизованными понимают такие тексты, «фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [16, с. 180].

В.В. Леденёва отметила, что «термин *креолизованный* обращён к пересмысленным семантическим компонентам этнонима *креол* – 'смешанный', 'разный по происхождению'. Однако данное имя прилагательное было образовано не от основы потенциального глагола, а от основы имени существи-

тельного, что «делает его проводником информации о специфичности означаемого вида текста, подключающим имплицитные семы 'неожиданный', 'нетипичный', 'яркий', при этом компонент 'человек как представитель этноса, расы', безусловно, устранён» [18, с. 59].

На основе проведённого нами анализа можно сделать вывод, что концепт «ПРИРОДА» в учебнике «Дорога в Россию» [1–4] реализуется в креолизованных текстах при презентации следующих тем с помощью слов, относящихся к нескольким тематическим группам:

1) **сезоны года** (например, описание ранней осени в Измайловском парке с привлечением иллюстративного материала). При представлении времён года, характерных для климата России, частотным является употребление лексем *солнце, листья, небо, деревья, море, лес, погода*;

2) **атмосферные явления** описываются такими средствами креолизованного текста, как, например, картинки с изображением осадков, сопровождаемые подписями. Здесь наиболее частотными средствами формирования объёма концепта русской концептосферы являются следующие лексемы: *дождь, снег, солнце, ветер*, а также слова категории состояния: *жарко, холодно, тепло*. Иллюстрации привлекаются не только для наглядной семантизации новых слов, но и для работы с грамматическим материалом (вербальный текст *Он мечтает о солнечной погоде, о тёплом море* используется для введения предложного падежа);

3) **природные ресурсы** изучаются в рамках отдельной темы, посвя-

щённой знакомству с рельефом, полезными ископаемыми, водоёмами и климатом России. Вербальный текст дополняется фотографиями с изображением гор и равнин, морей, рек и озёр; добываемых драгоценных и полудрагоценных камней, а также изделий из них;

4) **мир растений и мир животных** представляются вербальными и иконическими элементами текста для работы с новыми словами, при попутном объяснении грамматики: например, в процессе изучения категории времени глагола приводятся иллюстрации веток яблони с почками (объясняется прошедшее время), с листьями (настоящее время) и плодами (будущее время);

5) **пейзаж** как специфическая тема потребовал использования иллюстраций-репродукций, например, картин И.И. Левитана «После дождя. Плёс», «Вечер. Золотой Плёс» для описания Плёса и актуализации лексических единиц, которые формируют этот слой представлений о природе: *красивые, живописные места, невысокие горы, леса*.

Природа в учебнике «Дорога в Россию» [1–4] предстаёт статичной. Это связано со спецификой учебного издания, необходимостью описать русскую природу иностранцам. Для достижения данной цели используются имена прилагательные с положительной коннотацией (*природа Урала богата и разнообразна, вода в Байкале уникальна и удивительна*), а также различные средства художественной выразительности, прежде всего метафоры, имеющие узуальный характер: *природа спрятала Байкал подальше от людей, Байкал молод, он не ста-*

реет (из текста «Чудо природы»); *это целая горная страна, это природный музей уральских самоцветов* (из текста «Урал»). Характеристику дополняет информация сопровождающих тексты фотографий.

Кроме того, концепт *природа* раскрывается посредством введения крылатых выражений, фразеологизмов, строчек из песен и стихотворений – прецедентных текстов: *у природы нет плохой погоды; я так хочу, чтобы лето не кончалось*.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что тексты, в которых вербализован концепт «ПРИРОДА», в учебнике

«Дорога в Россию» В.Е. Антоновой занимают одно из ведущих мест. Своё отражение в них получают сезоны года, атмосферные явления, растительный и животный мир, природные ресурсы как пласты концепта. Инструментом лексической репрезентации выступают лексемы в первичных и вторичных номинативных функциях, яркие имена прилагательные, крылатые выражения, тропы, в том числе олицетворения. Данный набор языковых средств способствует формированию положительного отношения студентов-иностранцев к русской природе и России в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова В.Е., Нахабина М.М., Сафронова М.В., Толстых А.А. Дорога в Россию: учебник русского языка (элементарный уровень). 14-е изд. СПб.: Златоуст, 2016. 344 с.
2. Антонова В.Е., Нахабина М.М., Толстых А.А. Дорога в Россию: учебник русского языка (базовый уровень). 11-е изд. М.: ЦМО МГУ им. М.В. Ломоносова; СПб.: Златоуст, 2017. 256 с.
3. Антонова В.Е., Нахабина М.М., Толстых А.А. Дорога в Россию: учебник русского языка (первый уровень). В 2 т. Т. I. 9-е изд. СПб.: Златоуст, 2016. 200 с.
4. Антонова В.Е., Нахабина М.М., Толстых А.А. Дорога в Россию: учебник русского языка (первый уровень): В 2 т. Т. II. 7-е изд. СПб.: Златоуст, 2017. 184 с.
5. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
6. Глебова: РФ приглашает бесплатно учиться в вузах 15 тысяч иностранцев [Электронный ресурс] // РИА Новости: [сайт]. URL: https://ria.ru/abitura_world/20160303/1383584036.html (дата обращения: 11.10.17).
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3. М.: Рус. яз., 1998. 555 с.
8. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный словарь. М.: Русский язык, 2000 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nashislova.ru/efremovoy2/> (дата последнего обращения: 11.10.17).
9. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград: Архангельск, 1996.
10. Лексическая основа русского языка / ред. В.В. Морковкин. М.: Изд-во АСТ, 2004. 872 с.
11. Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. М., 1993. Т. 52, № 1. С. 3-9.
12. Маругина Н.И., Ламинская Д.А. Концепт «природа» в русской и английской языковых картинах мира // Язык и культура. № 2. 2010. С. 36-45.
13. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. 3-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2007. 296 с.

14. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 53 000 слов / С.И. Ожегов: под. общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: ООО «Издательский дом «ОНИКС 21 век»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2003. 896 с.
15. Система лексических минимумов современного русского языка: 10 лексич. списков: от 500 до 5000 самых важных рус. слов. / Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина; Отд. учеб. лексикографии; Г.Ф. Рогачева, Н.М. Луцкая, В.В. Морковкин, З.П. Попова. М.: Изд-во Астрель: Изд-во АСТ, 2003. 768 с.
16. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизированные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990. С. 180-186.
17. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
18. Текст остаётся текстом? (круглый стол) / Лошаков А.Г., Папуша И.С., Беглова Е.И., Бойцова О.Ю., Ширинянц А.А., Гуторов В.А., Халикова Н.В., Симашко Т.В., Швецова В.М., Герасименко Н.А., Шаповалова Т. е., Муратова Е.Ю., Акулова А.А., Леденёва В.В., Артамонова Ю.Д. // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2017. № 2. URL: <http://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/806> (дата обращения: 11.10.17).
19. Черкашина Е.А. Концепт «природа» в лексикографическом описании и в учебнике по русскому языку для 3-го класса Т.Г. Рамзаевой // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. 2013. № 2 .С. 50-53.

REFERENCES

1. Antonova V.E., Nakhabina M.M., Safronova M.V., Tolstykh A.A. *Doroga v Rossiyu: uchebnik russkogo yazyka (elementarnyy uroven')* [Road to Russia: Russian language textbook (elementary level)]. St. Petersburg, Zlatoust Publ., 2016. 344 p.
2. Antonova V.E., Nakhabina M.M., Tolstykh A.A. *Doroga v Rossiyu: uchebnik russkogo yazyka (bazovyy uroven')*[Road to Russia: Russian language textbook (basic level)]. Moscow, CME MSU M. Lomonosov; St Petersburg, Zlatoust Publ., 2017. 256 p.
3. Antonova V.E., Nakhabina M.M., Tolstykh A.A. *Doroga v Rossiyu: uchebnik russkogo yazyka (pervyy uroven')*. T. I. [Road to Russia: Russian language textbook (first level). Vol. 1]. St. Petersburg, Zlatoust Publ., 2016. 200 p.
4. Antonova V.E., Nakhabina M.M., Tolstykh A.A. *Doroga v Rossiyu: uchebnik russkogo yazyka (pervyy uroven')*. T. II. [Road to Russia: Russian language textbook (first level). Vol. 2]. St. Petersburg, Zlatoust Publ., 2017. 184 p.
5. Arutyunova N.D. *Yazyk i mir cheloveka* [The language and the human world]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1999. 896 p.
6. [Glebova: Russia invites 15 thousand foreigners to study at universities for free]. In: *RIA Novosti*. Available at: https://ria.ru/abitura_world/20160303/1383584036.html
7. Dal' V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka. T. 3* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian language. Vol. 3]. Moscow, Russian Language Publ., 1998. 555 p.
8. Efremova T.F. *Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi slovar'* [New dictionary of the Russian language. Explanatory-word-formation dictionary]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 2000. Available at: URL: <http://www.nashislova.ru/efremovoy2/> (accessed: 11.10.17).
9. Karasik V.I. [Cultural dominants in language]. In: *Yazykovaya lichnost': kul'turnye kontsepty*. [Linguistic personality: cultural concepts.]. Volgograd, Arkhangel'sk Publ., 1996 p.
10. Morkovkin V.V., ed. *Leksicheskaya osnova russkogo yazyka* [The lexical basis of the Russian language]. Moscow, AST Publ., 2004. 872 p.

11. Likhachev D.S. [The conceptsphere of the Russian language]. In: *Izvestiya RAN. Seriya literatura. i yazyk* [Izvestiya. Series literature and language]. Moscow, 1993. Vol. 52, no. 1. pp. 3–9.
12. Marugina N.I., Laminskaya D.A. [The concept of “nature” in Russian and English language pictures of the world]. In: *Yazyk i kul'tura* [Language and culture]. 2010, no. 2, pp. 36–45.
13. Maslova V.A. *Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku: ucheb. posobie* [Introduction to cognitive linguistics: tutorial]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2007. 296 p.
14. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka: Ok 53 000 slov* [Dictionary of the Russian language: Approx. 53 000 words]. Moscow, ONIKS 21 Publ., «Mir i Obrazovanie» Publ., 2003. 896 p.
15. Rogacheva G.F., Lutsкая N.M., Morkovkin V.V., Popova Z.P. *Sistema leksicheskikh minimumov sovremennoгo russkogo yazyka: 10 leksich. spiskov: ot 500 do 5000 samykh vazhnykh rus. slov*. [The system of lexical minimums of the contemporary Russian language: 10 lexic. lists: from 500 to 5000 the most important Rus. words]. Moscow, Publishing house Astrel, Izd-vo AST Publ., 2003. 768 p.
16. Sorokin Yu.A., Tarasov E.F. [Creolized texts and their communicative function]. In: *Optimizatsiya rechevogo vozdeystviya* [Optimization of speech influence]. Moscow, Nauka Publ., 1990. pp. 180–186.
17. Stepanov Yu.S. *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian culture. Research experience]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1997. 824 p.
18. Loshakov A.G., Papusha I.S., Beglova E.I., Boytsova O.Yu., Shirinyants A.A., Gutorov V.A., Khalikova N.V., Simashko T.V., Shvetsova V.M., Gerasimenko N.A., Shapovalova T.E., Muratova E.Yu., Akulova A.A., Ledeneva V.V., Artamonova Yu.D. [Does the text remain a text?] (round table). In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2017. № 2. Available at: URL: <http://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/806> (accessed: 11.10.17).
19. Cherkashina E.A. [The concept of “nature” in the lexicographical description in the Russian language textbook for the 3rd grade by T. Ramzaeva]. In: *Vestnik Taganroгskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. [Bulletin of Taganrog pedagogical Institute], 2013, no. 2, pp. 50–53.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бринюк Елена Витальевна – аспирант кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета, преподаватель Департамента языковой подготовки, секции «Русский язык» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;
e-mail: EVBrinyuk@fa.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena Brinyuk – postgraduate student at the Department of the modern Russian language, Moscow Region State University, the teacher at the Department of language training, section “Russian language”, Financial University under the Government of the Russian Federation;
e-mail: EVBrinyuk@fa.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Бринюк Е.В. Креолизация как средство раскрытия концепта «природа» (на материале учебника по русскому языку как иностранному) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 5. С. 8-15

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-8-15

FOR CITATION

Brinyuk E. V. Creolization as a means of disclosure of the concept “nature” in the textbook on Russian as a foreign language. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2017, no. 5, pp. 8-15

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-8-15

УДК 811.133.1: 347.78.034

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-16-24

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ИМЁН СОБСТВЕННЫХ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКИХ ПЕРЕВОДОВ «ЗАПИСОК ОХОТНИКА» И.С. ТУРГЕНЕВА)

Воскресенская Н.А., Казакова Е.В.

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23, Российская Федерация.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы перевода в художественных текстах имён собственных на материале французских переводов цикла И.С. Тургенева «Записки охотника» XIX–XX вв. Сравнительно-сопоставительный анализ текстов показал, что суть переводческой проблемы сводится к сохранению смысла внутренней формы оригинального имени собственного при переводе. Передача имён текста И. Тургенева на французский язык осложняется тем, что имена в цикле «Записки охотника» являются важной составляющей в авторской системе представления русского национального характера.

Ключевые слова: имена собственные, переводческая рецепция, французский, художественный текст, Тургенев, «Записки охотника».

PECULIARITIES OF THE TRANSLATION OF PROPER NAMES IN A LITERARY TEXT (ON THE MATERIAL OF FRENCH TRANSLATIONS OF “THE HUNTING SKETCHES” BY I. TURGENEV)

N. Voskresenskaya, E. Kazakova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

23, Gagarina ave., Nizhni Novgorod, 603950, Russian Federation

Abstract. The article presents problems of translating proper names in literary texts on the material of French translations of I. Turgenev's cycle “The Hunting Sketches” in 19–20th centuries. The comparative-contrastive analysis of texts shows that the essence of a translation problem comes down to maintaining the meaning of the internal form of an original proper name when translating. The transfer of names in I. Turgenev's texts into French is complicated by the fact that names in the cycle “The Hunting Sketches” are an important component in the author's system of representation of the Russian national character.

Key words: proper names, translation reception, French, literary text, Turgenev, «The Hunting Sketches».

В современном переводоведении существует несколько принципов перевода имён собственных: транскрипция (фонетическое подобие), транслитерация (графическое подобие), транспозиция (этимологическое соответствие), прин-

цип благозвучия, принцип учёта национально-языковой принадлежности имени, принцип исторической традиции и др. [5, с. 15]. Нередки случаи, когда речь идёт не столько о переводе, сколько о передаче имён собственных на другой язык. Переводчик может прибегнуть к приёму ономастического соответствия, к описательному, уточняющему, комментирующему или преобразующему переводу. Выбор принципа перевода определяется, в первую очередь, типом переводимого текста и, как следствие, прагматической установкой переводчика. Если говорить о художественных произведениях, то главным критерием оценки перевода будет служить «фактор адекватности эстетического воздействия оригинала и перевода» [9, с. 19]. Внутренняя форма имени собственного в тексте художественного произведения создаёт определённый художественный образ, для раскрытия которого переводчику необходимо в первую очередь обращать внимание на характеристически-оценочную функцию имени и отказаться от принципов воссоздания обычных имён собственных.

Значительный интерес в этом плане представляет собой сопоставительный анализ восьми переводов на французский язык цикла «Записки охотника» И.С. Тургенева (с 1852 г. по 1969 г.) [13-21]. Интенсивность переводов «Записок» объясняется многими причинами, важнейшая из которых – неослабевающий интерес к русской культуре, к её национальным основам, во многом обусловленный тем, что именно Тургенев был для французских писателей, критиков и читателей одним из наиболее авторитетных источников знаний о России. Множественность

переводов обуславливается попытками французских авторов «расшифровать» «чужой» национальный код, раскрыть для французского читателя русский характер.

Имена собственные в тексте Тургенева используются в характерологической, оценочной, образной функциях. В принципах наименования персонажей и географических мест прослеживается авторская концепция русского национального характера; через анализ наименований героев «Записок» можно понять образ «тургеневского человека», «сущность которого вбирает в себя философию личности Тургенева» [2, с. 97]. К тому же имена собственные зачастую получают дополнительные авторские коннотации, часто выраженные имплицитно. Именно имплицитный характер внутренней формы имени представляет особую трудность при переводе.

Так, в рассказе «Два помещика» главные персонажи, солидные мужики, в силу рода занятий и возраста, носят имена «Мишка» и «Юшка». Переводчик А. Монго считает необходимым введение комментария: «*Iouchka* est un diminutif familier de *Iouri* (Georges); appliqué à un vieillard de 80 ans, il fait sourire; *Stiégonov* traite toujours ses gens en gamins: *Michka* (dim. fam de *Mikhail*, Michel) doit être, lui aussi, d'âge respectable» «*Юшка* – краткая, разговорная форма имени *Юрий* (Georges); применённое к восьмидесятилетнему старику, оно вызывает улыбку; *Стегунов* всегда обращался со своими людьми как с мальчишками; *Мишка* (сокращение от *Михаила* (Michel) также, должно быть, имеет почтенный возраст» [19, с. 596].

Французский автор отдаёт предпочтение подбору эквивалентов русских имён, замечая при этом, что в силу «местных особенностей» и особенностей русских и французских имён, он вынужден сохранять «русскую форму» имён собственных [20, с. 567]: «*Akim est une forme familiere de Iakinf* (Hya-cinthe)» 'Аким – разговорный вариант имени *Иакинф*' [20, с. 596], «*Stiopa, Stio-pouchka, diminutif de Stūpane* (Etienne)» 'Стёпа, Стёпушка – сокращённое от *Степан*' [20, с. 574], при этом без внимания остаётся суффикс, несущий в данном случае заложенный автором смысловой оттенок.

В переводах XIX в. пояснения, сопровождающие имена собственные, редки. Говорящие прозвища лишь кратко комментируются: «*Soutchok*» – «*bois sec*» 'сухая деревяшка' [15, с. 128], «*Striganikha*» – «*la tondue*» 'коротко остриженный человек' [18, с. 57], «*Di-ki-Barine*» – «*le maotre sauvage*» 'дикий хозяин' [17, с. 336]. Столь краткие пояснения, во-первых, не способны отразить своеобразие имени, а во-вторых, далеки от объяснения намеренного выбора того или иного прозвища автором. Так, говорящее имя «Моргач» в «Певцах» объясняется как «*M. Cligneu*» 'Т. Моргающий' [17, с. 345], что недостаточно для раскрытия иноязычному читателю характера этого меркантильного персонажа с «*крошечными, лукавыми „гляделками“*», которые «*никогда не смотрят просто – всё высматривают, да подсматривают*» [11, с. 152].

Репрезентативен пример перевода имён собственных в рассказе «Хорь и Калиныч». Тургенев подчёркивает своеобразие героев, наделяя их прозвищами, далёкими друг от друга не

только по значению, но и по способу образования имени собственного (Хорь – прозвище, произошедшее от образного сравнения, Калиныч – отчество, перешедшее в разряд имён собственных) [6, с. 123]. Автор выносит имена в заглавие, стремясь создать для читателя основу предположения многогранности русского характера [4, с. 51]. Рациональный ум русского человека воплощён Тургеневым в персонаже Хоря, сравниваемого автором с хорьком, хитрым и проворным зверьком, что и объясняет выбор прозвища. Другой персонаж очерка – Калиныч – носитель природного начала русского национального характера, наделённый чувством красоты [12, с. 185-186]. Выбранное автором отчество, вероятно, происходит от древнерусского имени «Калина», обозначающего целебную ягоду¹, или от церковного имени «Каллиник», означающего в переводе с греческого «победу красоты»².

В большинстве переводов авторская идея двойственности характера русского человека теряется. Имена персонажей переводятся способом транслитерации: *Хорь и Калиныч / Khor et Kalinitch*. В данном случае сложность передачи авторской идеи заключается в том, что переводимые имена собственные по своим функциям не понятны французскому читате-

¹ До введения на Руси христианства наречение ребёнка именем, представляющим собой название животного или растения, было очень распространённой традицией. Это соответствовало языческим представлениям человека о мире. Древнерусский человек, живший по законам природы, сам представлял себя частью природы [10].

² Крестильное мужское имя Каллиник происходит от греческих *kallos* – 'красота', *nike* – 'победа', т. е. «добрый победитель» [7].

лю. *Khor* не соотносится с каким-либо французским именем (как часто отмечается переводчиком), а в отчестве *Kalinitch* сложность вызывает не только значение имени, но и форма именования по отцу, отсутствующего в европейской культуре. При переводе очерка А. Монго предлагает для антропонима Хорь соответствующее по значению французское слово *Le Putois*, но для передачи отчества ограничивается транслитерацией. Л. Жуссерандо даёт перевод имён собственных в примечании, объясняя выбор автором имени Хорь уединённой жизнью персонажа в лесу. И всё же пояснения не способны отразить идею двойственности русского характера, заложенную Тургеневым, ввиду того, что понимание «говорящих» имён требует значительного когнитивного опыта, которым французский читатель не обладает.

Понимание русских отчеств, несвойственных французской культуре, также сложно для читателя, что вызывает затруднения при восприятии имени и образа персонажа. Восприятие тем более трудно, чем вариативнее его употребление в тексте: отдельно, с именем, в группе с фамилией, что, в свою очередь, придаёт имени стилистические оттенки. Например, полное имя «Пётр Петрович Каратаев» французские переводчики сохраняют неизменным «*Piotre Pétrovitch Karataiev*», так как данная реалья не нова для европейской культуры. Однако ни один из вариантов перевода не раскрывает смысловой нагрузки имени «Пётр» («скала, камень», греч.). Отчество в данном случае было бы призвано усилить значение имени, но Тургенев даёт герою фамилию «Каратаев», которая вносит коррективы в образ «крепко-

го» персонажа. Настоящая фамилия происходит, вероятно, от прозвища «Каратай» («короткий») или татарского слова «смотрящий» (то есть «не участвующий»). Таким образом, перед нами герой «бесталанный», «безвольный» [3, с. 185]. Каратаев похищает крепостную, но ему не удаётся её удерживать, не получается и вести хозяйство (недостаток той самой «крепости»), определиться на службу. Данный персонаж – воплощение неприспособленности к жизни, непрактичности, а в сочетании со страстностью натуры он становится характерным образом русского человека. Это имя, по намерению автора, лежит в основе трагического жизненного финала персонажа. Вслед за Калинычем, Касьяном, Ермолаем Пётр Петрович Каратаев воплощает, по замыслу Тургенева, «характер чисто русский» [1, с. 31], тип «русака»¹.

Показательным является приём, используемый некоторыми французскими авторами при передаче говорящих имён. Они переводят имя, но ставят его в кавычки, тем самым направляя читательское восприятие. Так, имя «Бирюк» переводится А. Монго как *Le «Loup-garou»*. При этом переводчик раскрывает внутреннюю форму имени, но в то же время указывает на его не прямое употребление.

«Записки охотника» – источник авторских топонимов, которые формируют две основные группы: природные (Бежин луг, Малиновая вода, Красивая Меча) и городские / провинциальные (Льгов, *Уездный* лекарь, Гамлет *Щигровского уезда*, Лебединь), что и передаёт основную идею автора о

¹ Первоначальное название рассказа «Пётр Петрович Каратаев» – «Русак», под ним рассказ выходит в «Современнике» [11].

своеобразии национального характера русского человека, человека природы, человека из провинции.

Перевод наименований местности в заглавии представляет не менее сложную задачу, поскольку они, как и имена собственные, несут столь же полную смысловую нагрузку, вложенную в них автором. Степень значимости заголовка и, соответственно, сохранения смысла при переводе подтверждается историей создания некоторых рассказов. Например, рассказ «Лебедянь» изначально в черновиках был назван Тургеневым «Рраклион и Ситников», затем «Ярмарка» и лишь позже получил окончательный заголовок. Последний вариант наиболее точно отражает идею автора. В центре внимания рассказчика – ярмарка, впечатление от действия, собирающего вместе все слои провинции – «людей всякого звания, возраста и вида» [11, с. 173]. Но для Тургенева важнее место проведения ярмарки. Он видит русскую жизнь и судьбу русского человека через призму Лебедяни, местечка, статус которого автор намеренно не определяет. Его цель – не описать ярмарку, а показать, что любой провинциальный город мог бы её принимать. Таким образом, Лебедянь становится символом универсальности, неизменности. В любом другом городке, как и в Лебедяни, могут повстречаться разные типы русского человека, например, такого, как Хлопаков, который считает возможным кричать «рраклион», «подделываться к богатым петербургским шалунам» [11, с. 175], бездарно и без особого смысла проживать жизнь. При этом значение наименования «Лебедянь» (лебеда, горькая сорная тра-

ва) отображает «сорную» и «горькую» жизнь персонажа Хлопакова.

Наименование ключа «Малиновая вода» также введено писателем намеренно, так как в нём актуализируется не значение ягоды «малина» (которое воспроизводят большинство переводчиков: «framboise» – ‘малина’), а значение с явной положительной коннотацией «очень приятный, весьма хороший» [8]. С этой точки зрения выбор ключика «с весёлым и болтливым шумом», «холодной и серебристой влагой» [11, с. 30] гармонично сочетается с описанием природы, предваряющим встречу рассказчика со Стёпушкой и является, вместе с тем, дополнением к портретной характеристике персонажа.

Французские переводы заглавий-топонимов реализуются различными способами, среди которых преобладают приёмы частичного перевода: «*Malinova*» / «*La source Malinova*», «*Kassiane, de la Belle Mütcha*» («Касьян с Красивой Мечи»); полного перевода: «*L'Eau de Framboise*»; транслитерации: «*Kassiane de la Krassivaia Metcha*». Но данные приёмы не позволяют передать семантическую наполненность наименований, тщательно отобранных Тургеневым.

Итак, в цикле «Записки охотника» важная роль в создании русского национального характера отведена именам собственным. Внутренняя форма имён (в первую очередь, антропонимов и топонимов) раскрывает доминирующие черты русского характера. Однако чаще всего семантика имени, так же как и его экспрессивная окраска, представлены в имени имплицитно. Для французских авторов перевод таких имён собственных оказался

весьма трудной задачей, осложняясь тем, что имя героя несёт большую смысловую нагрузку, которая не всегда может быть передана путём использования традиционных переводческих приёмов передачи имён собственных – транскрипции и транслитерации. Используя транскрипцию с соблюдением всех правил, французские переводчики в большинстве случаев передают лишь звуковую форму слова, не затрагивая его значения, и, как следствие, происходит потеря тургеневской мысли о многогранности русского характера, его сложности. Поэтому при использовании способа транскрипции и транслитерации в отношении говорящих антропонимов и топонимов некоторые французские авторы вводят в текст описание и комментарии для

обеспечения адекватности перевода имён либо подбирают французские эквиваленты к русскому имени. Решение вопроса о выборе определённого приёма при переводе имени собственного напрямую зависело от задачи, которая стояла перед переводчиками. Так, некоторые переводчики стремились сохранить колорит языковой единицы с возможным ущербом для семантики. Другие, напротив, ставили целью передать значение имени собственного, нередко утрачивая при этом национальный колорит. При этом переводчики концентрировались либо на передаче тургеневской концепции действительности, либо на воспроизведении картины русской жизни, и, как следствие, на объяснении сути национального характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года // Полное собрание сочинений в 13 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953–1959. Т. 10. 1956. С. 31.
2. Бельская А.А. «Тургеневский человек»: к постановке проблемы // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 2015. № 3. С. 97–105
3. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. 655 с.
4. Воскресенская Н.А. Русский национальный характер в «Записках охотника» И.С. Тургенева и его восприятие во французской литературной критике и переводах XIX–XX веков: дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2014. 205 с.
5. Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. М.: Валент, 2001. 200 с.
6. Лотман Л.М. И.С. Тургенев // История русской литературы: в 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980–1983. Т. 3. Расцвет реализма: История русской литературы. 1982. С. 123.
7. Словарь личных имён [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/personal_names (дата обращения: 23.07.17).
8. Словарь русского языка / под ред. Д.И. Ушакова, С.Е. Крючкова. М.: Дрофа, 2012. 320 с.
9. Солодуб Ю.П., Альбрехт Ф.Б., Кузнецов А.Ю. Теория и практика художественного перевода. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 304 с.
10. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Международные отношения, 1973. 248 с.
11. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения в 12 т. / И.С. Тургенев. Изд. 2-е, испр. и допол. М.: «Наука». Т. 3. Записки охотника 1847–1874. 1979. 526 с.

12. Черемисинова Л.И. Историко-литературный контекст рассказа А.А. Фета «Каленик»: Фет и Тургенев // Вестник Ставропольского государственного университета, 2006. № 2. С. 181-190.
13. Charrière E. Mémoires d'un seigneur russe ou tableau de la situation actuelle des nobles et des paysans dans les provinces russes. Paris, Bibliothèque des Chemins de fer, 1854. 405 p.
14. Ivan Tourguéniev. Récits d'un chasseur. Traduction nouvelle et intégrale avec commentaire, par Louis Jousserandot. Paris, Payot, 1929. 649 p.
15. Récits d'un chasseur. I. Tourguénéff; trad. De E. Halpérine-Kaminsky. Paris, P. Laffitte, 1926. 267 p.
16. Récits d'un chasseur; Premier amour. Ivan Tourgeniev / traduction nouvelle et préface par Michel-Rostislav Hofmann. Genève, 1969. 384 p.
17. Récits d'un chasseur, par Ivan Tourguénéf / traduits par H. Delaveau. Seule édition autorisée par l'auteur. Paris, E. Dentu, 1858. 559 p.
18. Tourgueneff I. Nouveaux récits d'un chasseur. Paris, A. Michel, 1927. 287 p.
19. Tourguenev. Récits d'un chasseur / traduit du russe par M. Vimay. Paris, Gründ, 1939. 219 p.
20. Tourguéniev. Mémoires d'un chasseur (Zapiski Okhotnika), 1852 / traduit du russe, avec une introduction et des notes, par Henri Mongault. Paris, Bossard, 1929. 635 p.
21. Turgenev Ivan Sergeevic. Récits d'un chasseur / traduit par Ernest Jaubert. Paris, 1891. 159 p.

REFERENCES

1. Belinskii V.G. [A glance at Russian literature of 1847]. In: *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1956. Vol. 10. pp. 31.
2. Bel'skaya A.A. [«Turgenev's Man»: statement of the problem]. In: *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Scientific notes of Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences], 2015, no. 3, pp. 97–105.
3. Vinogradov V.V. *O yazyke khudozhestvennoi literatury* [On the language of fiction]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1959. 655 p.
4. Voskresenskaya N.A. *Russkii natsional'nyi kharakter v «Zapiskakh okhotnika» I.S. Turgeneva i ego vospriyatie vo frantsuzskoi literaturnoi kritike i perevodakh XIX–XX vekov: diss. ... kand. filol. nauk* [Russian national character in «The Hunting Sketches» by I. Turgenev and its perception in French literary criticism and translations of the 19–20th centuries: PhD thesis in Philological sciences]. Nizhny Novgorod, 2014. 205 p.
5. Ermolovich D.I. *Imena sobstvennye na styke yazykov i kul'tur* [Proper names at intersection of languages and cultures]. Moscow, Valent Publ., 2001. 200 p.
6. Lotman L.M. [I. Turgenev]. In: *Rastsvet realizma: Istoriya russkoi literatury, T. 3* [The bloom of realism: The history of the Russian literature, vol. 3]. Leningrad: Nauka Publ., 1982. pp. 123
7. *Slovar' lichnykh imen* [Dictionary of proper names]. Available at: URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/personal_names (accessed: 23.07.17)
8. Ushakov D.I., Kryuchkov S.E., ed. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow, Drofa Publ., 2012. 320 p.
9. Solodub YU.P., Al'brekht F.B., Kuznetsov A.YU. *Teoriya i praktika khudozhestvennogo perevoda* [Theory and practice of literary translation]. Moscow, Akademiya Publ., 2005. 304 p.
10. Superanskaya A.V. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [The General theory of a proper name]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1973. 248 p.
11. Turgenev I.S. [The Hunting Sketches, 1874-1979]. In: *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete works and letters]. Moscow, Nauka Publ., Vol. 3. 526 p.

12. Cheremisinova L.I. [Historical and literary context of the story by A. Fet «Kalenik»: Fet and Turgenev]. In: *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Stavropol State University], 2006, no. 2. pp. 181–190.
13. Charrière E. *Mémoires d'un seigneur russe ou tableau de la situation actuelle des nobles et des paysans dans les provinces russes*. Paris, Bibliothèque des Chemins de fer, 1854. 405 p.
14. Ivan Tourguéniev. *Récits d'un chasseur. Traduction nouvelle et intégrale avec commentaire*, par Louis Jousserandot. Paris, Payot, 1929. 649 p.
15. *Récits d'un chasseur*. I. Tourguénéff; trad. De E. Halpérine-Kaminsky. Paris, P. Laffitte, 1926. 267 p.
16. *Récits d'un chasseur; Premier amour*. Ivan Tourguéniev / traduction nouvelle et préface par Michel-Rostislav Hofmann. Genève, 1969. 384 p.
17. *Récits d'un chasseur*, par Ivan Tourguénéff / traduits par H. Delaveau. Seule édition autorisée par l'auteur. Paris, E. Dentu, 1858. 559 p.
18. Tourguénéff I. *Nouveaux récits d'un chasseur*. Paris, A. Michel, 1927. 287 p.
19. Tourguéniev. *Récits d'un chasseur* / traduit du russe par M. Vimay. Paris, Gründ, 1939. 219 p.
20. Tourguéniev. *Mémoires d'un chasseur (Zapiski Okhotnika)*, 1852 / traduit du russe, avec une introduction et des notes, par Henri Mongault. Paris, Bossard, 1929. 635 p.
21. Turgenev Ivan Sergeevic. *Récits d'un chasseur* / traduit par Ernest Jaubert. Paris, 1891. 159 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Воскресенская Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной лингвистики Национального исследовательского «Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского»;
e-mail: voskresenskaya@flf.unn.ru

Казакова Екатерина Владимировна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры зарубежной лингвистики Национального исследовательского «Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского»;
e-mail: kazakova.e.v@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalia Voskresenskaya – PhD in Philological Sciences, associate professor at the Department of Foreign Linguistics, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod;
e-mail: voskresenskaya@flf.unn.ru

Ekaterina Kazakova – PhD in Philological Sciences, senior lecturer at the Department of Foreign Linguistics, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod;
e-mail: kazakova.e.v@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Воскресенская Н.А., Казакова Е.В. Особенности перевода имён собственных в художественном тексте (на материале французских переводов «Записок охотника» И.С. Тургенева) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 5. С. 16-24
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-16-24

FOR CITATION

Voskresenskaya N.A., Kazakova E.V. Peculiarities of the translation of proper names in a literary text (on the material of French translations of “The Hunting Sketches” by I. Turgenev). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2017, no. 5, pp. 16-24

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-16-24

УДК 1751

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-25-34

ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ КОННОТАТИВНОЙ СЕМАНТИКИ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Красильникова П.Ю.*Московский государственный областной университет**105005, г. Москва, ул. Радио, д.10А, Российская Федерация*

Аннотация. В представленной статье освещается вопрос выделения различных аспектов в структуре категории оценки. Дается обобщённая характеристика научных изысканий, посвящённых оценочной семантике. Оценочность рассматривается в статье как часть коннотативной стороны семантики языковой единицы. На основании детального анализа функционирования оценочного компонента коннотативного значения в поэтическом тексте автором предложен подход к определению структурных элементов и характеристик оценочного значения. Обосновывается мысль о том, что определённое понимание структуры семантической категории не может быть универсальным и должно адаптироваться в соответствии с целями исследования.

Ключевые слова: коннотация, категория оценки, оценочное значение, субъект оценки, объект оценки, основание оценки, характер оценки, контекст.

EVALUATIVE COMPONENT OF CONNOTATIVE MEANING IN POETIC TEXTS

P. Krasilnikova*Moscow Region State University**10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. This article demonstrates different aspects identified in the structure of the evaluation category. The generalized characteristic of scientific research on evaluation semantics is given. In this paper, the evaluative meaning is considered as a part of the connotative side of language unit's semantics. On the basis of a detailed analysis of the functioning of the evaluative component of connotative meaning in a poetic text, the author suggests an approach to determine the structural elements and characteristics of the evaluative meaning. The article supports the idea that a certain understanding of the structure of the semantic category cannot be universal and must be adapted in accordance with the aims of the research.

Key words: connotation, evaluation category, evaluative meaning, evaluative object, evaluative subject, evaluative foundation, evaluative nature, context.

Поэзия имеет мало общего с миром объективных сущностей. Несомненно, реальность, объективная действительность дают стимул поэтической энергии. Но, будучи в какой-то мере производными этих факторов, поэзия определённого автора и конкретное стихотворение могут никак с ними не соотноситься

содержательно. Поэтический текст любой формы и объёма является наиболее отвлечённым от объективной картины мира способом художественной организации речи.

Г. Гегель, рассматривая специфические черты поэзии, отметил её способность не зависеть от лексического наполнения: «...Если внутренняя субъективность является подлинным источником лирики, то за ней должно оставаться право ограничиваться выражением чисто внутренних настроений, рефлексий и т. д., не развёртываясь в конкретную ситуацию, представляемую в её внешнем облике. В этом отношении даже пустейшие переливы, пение и напевание ради самого пения оказываются подлинно лирическим удовлетворением души, где слова становятся лишь более или менее безразличными орудиями для высказывания всех радостей и горестей...» [6, с. 436].

Правом ограничиваться внутренними состояниями человеческой души в полной мере пользуется только поэзия лирическая, но и в сатирических произведениях слова становятся «более или менее безразличными орудиями» выражения авторского замысла. Поэтический мир каждого произведения всегда намного шире, чем набор фиксированных лексических значений слов и их сочетаний в пределах стихотворного. В этом выражается центробежная сила, являющаяся пружиной смысла стихотворения и исходящая из субъективного эмоционального и рационального восприятия, которое надстраивает смыслы при понимании текста (или, наоборот, проникает во внутренние, имплицитные смысловые слои текста, согласно гипотезе «слоё-

ного пирога», это лишь вопрос интерпретации). Гегель продолжает свою мысль так: «...Подлинная лирическая поэзия вырывается из этой уже существующей прозы и на основе субъективной самостоятельной фантазии создаёт новый поэтический мир внутреннего созерцания и чувства, благодаря которому она впервые порождает истинное содержание и способ выражения внутреннего мира человека» [6, с. 441]. В этих словах прослеживается понимание поэзии с точки зрения эстетики – науки, которая говорит об онтологических условиях возникновения эстетического. С этой позиции Гегель показал парадокс поэзии: с одной стороны, «внутреннее созерцание и чувства» являются основой «поэтического мира», с другой – такой мир могут порождать «пустейшие переливы».

Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой важнейшей стороной стихотворения являются мысли и чувства, как вложенные автором в произведение, так и возникающие в сознании читателя, а сам текст и его форма находятся в области чистой эстетики. Это не умаляет значимости, например, просодии стиха и стилистических характеристик. Эти факторы позволяют автору задать рамки, фундамент для построения смыслов. Нам не представляется возможным чётко описать этот процесс с исследовательской точки зрения, как и самим поэтам. В этой точке, по словам И.А. Бродского, различаются два вида движущей силы поэзии – центробежная и центростремительная. Образно это можно описать как смысловые сферы, которые расширяются, удаляясь от заданной словесной формы, и наоборот – форму, обусловленную смыслами. Вто-

рой вид характеризуется эстетикой детализированности и некой «конечностью» смыслов, первый же, наоборот, – множественностью толкований и образностью.

В контексте данного исследования мы будем считать центристемительной текстообразующей силой стихотворения ту, под действием которой каждая смысловая единица, каждая мельчайшая деталь получает собственное языковое воплощение, а центробежной – ту, которая формирует содержание и определяет интенцию текста имплицитно, неявно.

Д. Агамбен образно назвал поэзию «пространством производства субъективности» [1, с. 7]. Это определение полностью согласуется с нашим пониманием поэтического творчества с тем лишь уточнением, что субъективность «производится» как внутри сознания автора, так и внутри сознания читателя.

Следует отметить, что различие целей требует и различий в средствах. В стремлении выразить единичное, индивидуальное, мимолётное и скоротечное язык использует приёмы, разрушающие границы концептов: они утрачивают определённую [3, с. 3]. Эти характеристики как нельзя лучше определяют поэзию в качестве пути развития языка, когда единичность значения и невозможность воспроизвести то же значение другими словами являются основополагающими свойствами.

Одним из основных средств выражения субъективности является оценочность, которую мы понимаем как полностью субъективную категорию, считая, что объективная сторона семантики слова, выполняющего

оценочную функцию, относится к дескриптивной части значения.

Оценочное значение – это одна из семантических категорий, формирующих коннотативное значение. Составляющие коннотативной семантики не регулируются строгими иерархическими отношениями вследствие сложных пересечений связей между различными категориями и имплицитности компонентов их содержания [8, с. 86]. Так, логически сложные категории включают в себя более простые, а многие категории носят относительный характер. Некоторые из них составляют однородные по логическому содержанию объединения, лежащие в основе группировки функционально-семантических полей.

Категория оценки всегда связана с категориями субъекта и объекта. Она, по мнению Т.В. Маркеловой, входит в группировку количественно-качественных полей, логически объединяясь с семантической категорией качества [8, с. 87]. Важным фактором для обозначения границ оценочной семантики является разделение семантических категорий на собственно номинационные и интерпретационные. Оценка, относясь к интерпретационному классу, характеризуется зависимостью от внеязыковых факторов, от роли говорящего в акте коммуникации, что подтверждает принадлежность этой категории к области субъективного восприятия.

Отметим, что понимание места оценки в совокупности семантических категорий как интерпретационной характеристики имеет много общего с пониманием коннотации в рамках теории лингвистической экспертизы как значения, которое не обязательно

воспринимается адресатом сообщения (читателем текста), а его понимание зависит также от внеязыковых факторов.

Основополагающим для нас является тезис В.В. Виноградова о том, что в поэтическом языке «находит выражение оценка изображаемого мира со стороны писателя, его отношения к действительности, его миропонимания» [4, с. 114].

Оценочная семантика представляет собой сложную систему, определяемую семантическими категориями субъекта, объекта, характера оценки и основания оценки. Природа этих компонентов лежит в основе специфических признаков семантики оценки. В соответствии с экстремумами шкалы оценки «хорошо» и «плохо» при внешней дискретности оценки каждый компонент оказывает влияние на характеристику «хорошести», выражаемую оценкой. Это свойство зависит от природы объекта, а та, в свою очередь, обусловлена «выбором» субъекта – сензитивным или интеллектуальным аспектом его оценочной деятельности.

Выражения, не содержащие эксплицитных оценочных элементов ни в виде оценочных слов, ни в виде сем, резко выделяются среди оценочных высказываний. При отсутствии вышеупомянутых оценочных маркёров они тем не менее приобретают оценочное значение, накладываясь на общую для данного социума «картину мира» и существующие в ней стереотипы. Зоонимы, несущие оценочное значение, относятся именно к таким, квазиоценочным выражениям, в которых оценка не проявляется в специальных словах: *Кстати – он силен в испанском, как испанская корова* [9]. Однако ино-

гда дополнительные характеризующие слова в сочетании с зоонимом могут уточнять оценочное значение: *Кто в трамвае, как акула, отвратительно зевает?* [9]

В структуру такой оценки входят и имплицитные, и эксплицитные элементы. Так, объект оценки в большинстве случаев бывает выражен эксплицитно: *Кто в трамвае, как акула, отвратительно зевает? То зевает друг-читатель над скучнейшей газетой* [9]. Как подчёркивает Э. Сэпир, если для логики оценок имплицитность или эксплицитность не играет существенной роли, то для лингвистического анализа оценок этот вопрос имеет первостепенную важность [10, с. 61].

Оценочный компонент играет значительную роль в формировании коннотативного значения. С логической точки зрения категория оценки включает следующие элементы: оценивающий субъект, оцениваемый предмет или объект, характер оценки и основание оценки. Они соотносятся с языковой семантикой оценки, которая отражает структуру оценочного суждения [8, с. 86]. Суждение выносится следующим образом: опыт, определённое состояние сознания и общечеловеческие стандарты бытия [8, с. 86] мотивируют субъект приписать ценность определённому предмету путём выражения оценки.

Для нашего исследования важно рассмотреть эти элементы, составляющие структуру оценки, в соответствии с определённым материалом и целями. При анализе художественного поэтического текста с точки зрения коннотативного содержания за субъект оценки мы принимаем автора, вне

зависимости от того, встречается ли слово в составе прямой или косвенной речи персонажа или лирического героя стихотворения. Употребление слова в косвенной речи персонажа, несомненно, является инструментом характеристики производителя речи, поэтому субъектом оценки мы будем считать автора, хотя при реальной коммуникации субъект и производитель высказывания, как правило, совпадают. Так, в примере...*медики повторяли те же клички: «Грымза! Килька! Баба! Франт!»* [9] оценочный компонент семантики зоонима *килька* эксплицитно функционирует как суждение, адресованное производителем высказывания в адрес молодого человека. Имплицитно же он служит созданию художественного образа производителя речи, так как слово *килька* в определённый период использовалось в качестве оскорбления на одесских базарах [2], что свидетельствует о связи говорящего с базаром и, соответственно, способствует формированию иронического оценочного значения. Таким образом, в подобных случаях автор является субъектом оценки, а субъект становится объектом.

Оценка может носить абсолютный или сравнительный характер. Абсолютная оценка относится к одному объекту, а относительная сравнивает два объекта. В рамках нашего исследования коннотативной семантики зоонимов актуальным, за редким исключением, оказывается явление абсолютной оценки: *Под разврат бесмысленных речей человек тупеет, как скотина...* [9]. Содержанием следующего этапа характеристики является определение положительного или отрицательного отношения субъекта к

объекту, связанного как с позицией объекта на шкале оценок (отрицательное – положительное – безразличное), так и с эмоциями, ощущениями и концептуальным миром субъекта [8, с. 88].

Вопрос о структуре оснований оценочных суждений является крайне сложным. Очевидно, он должен решаться индивидуально по отношению к задачам конкретного исследования. Самая общая классификация, соотносящаяся с дихотомией объективного и субъективного, разделяет оценки на две группы: внутренние, основанием которых является некое чувство или ощущение, и внешние, основанием которых служит некий образец, стандарт или норма [8, с. 82].

В структуре внешней оценки имплицитность стереотипов и шкалы оценок как частей модальной рамки объясняется обязательностью ценностных ориентаций социума [8, с. 87]. Эта модальная рамка не является постоянной, однако подвержена меньшей изменчивости, чем индивидуальные комплексы ценностных ориентаций; она больше зависит от социально-исторических обстоятельств, чем от своеобразия мышления отдельной личности. Так, Пушкин назвал Карамзина стариком 37 лет, что продиктовано, очевидно, не личным мнением поэта о характеризуемой личности, а именно тем, что для начала XIX в. этот возраст действительно считался преклонным, однако в наше время такое выражение уже может быть интерпретировано совсем иначе.

Положительность или отрицательность модуса оценки зависит от ситуации и стереотипов, по отношению к которым производится оценка. Несомненно, что при анализе живой речи

имеет значение отнесённость оценок к событиям реального мира, а не к суждениям о нём, тогда как при исследовании художественного текста нам представляется необходимым уделять внимание именно индивидуальным основаниям авторской оценки. В обоих случаях оценка может оказаться связанной с процессами сравнения и выбора, которым необходим некий стандартизированный ориентир. Если в классе внешних оценок такой стандарт выводится из внеязыковых факторов действительности, то для интерпретации ориентира внутренних оценок отдельного человека, производителя текстов, писателя, требуется проделать более сложный путь: сначала найти и проанализировать выражающие оценочное значение лексические единицы, а уже потом, согласно полученным координатам, определить положение «осей» оценки. Крайними точками оси Y, обозначающей внешнюю оценку, являются «хорошо» и «плохо», а крайними точками X оси – «нравится» и «не нравится», отражающими характер внутренней оценки. Применительно к такому материалу исследования, как язык поэзии, и особенно – поэзии сатирической, оценки оси X, то есть оценки внутренние, субъективные, преобладают как количественно, так и качественно: *Кричал он о «ней», о богине, а я её толстой гусыней в душе называл беспощадно* [9].

В соответствии с выведенной схемой анализа коннотативного содержания зоонимов [7] оценка занимает высшую позицию в иерархии компонентов коннотативного значения. Авторский стиль выражается в стилистическом компоненте – выборе конкретного слова для выражения

оценки, а обстоятельства реального мира становятся социокультурным основанием для выбора слова, выражающего оценку.

По сути своей оценочная семантика имеет много общего с категорией модальности, а именно с субъективной модальностью, которая характеризует отношение автора высказывания к его содержанию. Объективная модальность, выражающая отношение действия к действительности, таким образом, совпадает с классом внешних оценок, а субъективная – с классом внутренних оценок.

Е.М. Вольф в работе «Функциональная семантика оценки» говорит об этом так: «Оценку можно рассматривать как один из видов модальностей, которые накладываются на дескриптивное содержание языкового выражения. Высказывания, включающие оценку или другие модальности, содержат дескриптивную компоненту и недескриптивную, т. е. модальную, компоненту, причём первая описывает одно или несколько возможных положений дел, а вторая высказывает нечто по их поводу» [5, с. 97]. Таким образом, оценочную модальность определяют не отдельные элементы высказывания, а высказывание в целом. Это подводит нас к мысли о том, что, анализируя коннотативную оценочную семантику зоонимов, невозможно правильно описать характер оценки, не обращаясь к содержащему его высказыванию, не к конкретной синтаксической конструкции, а к общему, неразложимому смыслу выражения: *Начальнической плещи строгий блеск с бычачьим лбом сливается в гротеск* [9]. «Встраиваясь в контекст, оценка выполняет функцию модальной рамки, наложенной на

высказывание и не совпадающей ни с его логико-семантическим построением, ни с синтаксическим» [5, с. 12].

Вопрос о классификации оценочных значений также может быть спорным. Кажется, что сам факт оценки включает в себе смысл классификации объектов, ведь при толковании обоснования оценки часто возникает вопрос о том, какие существуют уровни для оценки по данному признаку. Тем не менее, оценка не обязательно предполагает систематизацию. Оценочные слова не выступают в классифицирующей функции, когда эмоциональный аспект преобладает над рациональным. Так, стол может быть удобным, менее удобным и совсем неудобным, а более или менее великолепным – нет. Сказанное относится как к оценочным прилагательным и наречиям, так и к существительным, в частности, к зоонимам, однако в зоонимах семантика оценки актуализируется только в контексте, за исключением редких случаев. Например, лексема *крыса* не имеет в русской языковой картине мира положительных коннотаций. Во фразеологии закреплена негативная окраска (*крысы первыми бегут с корабля, крысиные бега*), а любые метафорические употребления характеризуются негативным модусом оценки, если отдельно не сказано иное (*крысиное личико, выглядеть как мокрая крыса, вести себя как крыса*). При этом, *таракан*, будучи близким ей существом с бытовой точки зрения, в качестве понятия наделяется не только отрицательными языковыми коннотациями, его «живучесть» является основой для положительной, одобрительной метафорической оценки человека или другого живого существа. Учитывая, что

крысы как вид обладают не меньшей живучестью, этот факт представляется нам довольно любопытным.

Впрочем, классификация может и присутствовать в случае с оценкой человека, обобщённо выражающейся в сравнении с животным. Это напрямую связано с морфологическим и синтаксическим воплощением такой оценки в предложении.

Оценочное значение может реализоваться через прилагательные или наречия, образованные от зоонима: *А ты! Что сделал ты на свете? Родил собачий, затхлый быт и, приучивши спину к плети, охотно ел из всех корыт* [9]. Так, например, в стихотворении О.Э. Мандельштама мы встречаем: *Тараканьи смеются усища и сияют его голенища* [9]. Субъектом оценки в поэтическом тексте всегда является сам поэт, но объектом здесь оказывается не синтаксический субъект *усища*, с которым определительными отношениями связано прилагательное, а обозначенная местоимением личность И.В. Сталина. Характер оценки является резко отрицательным, что очевидно как из контекста в буквальном смысле слова, так и из контекста историко-литературного, обоснованием оценки становится отсылка к стихотворению К.И. Чуковского «Тараканище», в котором грозный таракан перепугал всех, включая гиппопотама. При такой реализации оценочного значения градация характера оценки невозможна, у оцениваемого признака не может быть большая или меньшая степень проявления.

Аналогично мы рассматриваем реализацию оценочного суждения в речи с помощью конструкции со сравнительным союзом «как» – градация

степеней не имеет места в таких случаях. Можно сформировать степени сравнения аналитически: «почти как», «совсем как», «точно как» и т. д., но в контексте данного исследования мы считаем нужным анализировать языковые единицы в том виде, в котором они приведены автором: *Вдруг беллетрист, как леопард, в поэта метнул глаза* [9].

Наличие классификационного потенциала в структуре оценки не является окончательно решённым вопросом, однако на него также можно ответить однозначно, если найти соответствующий определённой задаче подход. Кажется, что самому факту оценки заведомо предшествует некая классификация объектов оценки, т. е. утверждать, что какие-то фрукты хорошие, можно только при наличии плохих. Но оценка не всегда предполагает классификацию. В тех случаях, где на первом плане находится индивидуальный, эмоциональный аспект, оценочные слова не выступают в классифицирующей функции. А так как поэзия – это сфера действия субъективного, изгибы классификационной шкалы могут быть крайне непредсказуемыми.

Таким образом, классифицирующая способность оценочных выражений в значительной степени определяет их референтные свойства. Эмоциональные оценки в последнюю очередь включают референциальное значение. Это можно подтвердить путём доказательства от обратного: нельзя поставить вопрос «этот дом потрясающий?», но можно спросить «красивый ли этот дом?»

Поэзии свойственна субъективность, а наиболее субъективной сто-

роной коннотативного значения слова является оценочный компонент. Семантическая категория оценки и её структурные элементы должны быть адаптированы соответствующим образом для анализа значения определённых языковых единиц в составе поэтического произведения. Так, в самом зоониме характер и основание оценки выражаются только имплицитно, без участия оценочных слов. Эксплицитно, как правило, бывает выражен объект оценки. Субъектом оценки в контексте исследования коннотации языковых единиц в текстах сатирической поэзии является автор, вне зависимости от синтаксического субъекта. Дифференциация относительных и абсолютных оценок в свете материала нашего исследования не включается в схему анализа, так как оценка, выраженная зоонимом, всегда является абсолютной.

Вопросы характеристики оценки как внешней или внутренней и определения оценочного слова как классификационного признака также могут считаться решёнными для зоонимов в сатирической поэзии Саши Чёрного. Таким образом, полем для плодотворного исследования коннотативной семантики языковых единиц сатирической поэзии оказываются составляющие категории оценки, соотносящиеся с понятиями основания оценки и характера оценки. Под основанием оценки в данном случае мы понимаем социокультурный компонент коннотативного значения зоонима, а под характером оценки – то, что может толковаться как стилистическая характеристика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агамбен Дж., Новиков Д., Пензин А., Скидан А. Поэтический субъект должен каждый раз быть произведён заново – только для того, чтобы затем исчезнуть // Транслит, 2010. № 8. С. 4-11.
2. Академик. Словари и энциклопедии [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/> (дата обращения: 17.08.2017).
3. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
4. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика // Проблемы русской стилистики. М.: Высшая школа, 1981. 320 с.
5. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. Изд. 2-е, доп. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
6. Гегель Г.В.Ф. Лекции по эстетике. Т. II. СПб.: Наука, 1999. 622 с.
7. Красильникова П.Ю. Методы лингвистической экспертизы в толковании коннотативного содержания зоонимов в текстах Саши Чёрного // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 2. С. 22-30.
8. Маркелова Т.В. Взаимодействие оценочных и модальных значений в русском языке // Филологические науки. 1996. № 1. С. 80-90.
9. Саша Чёрный. Стихотворения [Электронный ресурс]. URL: <http://rupoem.ru/chernyj/all.aspx> (дата обращения: 11.06.2017).
10. Сэпир Э. Градуирование: семантическое исследование // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985. С. 43-78.

REFERENCES

1. Agamben J., Novikov D., Penzin A., Skidan A. [The poetic subject must be recreated every time – only to disappear then]. In: *Translit* [Translit]. 2010, no. 8, pp. 4–11.
2. Akademik. Slovari i entsiklopedii. Available at: URL: <http://dic.academic.ru/> (accessed: 17.08.2017).
3. Arutyunova N.D. *Tipy yazykovykh znachenij: Ocenka. Sobytie. Fakt* [Types of linguistic meanings: The evaluation. The event. The fact]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 341 p.
4. Vinogradov V.V. Style. [The theory of poetic speech. Poetics]. In: *Problemy russkoj stilistiki* [Problems of the Russian stylistics]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1981. 320 p.
5. Vol'f E.M. *Funkcional'naya semantika ocenki* [Functional semantics of evaluation]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2002. 280 p.
6. Hegel G.W.F. *Lekcii po ehstetike T. II* [Lectures on aesthetics. Vol. 2]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999. 622 p.
7. Krasil'nikova P.YU. [Linguistic examinations methods in the interpretation of the connotative content of the zoonyms in Sasha Cherny's lyrics]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series Russian Philology], 2017, no. 2, pp. 22–30.
8. Markelova T.V. [The interaction of evaluative and modal meanings in the Russian language], In: *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], 1996, no. 1, pp. 80–90.
9. Sasha ChErnyi. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Available at: URL: <http://rupoem.ru/chernyj/all.aspx> (accessed: 11.06.2017)
10. Sepir E. [Grading, a study in Semantics]. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow, 1985. no. XVI, pp. 43–78.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Красильникова Пелагея Юрьевна – аспирант кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета;
e-mail: krasilnikov3@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pelageya Krasilnikova – postgraduate student at the Department of the Modern Russian Language, Moscow Region State University;
e-mail: krasilnikov3@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Красильникова П.Ю. Оценочный компонент коннотативной семантики в поэтических текстах // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 5. С. 25-34
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-25-34

FOR CITATION

Krasilnikova P.Y. Evaluative component of connotative meaning in poetic texts. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2017, no. 5, pp. 25-34
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-25-34

УДК 81'243

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-35-42

ОБУЧЕНИЕ РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (УРОВЕНЬ B2)

Минакова Н.А., Стрельчук Е.Н., Талыбина Е.В.

Российский университет дружбы народов

117198, Москва, ул. Миклуха-Маклая, 10, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается художественный текст в лингводидактическом плане, детализируются его функции на занятиях по русскому языку с иностранными студентами. В частности, акцентируется внимание на развитии грамматических навыков инофонов на основе текстов художественной литературы. Представленные в исследовании языковые и речевые упражнения направлены на отработку навыков употребления видо-временных форм глаголов в речи студентов. Предложенная система упражнений может быть использована в практике преподавания РКИ на продвинутом этапе обучения.

Ключевые слова: художественный текст, методика преподавания русского языка как иностранного, грамматика, видо-временные формы глагола.

TRAINING OF STUDENTS-PHILOLOGISTS IN THE RUSSIAN GRAMMAR ON THE MATERIAL OF LITERARY TEXT (LEVEL B2)

N. Minakova, E. Strelchuk, E. Talibina

Peoples' Friendship University of Russia

10, Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russian Federation

Abstract. The article considers a literary text in the linguodidactic plan and details its functions in teaching Russian as a foreign language. In particular, the attention is focused on the development of grammatical skills of inophones based on literary texts. The language and speech exercises presented in the study are aimed at developing the skills of using the modern forms of verbs in students' speech. The proposed system of exercises can be used in the practice of teaching Russian as a foreign language at the advanced level of education.

Key words: literary text, methodology of teaching Russian as a foreign language, grammar, modern forms of the verb.

В настоящее время на первый план при обучении русскому языку как иностранному выходит работа с текстом, обеспечивающая осуществление не только коммуникативной, но и развивающей цели обучения. Методы, направленные на развитие творческих способностей обучающихся, успешно используются в преподавании РКИ. Перспективным представляется применение интегрированного метода, включающего одновременное изучение русского языка, литературы и культуры. При этом работа над языком может включать все основные

аспекты: фонетический, грамматический и лексический. В предлагаемой статье рассматривается изучение грамматики на основе текстов художественной литературы, которые, «как аутентичный материал, отвечают требованиям современной методики преподавания иностранных языков» [3, с. 195].

Как известно, взгляд на место и роль художественного текста в преподавании РКИ менялся. Существовал непродолжительный период, когда художественный текст был вытеснен и заменён научным. В частности, такая тенденция наблюдалась при обучении иностранных филологов.

Однако в последнее время роль художественного текста в преподавании РКИ возросла. Это связано с рядом причин. И.П. Слесарева, например, выделяет следующие:

- 1) характерный для переживаемой эпохи интерес к гуманитарному знанию;
- 2) бесспорная важность изучения художественной литературы для поддержания и расширения интереса к русскому языку, на котором создана богатейшая художественная литература;
- 3) достижения филологической науки, прежде всего стилистики и лингвистики текста;
- 4) необходимость и возможность оценить и обобщить опыт преподавания русского языка как иностранного [6, с. 58].

Можно также говорить о постоянном и неугасающем интересе к произведениям русской литературы за пределами России. Так, например, европейская система обучения предусматривает в обязательном порядке

работу с художественной литературой на занятиях по иностранным языкам. Текст не только читается, но и детально анализируется. Например, в Италии (в Болонском и других университетах) обучение русскому языку на старших курсах осуществляется на основе текстов русской литературы.

Такое пристальное внимание к художественной литературе не случайно. В методике и практике преподавания русского языка как иностранного художественный текст чаще всего рассматривается с разных точек зрения:

- в аспекте мотивационной эстетически содержательной ценности;
- как средство обучения видам речевой деятельности;
- в качестве лингвостилистического, лингвострановедческого, лингвокультуроведческого материала.

Е.Н. Стрельчук рассматривает художественный текст и как один из способов формирования и развития речевой культуры инофонов. «Знакомство с произведениями великих русских поэтов и писателей позволяет приобщить студентов не только к лучшим образцам русского искусства, но и способствует расширению концептуальных знаний учащихся» [7, с. 187-188].

Все перечисленные точки зрения на роль художественного текста в иностранной аудитории направлены на конечную цель – формирование коммуникативной компетенции.

Общеизвестно, что принцип коммуникативной направленности обучения стал ведущим как в российской, так и мировой методике преподавания иностранных языков. Теория коммуникации позволяет строить модель речевого общения, составляющими компонентами которой являются ав-

тор, читатель и непосредственно художественный текст. Трактовка процесса коммуникации как сообщения, автора художественного текста как адресанта, читателя как адресата предполагает процесс распрямления художественного текста, состоящего в восстановлении фрагмента реальной действительности: самой ситуации общения, коммуникантов, их социальных ролей и отношения автора ко всем сторонам акта общения. Читатель-обучающийся включает в область своего анализа наблюдаемые (сюжет) и ненаблюдаемые (речевые конструкции, коннотации) элементы акта коммуникации. Реципиент сам строит картину социального взаимодействия людей. Это даёт возможность использовать в обучении ситуативность речи, которая является отличительной особенностью художественного текста, а поэтапное представление сюжетных линий позволяет обучающемуся наблюдать чередование типов речи.

Таким образом, текст художественного произведения выступает как речевая система, в которой происходит реализация системы языка, то есть он является материалом для обучения, в нашем случае – для развития грамматических навыков инофонов.

Очевидно, что грамматический аспект является одним из важнейших в методике преподавания РКИ. Грамматика – это тот «фундамент, на котором может быть основано прочное, осознанное, активное владение русским языком как специфическим способом национального отражения и моделирования реальной действительности» [5, с. 118]. В соответствии с этапом обучения, уровнем владения языком грамматический материал ус-

ложняется, расширяется языковая база, закрепляются навыки правильного использования грамматических конструкций в речи.

Подавляющее большинство преподавателей-русистов считают, что наибольшие трудности представляет собой изучение глагольных категорий: видо-временных форм, возвратных глаголов и т. д. [8, с. 70]. Неслучайно в практике преподавания русского языка обучение употреблению видов глагола включено в программу на всех этапах: начальном, среднем и продвинутом.

Глагол – ёмкая грамматическая категория русского языка, стержень языковой и речевой системы. По мнению В.В. Виноградова [2, с. 45], глагол наиболее конструктивен по сравнению с другими категориями частей речи, а глагольные конструкции влияют на именные словосочетания и предложения. Глагольное слово обладает сложной семантической структурой, в которой в единый клубок переплелись лексические, словообразовательные и грамматические значения. Необходимо также помнить о том, что в лексике русского языка преобладают многозначные глаголы с разветвлённой системой прямых, метафорических и метонимических значений и оттенков, которые активно употребляются авторами художественных произведений.

Наибольшую трудность для иностранных учащихся представляют видо-временные формы русского глагола, широко представленные в художественных текстах. При выработке навыков употребления видо-временных форм глагола контекст играет немаловажную роль, он способен в ряде случаев снять лексические трудности

и продемонстрировать реализацию формы на примере речевого образца.

Наш опыт работы с иностранными студентами-филологами свидетельствует о том, что тексты, содержащие эмоциональный посыл, пробуждают интерес иностранцев к русской культуре, истории и языку, в то же время позволяют развивать и совершенствовать навыки употребления в речи грамматических категорий и форм.

Нами были отобраны малые формы текстов, в частности рассказы А.П. Чехова и И.А. Бунина [1; 9], и приняты во внимание «соответствие текста языковой компетенции учащихся, соответствие языковых трудностей текста программе обучения, преобладающий тип речи ...» [4, с. 20]. Приведённые ниже упражнения к этим рассказам мы использовали на занятиях со студентами-филологами старших курсов (продвинутый этап, уровень B2). В группах обучались инофоны из стран Азии и Европы.

Необходимо отметить, что типология упражнений на выработку навыков употребления видо-временных форм глаголов в полном объёме ещё не разработана. В данной статье приведены лишь некоторые типы языковых и речевых упражнений, которые имели положительный результат на занятиях с иностранцами. В качестве примера рассмотрим следующие типы упражнений из готовящегося нами к изданию учебно-методического пособия «Изучаем глагол на основе художественного текста».

Примеры **языковых** упражнений на основе художественных текстов.

Упражнение № 1. Выберите из скобок подходящую по смыслу приставку.

«Надя должна была вот-вот (вы-, с-, за-, у-, на-) бежать проститься. Он поспешно (с-, у-) прятал в чемодан вино и фрукты, (за-, на-, вы-, под -) бросил пальто и шапку на диван за круглый стол и тотчас услышал скорый стук в дверь. Не успел он (за-, о-, при-) творить, как она (во-, вы-, за-, при-) шла и обняла его, вся холодная и нежно-душистая...»

(И. Бунин, «Генрих»)

Упражнение № 2. Вставьте в текст подходящие по смыслу глаголы.

Слова для справок: мелькать, закрыть, опустить, постучать

«Поезд набрал скорость, за чёрным окном ... белые снежные сугробы. Он ... под столиком раскалённую топку, ... на холодное окно плотную шторку и ... в дверь возле умывальника...»

(И. Бунин, «Генрих»)

Упражнение № 3. Прочитайте текст. Замените выделенные глаголы совершенного вида на глаголы несовершенного вида. Объясните смысловое различие исходного и получившегося текстов.

«Когда он *вернулся*, почувствовал в тёплом купе счастье совсем семейной ночи. Она *откинула* на постели угол одеяла и простыни, *вынула* его ночное бельё, *поставила* на столик вино, *положила* плетёную коробку с грушами...»

(И. Бунин, «Генрих»)

Упражнение № 4. Прочитайте текст. К выделенным глаголам подберите синонимы и запишите свой текст.

«Он давно уже *осип* и *изнемог* от плача, но все ещё *кричит*, и неизвестно, когда он *уймётся*. А Варька хочет спать. Глаза её *слипаются*...»

(А. Чехов, «Спать хочется»)

Упражнение № 5. Прочитайте текст. Определите видовое значение выделенных глаголов: *общезначительное, результативное, процессуальное, однократное, многократное.*

«Мать Пелагея побежала в усадьбу к господам сказать, что Ефим умирает. Она давно уже ушла, и пора ей вернуться. Варька лежит на печи, не спит и прислушивается... Но вот слышно, кто-то подъехал к избе. Это господа прислали молодого доктора, который приехал к ним из города в гости. Доктор входит в избу...».

(А. Чехов, «Спать хочется»)

Упражнение № 6. Прочитайте диалог. Употребите выделенные глаголы в нужной форме.

– Ну, что? Что ты это (*придумать*)? – говорит доктор, нагибаясь к нему.

– Чего-с? (*Помирать*), ваше благородие, (*приходить*) время... (*Не быть*) мне в живых...

– Полно вздор (*говорить*)... (*Вывести*)

– Это как вам угодно, ваше благородие, (*благодарить*) покорно, а только мы (*понимать*)... Коли смерть (*приходить*), что уж тут...

(А. Чехов, «Спать хочется»)

Примеры **речевых** упражнений на основе художественных текстов.

Упражнение № 1. Прочитайте текст, пропуская слова, не несущие основной информации. Сравните исходный и получившийся тексты. Обратите внимание на значение глаголов.

«... он крепко заснул после завтрака и, проснувшись, вдруг взглянул на всё своё жалкое и постыдное поведение трезво и твёрдо. Он потребовал к себе в комнату чаю и стал убирать из гардероба вещи в чемоданы, стараясь больше не думать о ней и не жалеть о

своей бессмысленной, испорченной поездке».

(И. Бунин, «Генрих»)

Упражнение № 2. Прочитайте диалог, разыграйте его по ролям, перескажите его в косвенной речи.

– Надоела, потому что не хочу больше быть товарищем тебе.

– И я этого больше не хочу! И ещё раз говорю: напиши этому венскому прохвосту, что увидишься с ним на обратном пути, а сейчас не здорова, должна отдохнуть после инфлюэнции в Ницце. И поедем не расставаясь и не в Ниццу, а куда-нибудь в Италию...

– А почему не в Ниццу?

– Не знаю. Вдруг почему-то расхотелось. Главное – поедем вместе!

(И. Бунин, «Генрих»)

Упражнение № 3. Перескажите текст повествовательного характера, сохраняя значение глагольных форм.

«Она садится на пол, чистит калоши и думает, что хорошо бы сунуть голову в большую, глубокую калошу и подремать в ней немножко... И вдруг калоша растёт, пухнет, наполняет собой всю комнату, Варька роняет щётку, но тотчас же встряхивает головой, пучит глаза и старается смотреть так, чтобы предметы не росли и не двигались в её глазах».

(А. Чехов, «Спать хочется»)

Упражнение № 4. На основе прочитанного рассказа А.П. Чехова «Спать хочется» напишите сочинение на тему: «Жизнь Варьки (прошлая и настоящая)». Объясните вид и время употреблённых вами глаголов.

Результаты проведённой нами работы подтвердили гипотезу о том, что обучение иностранных студентов употреблению видо-временных форм

русского глагола на материале художественных текстов даёт положительный результат, а предложенная система упражнений может быть использова-

на в практике преподавания русского языка как иностранного на продвинутом этапе обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин И.А. Генрих // Тёмные аллеи. Сочинения в трёх томах. Т. 3. М.: Художественная литература, 1982. С. 378-383.
2. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1972. 614 с.
3. Кулибина Н.В. Использование художественного текста на практических занятиях по русскому языку как иностранному // Методическое пособие к дистанционному курсу повышения квалификации преподавателей русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 2004. Ч. 1. С. 193-223.
4. Новикова М.Л. Обучающий потенциал художественного текста в иноязычной аудитории (интеграция лингвистического и литературоведческого подходов) // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2013. № 1. С. 17-23.
5. Русский язык как иностранный. Методика обучения русскому языку: учебное пособие для высших учеб. заведений / Г.М. Васильева [и др.]; под. ред. И.П. Лысаковой. М.: ВЛАДОС, 2004. 270 с.
6. Слесарева И.П. Художественный текст в практическом курсе русского языка для студентов-филологов // Теория и практика обучения русскому языку иностранных студентов-филологов. М.: Русский язык, 1984. С. 57-63.
7. Стрельчук Е.Н. Формирование русской речевой культуры иностранных бакалавров негуманитарных специальностей в вузах РФ: дисс. ... док. пед. наук. М., 2016. 357 с.
8. Хавронина С.А., Балыхина Т.М. Инновационный учебно-методический комплекс «Русский язык как иностранный». М.: РУДН, 2008. 70 с.
9. Чехов А.П. Спать хочется. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. VI. М.: Художественная литература, 1988. С. 10-15.

REFERENCES

1. Bunin I.A. [Henry]. In: *Temnye allei. Sochineniya v trekh tomakh* [The dark alleys. The work in three volumes]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1982, vol. 3. pp. 378–383.
2. Vinogradov V.V. *Russkii yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [The Russian language (Grammatical teaching about a word)]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1972. 614 p.
3. Kulibina N.V. *Ispol'zovanie khudozhestvennogo teksta na prakticheskikh zanyatiyakh po russkomu yazyku kak inostrannomu* [The use of literary text in practical classes in Russian as a foreign language]. Moscow, Russkii yazyk, 2004, vol. 1. pp. 193–223.
4. Novikova M.L. [Educational potential of a literary text in foreign language audience (integrated linguistic and literary approaches)]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Russkii i inostrannyye yazyki i metodika ikh prepodavaniya* [Bulletin of RUDN of Russian and Foreign languages research and teaching], 2013, no. 1, pp. 17–23.
5. Vasilyev G.M., Lysakova I.P., ed. *Russkii yazyk kak inostrannyyi. Metodika obucheniya russkomu yazyku* [Russian as a foreign language. Methods of teaching of the Russian language]. Moscow, VLADOS Publ., 2004. 270 p.
6. Slesareva I.P. [Literary text in the practical course of the Russian language for students-philologists]. In: *Teoriya i praktika obucheniya russkomu yazyku inostrannykh studentov-*

- filologov* [Theory and practice of teaching the Russian language to foreign students-philologists]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1984. pp. 57–63.
7. Strel'chuk E.N. *Formirovanie russkoi rechevoi kul'tury inostrannykh bakalavrov negumanitarnykh spetsial'nostei v vuzakh RF: diss. ... dokt. ped. nauk* [The formation of the Russian speech culture of foreign bachelors of non-humanitarian specialties in higher educational institutions of the Russian Federation: D. thesis in Pedagogical sciences]. Moscow, 2016. 357 p.
 8. Khavronina S.A., Balykhina T.M. *Innovatsionnyi uchebno-metodicheskii kompleks «Russkii yazyk kak inostrannyi»* [Innovative educational-methodical complex "Russian as a foreign language"]. Moscow, RUDN Publ., 2008. 70 p.
 9. Chekhov A.P. [I want to sleep]. In: *Sobranie sochinenii v dvenadtsati tomakh* [Collected works in twelve volumes]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1988, vol. VI, pp. 10–15.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Минакова Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Российского университета дружбы народов;
e-mail: naminakova@yandex.ru

Стрельчук Елена Николаевна – доктор педагогических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Российского университета дружбы народов;
e-mail: Strelchukl@mail.ru

Талыбина Елена Валентиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Российского университета дружбы народов;
e-mail: Talibina2007@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalya Minakova – PhD in Philological sciences, associate professor at the Department of Russian Language and methods of its teaching, Peoples' Friendship University of Russia;
e-mail: naminakova@yandex.ru

Elena Strelchuk – Doctor in Pedagogical sciences, associate professor at the Department of Russian Language and methods of its teaching, Peoples' Friendship University of Russia;
e-mail: Strelchukl@mail.ru

Elena Talibina – PhD in Philological sciences, associate professor at the Department of Russian Language and methods of its teaching, Peoples' Friendship University of Russia;
e-mail: Talibina2007@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Минакова Н.А., Стрельчук Е.Н., Талыбина Е.В. Обучение русской грамматике студентов-филологов на материале художественного текста (уровень В2) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 5. С. 35-42

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-35-42

FOR CITATION

Minakova N.A., Strelchuk E.N., Talibina E.V. Training of students-philologists in the Russian grammar on the material of literary text (level b2). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2017, no. 5, pp. 35-42

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-35-42

УДК 811.161.1r367

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-43-50

СРАВНЕНИЕ В СТРУКТУРЕ ИНСТРУМЕНТАЛЬНО-СУБЪЕКТНОГО БЕЗЛИЧНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Петров А.В.*Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
163002, Архангельск, Набережная Северной Двины, 17, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается употребление различных сравнений как выразительного средства в структуре инструментально-субъектных безличных предложений современного русского языка. Безличность в таких предложениях реализуется посредством присутствия компонента в творительном падеже, совмещающего объектно-орудийное и субъектное значения. Основная семантика предложений – стихийное действие посредством некоего орудия, направленное на объект, при этом формируется состояние окружающей среды, физическое или психическое состояние человека. Предикативное сравнение, сравнение при инструментальном компоненте, сравнительный оборот и сравнительное придаточное позволяют привнести в высказывание дополнительные смыслы. При исследовании использовался структурно-семантический метод, описание исследуемых предложений шло от формы к значению.

Ключевые слова: безличные предложения, субъект, объект, сравнение, предикативное сравнение.

THE SIMILE IN THE STRUCTURE OF THE INSTRUMENTAL-SUBJECT IMPERSONAL SENTENCES

A. Petrov*Lomonosov Northern (Arctic) Federal University
17 Severnaya Dvina emb., Arkhangelsk, 163002, Russian Federation*

Abstract. The article deals with the use of various similes as a means of expression in the structure of instrumental-subject impersonal sentences in the modern Russian language. Impersonality in such sentences is expressed in the presence of a component in the instrumental case which combines the object-instrumental and subject meanings. The semantics of such sentences is generally a spontaneous action aimed at the object, carried out using a certain instrument, thus modifying the state of the environment or a person's physical or mental condition. The predicate simile, the simile with instrumental component, the comparative construction, and comparative clauses make it possible to add extra meanings to a sentence. The method used in the study is the structural-semantic analysis, the description of the sample sentences starts with the form and ends with the meaning.

Key words: impersonal sentences, subject, object, simile, predicate simile.

Безличные предложения, будучи самыми разнообразными по структуре и семантике русскими синтаксическими конструкциями, активно употребляются во всех стилях речи, однако в полной мере они реализуются в художественном дискурсе, поскольку обладают немалым образным и эмоционально-экспрессивным потенциалом. Так, П.А. Лекант утверждает, что в безличных предикатах «выражаются дополнительные смыслы, яркие, неожиданные оттенки, окказиональная экспрессия» [5, с. 31]; «так как безличное употребление любого личного глагола есть «приращение» его лексической семантики, его выразительности, то это «искушает» пишущего, говорящего и тем более художника слова создавать «обогащённые» высказывания» [7, с. 170].

Одним из самых распространённых и показательных приёмов образной речи является сравнение, позволяющее раскрыть содержание действия или признака путём отсылки к другому действию или признаку, устойчиво ассоциируемому с тем или иным упоминаемым предметом. «Сравнение – это одно из ярчайших и самых продуктивных образных средств русской поэтической речи» [6, с. 206]. В результате операции сравнения проявляется сходство как «сравнительный смысл, находящий выражение в сравнительной конструкции» [4, с. 8].

Рассмотрим различные сравнения в структуре инструментально-субъектных безличных предложений современного русского языка (мы используем нашу классификацию [9; 10], подробнее о данной разновидности безличного предложения см. [11]). Реализация безличного значения гла-

гольного предиката в таких предложениях детерминируется присутствием компонента в творительном падеже, совмещающего объектно-орудийное и субъектное значения. А.В. Бондарко рассматривает сопряжённую субъектность конструкций типа: *Лодку унесло течением; Его убило молнией; Поля пбило градом* – как совмещение функции субъекта действия с косвенно-объектной функцией орудия и обстоятельственной функцией причины – в синкретическом комплексе «орудие – субъект – причина» [2, с. 29]. М. Гиро-Вебер называет творительный орудия «непроизвольным каузатором действия, а не его производителем» [3, с. 71].

Прежде всего выделим предикативное сравнение, при котором предикативный признак представлен в сравнительной конструкции с союзами *как, словно, будто, точно, как будто* и др., утратившими функциональные признаки союза как средства связи и выступающими в роли частиц. Следует помнить, что частицы *будто, как будто* также могут употребляться для выражения предположительности или чего-то кажущегося, в таком случае семантика сравнения у них отсутствует.

Основная семантика инструментально-субъектных безличных предложений – стихийное действие посредством некоего орудия, направленное на объект:

Туман будто сносило ветром, дующим откуда-то слева (Б. Акунин) – исчезновение тумана в голове персонажа (метафорическое обозначение смутного состояния неопределённости) сравнивается с воздействием на него ветра;

По щеке **словно мазнуло огненным пальцем** – пуля пролетела в каком-нибудь полудюйме, и Эраст Петрович бросился на ковёр (Б. Акунин) – метафорическое обозначение воздействия огнестрельного оружия на косвенный объект через сравнение с воздействием огня.

Объектом воздействия природных сил может выступать человек, который от этого испытывает различные физиологические или эмоциональные ощущения. Облигаторным компонентом в данных конструкциях является аккузатив, совмещающий семантику объекта воздействия деми-агенса и субъекта состояния, возникшего под влиянием данного воздействия (Н.Н. Арват называет такие структуры субъектно-ситуационными предложениями [1, с. 53-54]). При предикативном сравнении безличное стихийное действие как бы объясняется, конкретизируется, сопоставляется с реальным действием.

Физическое состояние человека передаётся инструментально-субъектными безличными конструкциями, в которых в качестве орудия используются различные проявления жизнедеятельности организма, а в качестве объекта – части организма:

Жаром, огнём будто обжигало внутри грудь, резало веки, голова дурная (Г. Медведев) – проявления болезни уподобляются воздействию огня, используется широкоупотребительный троп, обозначающий болезненное состояние человека;

Горло **словно ободрало напильником**, из глаз брызнули слёзы, а дышать сделалось совершенно невозможно (Б. Акунин) – последствия воздействия на организм крепкого

алкогольного напитка сравнивается с предполагаемым механическим воздействием металлического многолезвийного инструмента.

Свет померк, всю внутреннюю **словно продрало напильником**, и бедный Тюльпанов согнулся пополам, кашляя, задыхаясь и чувствуя, что сейчас умрёт (Б. Акунин) – подобным образом подаётся реакция организма, вызывающая рвоту.

Психоэмоциональное состояние человека, выраженное предикативным сравнением:

возмущение, неприятие: **Костьку как обварило этими словами**. Разозлился он (П. Бажов) – вспышка негодования сравнима с результатом физического воздействия горячей жидкости на тело;

стыд, смущение: **Наташу будто опалило жаром**. Она в упор взглянула на Эллу: – Откуда вы знаете? (Н. Лохматов) – прилив крови, сопровождающий чувство стыда, обнаруживает сходство с воздействием на тело высокой температуры;

равнодушие, апатия: **Ему было всё равно. Его как будто накрыло одеялом равнодушия** (В. Токарева) – инструментальный компонент одновременно выражает орудие и результат действия, накрыться одеялом – значит отгородиться от внешнего мира.

Ср. метафорическое употребление данной конструкции без сравнительной частицы: **Кровь бросилась в голову, а горло петлей захлестнуло** – не вздохнуть, не выдохнуть (В. Кондратьев) – возмущение героя сопоставляется с механическим воздействием петли.

Одно из значений инструментально-субъектных безличных предложений – распространение-восприятие

различных явлений, которое может выражать формирование эмоционального состояния человека: *На Маковеева словно пахнуло весной. Он остановился и начал прислушиваться к голосам* (Н. Лохматов) – эмоции героя сходны с проявлениями весны.

Некоторые инструментально-субъектные конструкции с предикативным сравнением стали устойчивыми выражениями:

Стоило ему удалиться, как меня посетила неожиданная мысль – будто молнией ударило (Б. Акунин); *Уже на улице Коломбину вдруг как громом ударило* (Б. Акунин); *Лишь когда она сама подошла и сказала про мост, Эраста Петровича будто громом ударило: узнал, вспомнил её показания...* (Б. Акунин) – о неожиданно пришедшей мысли, помогающей решить какую-либо проблему;

Серафиму Кирилловну с полатей точно ветром снесло (Н. Жернаков); *Новый муж тотчас ушёл, – как ветром его сдуло* (Е. Серебровская) – о быстром исчезновении кого-либо [8, с. 706];

Дойдёт до жилья, обогреется, поест горячей картошки, и всю хворь как рукой снимет (В. Быков); *Подозрительность, недоверие, копившееся недовольство как рукой сняло* (М. Милляков); *И всю усталость как рукой сняло* (Б. Акунин) – о том, что совершенно прошло, исчезло [8, с. 686];

– *Катька! Каким это ветром тебя занесло! Вся-то в грязище, непутёвая* (Ф. Гладков) – восклицание при неожиданном появлении человека где-либо.

Следует отличать предикативное сравнение от сравнения в сложноподчинённом предложении со сравни-

тельным придаточным, выраженным инструментально-субъектной конструкцией:

Она смущалась, а скорее всего, была застенчива – трудной, отчаянной застенчивостью, от которой щёки её пылали, словно их обдавало жаром из печки (Т. Тэсс); *Ему казалось, что он потерял ощущение красок, словно всё заволокло горьким туманом* (Т. Тэсс) – здесь сравнивается формирование психофизиологического состояния субъекта, описанного в главной части, с воздействием на человека стихийного орудия, словно выполняет функцию союза, а не частицы.

Голос Фандорина перешёл на октаву ниже, словно у самого Эраста Петровича горло перехватило удавкой (Б. Акунин) – изменение тембра голоса человека сравнивается с воздействием на него орудия удушения.

И вдруг лицо его перекосило таким ужасом, как будто он увидел возле себя змею (А. Чехов) – состояние страха, обусловленное восприятием одного объекта, подаётся через сравнение с восприятием другого.

Нередко в инструментально-субъектных безличных предложениях сравнение употребляется при орудийном субъектном компоненте в творительном падеже – орудие при этом воспринимается как гипотетическое. Рассмотрим примеры.

Воздействие на прямой объект:

Лодку как багром подтянуло к берегу (Б. Пастернак) – движения персонажей, приведшие к данному результату, уподоблены воздействию на лодку багра;

Развернул, – как огнем осветило – карт колода золотых, на них нельзя насмотреться (Б. Шергин) – визуальное восприятие необычного объекта

сходно с внезапным световым воздействием огня;

И вдруг словно раскалённой кочергой хлестнуло по голой ноге, чуть пониже платья, – собака подбежала и хватанула зубами (Е. Серебровская) – ощущения героини от укуса собаки уподобляются воздействию на тело раскалённого металла.

Переносное употребление предиката:

Студента Романова за дверь вынесло будто ураганом (Б. Акунин); Николая Всеволодовича с его жертвы словно ураганом сбросило (Б. Акунин) – здесь переосмысливается фразеологизм как ветром унесло, а чтобы подчеркнуть быстроту реакции человека ветер гиперболически заменяется ураганом;

Для того, чтоб из вымысла на московскую твердь как волной его вынесло посиять, пошуметь! (Б. Окуджава) – речь идёт о Божественном переулке старой Москвы, переход из вымысла в реальность обнаруживает сходство с воздействием водной стихии;

Но вот точно вольным ветром нанесёт к тебе человека с живой душой. И будет он говорить не о твоём горе, а горя твоего часть унесёт (Б. Шергин) – судьба, посылающая хорошего человека в печальную минуту, сходна с вольным ветром;

Состояние окружающей среды:

И тут как пологом побоище завесило – снег стеной повалил (Б. Шергин) – воздействие сплошного снегопада, при котором ухудшилась видимость, оказывается сходным с перцептивным восприятием завешивания чего-либо от света пологом;

Как сквозняком подхватывает и несёт по спуску снежные ручейки (Е. Шереметьева) – снегопад, снежные

вихри на улицах и переулках города сходны с воздействием сквозняка в доме.

Физическое состояние человека:

Ради долга пришлось подвергнуться постыдной и довольно болезненной процедуре, после которой в паху до сих пор будто иголками покалывало (Б. Акунин); Шею сразу точно налило чугуном, и свело спину (С. Сергеев-Ценский); Уже не помню, как я выступала, голову словно обручем сковало (Л. Смирнова) – дискомфортные физические ощущения, болезненное состояние героев сравниваются с механическим воздействием на организм.

Психическое состояние человека:

При слове «бесчестье» Алёшу словно плетью хлестнуло (Б. Акунин) – герой осознал необходимость исправить сложившуюся ситуацию, потому что ему стало стыдно, воздействие данного чувства уподобляется удару плети;

...его словно жаркой волной накрыло (М. Миляков) – воздействие на героя нахлынувшего чувства любви сходно с воздействием водной стихии;

Взглянула на Захария так, словно на его месте другой должен сидеть. И отвернулась торопливо. И ни ветерка кругом, а как бы холодком потянуло со стороны мужа (Н. Жернаков) – эмоциональное восприятие героиней мужа сравнивается с температурным воздействием природных сил;

Будто кипятком плеснуло в лицо Андрею (В. Степанов); Невелика птица – подумаешь, две лычки! Мне будто кипятком плеснуло в лицо (В. Степанов) – эмоциональная вспышка героев (злость, недоумение) сравнивается с воздействием на организм кипятка;

Ну а у Скорика марафета не было, поэтому он сидел весь оочечневший,

словно льдом его сковало (Б. Акунин) – физические ощущения накладываются на эмоциональное потрясение героя, наблюдающего за неблагоприятными поступками интересующей его особы;

Словно ударом под вздох надломило Сашику и откинуло назад (В. Кондратьев) – герой был ошеломлён, когда увидел любимую девушку с другим мужчиной и осознал, что у них серьёзные отношения, формирование эмоционального состояния сопоставимо с воздействием физического удара.

Ментальное состояние: Меня как светом освежит: талантлив, сукин сын! (Б. Шергин) – осознание таланта другого человека воздействует на субъекта речи освежающе.

В структуре инструментально-субъектного безличного предложения возможно употребление сравнительного оборота, который проявляет семантику сходства.

При предикате: Будто дамбу какую прорвало, и подхватило меня потоком, и понесло (Б. Акунин).

При инструментальном компоненте: Подбросило криком, как взрывом.

В одном белье бросился он в комнату Мушки... (С. Сергеев-Ценский); Затянуло песком, закоряжило, как шугой ледяной (В. Костров); Не его ли, Колю, всё равно что плетью садануло болью к тридацтитрёхлетью? (Д. Сухарев).

При объектном аккузативном компоненте: Вдруг бахнет молнией в меня, как в дерево (А. Баева).

Сравнительный оборот может собой заменить облигаторный инструментальный компонент: Унтер-офицер опрокинул рюмку за любовь, до дна. Глотку обожгло, будто жидким пламенем (Б. Акунин); Шевлюгин вылил со дна бутылки в стакан самогон и опрокинул содержимое в рот. Словно кипятком, обожгло ему язык и горло (Н. Лохматов) – обжигающее воздействие алкоголя на организм.

Итак, одним из ярких выразительных средств в художественном тексте являются инструментально-субъектные безличные предложения современного русского языка с различными сравнениями, помогающими сформировать «обогащённые» высказывания, проявляющие дополнительные смыслы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арват Н.Н. Семантическая структура простого предложения в современном русском языке: монография. Киев, 1984. 160 с.
2. Бондарко А.В. Носитель предикативного признака (на материале русского языка) // Вопросы языкознания. 1991. № 5. С. 27-41.
3. Гиро-Вебер М. К вопросу о классификации простого предложения в современном русском языке // Вопросы языкознания. 1979. № 6. С. 63-75.
4. Девятова Н.М. Сходство как сравнительный смысл и его языковые репрезентации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2011. № 2. С. 7-13.
5. Лекант П.А. Часть речи предикатив // Лекант П.А. Очерки по грамматике русского языка. М.: МГОУ, 2002. С. 26-31.
6. Лекант П.А. Об одной форме сравнения в поэтической речи // Лекант П.А. Грамматические категории слова и предложения. М.: МГОУ, 2007. С. 206-208.
7. Лекант П.А. О грамматической форме безличного предложения в русском языке // Лекант П.А. Грамматические категории слова и предложения. М.: МГОУ, 2007. С. 168-174.

8. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1991. 917 с.
9. Петров А.В. Безличность как семантико-грамматическая категория русского языка. Архангельск, 2007. 295 с.
10. Петров А.В. Система безличных предложений в современном русском языке. М., 2014. 162 с.
11. Петров А.В. Инструментально-субъектные безличные предложения // Семантика. Функционирование. Текст: межвузовский сборник научных трудов. Киров, 2015. С. 133-140.

REFERENCES

1. Arvat N.N. *Semanticheskaya struktura prostogo predlozheniya v sovremenном russkom yazyke: monografiya* [The semantic structure of simple sentences in the modern Russian language: monograph]. Kiev, 1984. 160 p.
2. Bondarko A.V. [The carrier of the predicative feature (on the Russian language)]. In: *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the study of language], 1991, no. 5, pp. 27–41.
3. Giro-Weber M. [To the question about classification of simple sentences in the modern Russian language]. In: *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the study of language], 1979, no. 6, pp. 63–75.
4. Devyatova N.M. [Similarity as a comparative meaning and its linguistic representation]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series Russian Philology], 2011, no. 2, pp. 7–13.
5. Lekant P.A. [Part of speech predicate noun]. In: *Ocherki po grammatike russkogo yazyka* [Essays on the grammar of the Russian language]. Moscow, MGOU Publ., 2002. pp. 26–31.
6. Lekant P.A. [On a form of comparison in poetic language]. In: *Grammaticheskie kategorii slova i predlozheniya* [The Grammatical category of words and sentences]. Moscow, MGOU Publ., 2007. pp. 206–208.
7. Lekant P.A. [On a grammatical form of impersonal sentences in the Russian language]. In: *Grammaticheskie kategorii slova i predlozheniya* [The Grammatical category of words and sentences]. Moscow, MGOU Publ., 2007. pp. 168–174.
8. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow, 1991. 917 p.
9. Petrov A.V. *Bezlichnost' kak semantiko-grammaticheskaya kategoriya russkogo yazyka* [Impersonality as a semantic-grammatical category of the Russian language]. Arkhangelsk, 2007. 295 p.
10. Petrov A.V. *Sistema bezlichnykh predlozhenij v sovremenном russkom yazyke* [The system of impersonal sentences in the modern Russian language]. Moscow, 2014. 162 p.
11. Petrov A.V. [Instrumental-subject impersonal sentences]. In: *Semantika. Funktsionirovanie. Tekst: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Semantics. Functioning. The text: interuniversity collection of scientific works], Kirov, 2015. pp. 133–140

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Петров Андрей Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и речевой культуры Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;
e-mail: avpetrov@atknet.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey Petrov – Doctor in Philological sciences, professor at the department of the Russian language and speech culture, Lomonosov Northern (Arctic) Federal University; e-mail: avpetrov@atknet.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Петров А.В. Сравнение в структуре инструментально-субъектного безличного предложения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 5. С. 43-50
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-43-50

FOR CITATION

Petrov A.V. The simile in the structure of the instrumental-subject impersonal sentences. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2017, no. 5, pp. 43-50
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-43-50

УДК 81'371

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-51-57

КОНЦЕПТ *ВЕТЕР* В РУССКОЯЗЫЧНЫХ МЕДИАТЕКСТАХ

Сегал Н.А., Мартынюк А.Я.

*Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
295007, г. Симферополь, проспект академика Вернадского 4, Республика Крым,
Российская Федерация*

Аннотация. Предлагаемая статья посвящена выявлению особенностей реализации образа ветра в русской лингвокультуре и медиатекстах. В статье подчёркивается, что образ ветра представляет собой фрагмент языковой картины мира, важный для понимания и осмысления особенностей концептуализации реальной действительности. В массмедийных текстах концепт *ветер*, представленный лексемами *ветер*, *безветрие*, *буря*, *тайфун*, *торнадо* имеет резко негативную коннотацию, что не всегда соотносится с денотативным значением рассматриваемых лексем и не в полной мере совпадает с их лингвокультурологическим пониманием. Данный факт обусловлен реструктуризацией сем, связанной с контекстным окружением и прагматическими установками авторов медийного текста: эмоционально нагруженный и насыщенный коннотациями политический текст предполагает функционирование эмоционально заряженных компонентов, способных интерпретироваться адресатом с устойчивой коннотацией.

Ключевые слова: массмедийный текст, лексема, коннотация, ассоциативное поле, семантический потенциал, ветер.

CONCEPT *THE WIND* IN THE RUSSIAN MEDIATEXTS

N. Segal, A. Martynyuk

*Vernadsky Crimean Federal University
4, Vernadskogo ave., Simferopol, Republic of Crimea, 295007, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to revealing the features of realization of the *wind* image in the Russian lingvoculture and media texts. The article emphasizes that the image of the *wind* is a fragment of the language picture of the world, important for understanding the features of the conceptualization of reality. In mass media, the concept of *wind*, represented by lexemes *wind*, *storm*, *typhoon*, *tornado* has a sharply negative connotation, which does not always correlate with the denotative meaning of the represented lexemes and does not fully coincide with their linguistic and cultural view. This fact is due to the restructuring of the components, associated with the contextual environment and pragmatic settings of the authors of the media text: emotionally loaded and charged with connotations, the political text assumes the functioning of emotionally charged components capable of being interpreted by the addressee with a stable connotation.

Key words: mass media text, lexeme, connotation, associative field, semantic potential, wind.

Языковая картина мира, глубоко и полно отражающая особенности той или иной лингвокультуры, хранит национально-маркированные представления, закреплённые в обществе. В число ключевых образов, отражающих особенности русской лингвокультуры, входит макроконцепт **неживая природа**, репрезентируемый перечнем более конкретных концептов различного уровня. Одним из наиболее ценных при этом является концепт **погода**, который, как отмечает Н.Ю. Перфильева, «...представляет собой сложное многослойное образование, имеющее высокую значимость для русской культуры» [13, с. 139]. Автор подчёркивает, что в концепте **погода** «реализуются как универсальные, так и национально-специфические аспекты, отражающие культурно-историческую детерминированность формирования соответствующей когнитивно-прагматической области бытия и языковой картины мира» [13, с. 139]. Ю.Н. Караулов в «Минимальном идеографическом словаре» к классу «Погода» относит следующие лексемы: *погода, климат, дождь, гроза, гром, молния, туча, облако, пасмурный, дождливый, солнечный, туман, туманный, роса, ветер, дуть, прохладный, мороз, снег, снежный, лёд, ледяной* [5, с. 290-291].

Выявляя национально-культурные особенности концепта **погода**, Л.Р. Супрун-Белевич выделяет группы слов, формирующих его содержание: осадки (выпадающие из облаков и выделяющиеся из атмосферы), ветра, облака и туманы, радуга, температурная характеристика погоды, общие обозначения погоды [16].

Цель предлагаемого исследования – выявление семантико-прагматических

особенностей концепта **ветер** в русской лингвокультуре и медиатекстах. Стихия ветра является неотъемлемой частью русской картины мира. Как показывает анализ лексикографических источников, лексема **ветер** полисемантична и имеет широкий диапазон переносных значений, что позволяет занимать ей важное место в русской и, шире, славянской лингвокультуре. Данный факт подтверждается широким спектром реализации лексемы **ветер** в пословично-поговорочном фонде русского языка, который глубоко и полно отражает различные оттенки значений анализируемой лексемы: *кто посеет ветер, тот пожнёт бурю; дикая собака на ветер лает; на ровном месте ветер сильнее; ветер кликать – зря голос срывать; бедняку всегда ветер в лицо* [2].

Анализируя особенности реализации образа ветра в художественном тексте В.А. Луговского, Т.А. Деревяненко устанавливает такие закономерности: 1) ветер уподобляется духу времени, пафосу эпохи; 2) слово **ветер** используется для обозначения социальных движений, порывов, напряжений. Таким образом, автор приходит к выводу, что метафора ветра является характерной деталью стиля В. Луговского и отражает специфику послереволюционного времени, отмеченного «разгулом человеческих страстей», и предвоенного времени, «тревожного ожидания военных походов, лишений и бед» [3, с. 49-53]. Так, образ ветра не только является элементом фольклора, но и формирует ассоциативные связи, становясь одним из зеркал эпохи.

Именно ассоциативный потенциал концепта **ветер** делает данную единицу важной составляющей медиа-

текстов. Как показал анализ текстов СМИ, на уровне вторичной номинации в контекстах наиболее активно функционируют следующие лексемы, репрезентирующие концепт **ветер**: *ветер, безветрие, буря, тайфун, торнадо*. Данные единицы приобретают в контекстах позитивную или негативную коннотацию. Так, реализуясь в медиатекстах политической направленности, языковые единицы *буря, тайфун, торнадо* имеют закреплённую негативную коннотацию, что во многом определяется их денотативным содержанием. Каждая из представленных единиц уже на уровне словарных интерпретаций включает в себя компоненты «сила», «ненастье», «разрушение»: **буря** – *ненастье, сопровождаемое сильным разрушительным ветром, часто с дождём или снегом; тайфун* – *ураган огромной разрушительной силы, наблюдаемый в юго-восточной Азии и в западной части Тихого океана; торнадо* – *название смерчей (тормбов) над сушей в Северной Америке*. Денотативные семы, отмеченные на уровне словарных интерпретаций, лежат в основе реализации языковых единиц в политических контекстах. Выступая в текстах на уровне вторичной номинации, языковые единицы *буря, тайфун, торнадо* интерпретируются не как природные явления, а как политические события, имеющие для политического сообщества серьёзные или даже непоправимые последствия: *политический тайфун, буря в политической экономике*.

Лексема *ветер* определяется в лексикографических источниках как «движение воздуха в вертикальном положении». Как показал анализ словарной интерпретации, лексема *ве-*

тер – единственная лексема-репрезентант, которая является нейтральной по своей коннотации, что определяет лексему *ветер* как ядро одноименного концепта. Все другие единицы, входящие в данную группу, отличаются по степени интенсивности признака (скорости и силе движения воздуха), в некоторых случаях – по своим коннотативным особенностям.

В политических контекстах лексема *ветер* означает «перемены», чаще встречается с положительной коннотацией и, как правило, ничего разрушительного не символизирует: *шёлковый ветер дует с запада* [18]; «Китайский ветер» в «парусах» российской экономики [6]. Лексема *ветер* активно реализуется в политическом тексте в структуре устойчивого сочетания *ветер перемен*, при этом позитивный или негативный характер несут эти перемены, в контекстах, как правило, не рассказывается: «**Ветер перемен**» для Михаила Горбачёва [7]; Выступая на саммите Африканского союза в Эфиопии, Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун заявил, что «**ветер перемен**» дует в Африке [12].

Подчеркнём, что анализ политических текстов показал, что устойчивая конструкция *ветер перемен* употребляется чаще, чем лексема *ветер* в свободных сочетаниях. Кроме лексемы *ветер*, в политических текстах используется производная лексема *ветерок*, имеющая в медиатекстах ироничную коннотацию: *из Москвы подул приятный антибандеровский ветерок* [4]. Отметим, что единицы *ветер* и *ветерок* в политических текстах не являются взаимозаменяемыми, что обусловлено разной степенью проявления

признака, разной силой и способностью разрушения.

Лексема *безветрие* в медиатекстах указывает на застой в политике, бездеятельность чиновников (*безветрие российских перемен* [10]) или политическую стабильность (*французские оккупационные власти, в отличие от англичан, запретили политическую деятельность и даже контакты местных националистов со своими северными соотечественниками, но они тоже не могли обойтись без помощи местных феодалов и непокорных вождей племён. Отношения с ними были налажены удачно, что обеспечило французам «политическое безветрие»* [17]).

Лексема *буря* в медиатекстах несёт как положительную, так и отрицательную коннотацию и реализуется в значениях «резкие перемены», «быстрые решения», «резкая смена направления деятельности для достижения лучшего результата»: *маневр во время политической бури* [11]; *...затишье перед бурей. Когда взорвётся Украина?* [1]. Лексема *тайфун* сохраняет в медиатекстах негативную коннотацию, характеризует стремительные разрушительные действия: *Политический*

тайфун: «Тбилиским делом» принято называть трагические события, происшедшие в Тбилиси в ночь на 10 апреля 1989 года [8]; *...кадровый тайфун придёт в октябре. После празднования дня рождения президента могут произойти знаковые отставки и назначения* [14].

Таким образом, *ветер* представляет собой фрагмент языковой картины мира, важный для понимания и осмысления особенностей концептуализации социумом результатов познавательной деятельности. Он обладает как универсальными, так и этноспецифическими когнитивными признаками, глубоко и полно закреплёнными в различных культурах. В массмедийных текстах концепт *ветер*, репрезентированный лексемами *ветер*, *безветрие*, *буря*, *тайфун*, *торнадо*, имеет резко негативную коннотацию, что не всегда соотносится с денотативным значением проанализированных лексем и не в полной мере совпадает с их лингвокультурологическим представлением. Данный факт обусловлен переструктуризацией сем, связанной с контекстным окружением и прагматическими установками авторов медийного текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балмасов С. И. Родионов: солдат в Тбилиси сделали палачами [Электронный ресурс] // Правда.Ру: [сайт]. URL: <https://www.pravda.ru/world/formerussr/georgia/08-04-2011/1073043-rodionovv-0/> (дата обращения: 15.09.2017).
2. Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Издательство АСТ, 2008. 752 с.
3. Деревяненко Т.А. О семантике слова «ветер» в произведениях В.А. Луговского // Филологические науки. Лингвистика. XXIX Герценовские чтения. Л., 1977. 95 с.
4. Из Москвы подул приятный антибандеровский ветерок [Электронный ресурс] // Технополис завтра: [сайт]. URL: <http://webground.su/topic/2012/05/22/t259> (дата обращения: 15.09.2012).
5. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Издательство «Наука», 1976. 365 с.
6. Китайский ветер в паруса российской экономики [Электронный ресурс] // РИА «Стандарты и качество»: [сайт]. URL: <http://www.ria-stk.ru/ds/adetail.php?ID=106358> (дата обращения: 15.09.2017).

7. Кутырева В. «Ветер перемен» для Михаила Горбачёва [Электронный ресурс] // 7дней. ru.: URL: <https://7days.ru/stars/chronic/veter-peremen-dlya-mikhaila-gorbacheva/3.htm> (дата обращения: 15.09.2017).
8. Лигачев Е.К. Политический тайфун. Предостережение [Электронный ресурс] URL: <https://biography.wikireading.ru/211942>
9. Маслова В.А. Номолingualis в культуре. Витебск: Издательство Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, 2004. 214 с.
10. Молчанов А. Россия подошла к эпохе долгожданных перемен в элите [Электронный ресурс] // Колокол России: [сайт]. URL: <http://kolokolrussia.ru/sreda-obitaniya/rossiya-podoshla-k-epohe-dolgojdannh-peremen-v-elite> (дата обращения: 08.08.2017).
11. Мони́на Л. Затишье перед бурей. Когда взорвётся Украина? [Электронный ресурс] // From-UA – Новости Украины: [сайт]. URL: <https://from-ua.com/articles/245034-zatishe-pered-burei-kogda-vzorvetsya-ukraina.html> (дата обращения: 15.09.2017).
12. Пан Ги Мун призвал власти Египта прислушаться к голосу народа [Электронный ресурс] // Центр Новостей ООН: [сайт]. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=14984#.WiT9Mkpl-Uk> (дата обращения: 15.09.2017)
13. Перфильева Н.Ю. Специфика вербализации концепта «погода» средствами русского и английского языков: дисс. ... канд. филол. наук. Курск, 2008. 139 с.
14. Самарина А. Кадровый тайфун придёт в октябре [Электронный ресурс] // Независимая газета: [сайт]. URL: http://www.ng.ru/politics/2012-09-11/1_taifun.html (дата обращения: 15.09.2017).
15. Сегал Н.А. Политический текст: метафорическое моделирование: [монография] М.: Издательство Флинта; Наука, 2017. 248 с.
16. Супрун-Белевич Л.Р. Метеорологическая лексика в славянских языках: дисс. ... канд. филол. наук. Минск, 1987. 142 с.
17. Толокин В. Маневр во время политической бури [Электронный ресурс] // Рабочая газета: [сайт]. URL: <http://rg.kiev.ua/page5/article25075> (дата обращения: 15.09.2017).
18. Экспресс-аналитика. «Шёлковый ветер» дует с запада [Электронный ресурс] // Институт Каспийского Сотрудничества. КАСФАКТОР: [сайт]. URL: <http://casfactor.com/ru/expanalit/673.html> (дата обращения: 15.09.2017).

REFERENCES

1. Balmasov S. [I. Rodionov: soldiers in Tbilisi were made the executioners]. In: *Pravda.Ru*. Available at: URL: <https://www.pravda.ru/world/formerussr/georgia/08-04-2011/1073043-rodionovv-0/> (accessed: 15.09.2017)
2. Dal' V.I. *Poslovitsy russkogo naroda* [Proverbs of the Russian people]. Moscow, AST Publ., 2008. 752 p.
3. Derevyanenko T.A. [On the semantics of the word „wind” in the works of V. Lugovskogo]. In: *Filologicheskie nauki. Lingvistika. XXIX Gertsenovskie chteniya* [Philological Sciences. Linguistics. 29th Herzen's reading]. Leningrad, 1977. 95 p.
4. [From Moscow blew a pleasant anti-Banderian breeze]. In: *Tekhnopolis zavtra* [Technopolis zavtra]. Available at: URL: <http://webground.su/topic/2012/05/22/t259> (accessed: 15.09.2012)
5. Karaulov YU.N. *Obshchaya i russkaya ideografiya* [General and Russian ideography]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 365 p.
6. [Chinese wind in the sails of the Russian economy]. In: *RIA “Standarty i kachestvo”* [RIA “Standarty and kachestvo”]. Available at: URL: <http://www.ria-stk.ru/ds/adetail.php?ID=106358> (accessed: 15.09.2017)

7. Kutyreva V. «*Veter peremen*» dlya Mikhaila Gorbacheva [“Wind of change” Mikhail Gorbachev]. In: *7dnei.ru*. [7days.ru]. Available at: URL: <https://7days.ru/stars/chronic/veter-peremen-dlya-mikhaila-gorbacheva/3.htm> (accessed: 15.09.2017)
8. Ligachev E.K. *Politicheskii taifun. Predosterezhenie* [Political Typhoon. Caution]. Available at: URL: <https://biography.wikireading.ru/211942>
9. Maslova V.A. *Homolingualis v kul'ture* [Homolingualis in culture]. Vitebsk, Publishing house of Masherov Vitebsk State University, 2004. 214 p.
10. Molchanov A. [Russia came to the era of long-awaited changes in the elite]. In: *Kolokol Rossii*. [The bell of the Russian Federation]. Available at: URL: <http://kolokolrussia.ru/sreda-obitaniya/rossiya-podoshla-k-epohe-dolgojdannh-peremen-v-elite> (accessed: 08.08.2017)
11. Monina L. [The calm before the storm. When does Ukraine explode?]. In: *From-UA – Novosti Ukrainy* [From-UA – Ukraine news]. Available at: URL: <https://from-ua.com/articles/245034-zatishe-pered-burei-kogda-vzorvetsya-ukraina.html> (accessed: 15.09.2017)
12. [Ban Ki-moon called on Egyptian authorities to listen to the voice of the people]. In: *Tsentr Novostei OON* [The UN News center]. Available at: URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=14984#.WiT9Mkpl-Uk> (accessed: 15.09.2017)
13. Perfil'eva N.YU. *Spetsifika verbalizatsii kontsepta “pogoda” sredstvami russkogo i angliiskogo yazykov: diss. ... kand. fil. nauk* [The Specificity of verbalization of the concept “Weather” in Russian and English: PhD thesis in Philological Science]. Kursk, 2008. 139 p.
14. Samarina A. [Staffing Typhoon coming in October]. In: *Nezavisimaya gazeta* [Nezavisimaya gazeta]. Available at: URL: http://www.ng.ru/politics/2012-09-11/1_taifun.html (accessed: 15.09.2017)
15. Segal N.A. *Politicheskii tekst: metaforicheskoe modelirovanie*: [Political text: metaphorical modeling]. Moscow, Flinta Publ.; Nauka Publ. 2017. 248 p.
16. Suprun-Belevich L.R. *Meteorologicheskaja leksika v slavjanskikh jazykah: diss. ... kand. filol. nauk* [Meteorological vocabulary in Slavic languages: PhD thesis in Philological sciences]. Minsk, 1987. 142 p.
17. Tolokin V. [Maneuver during the political storm]. In: *Rabochaya gazeta* [Working newspaper]. Available at: URL: <http://rg.kiev.ua/page5/article25075> (accessed: 15.09.2017)
18. [Express Analytics. The “silk wind” blows from the West]. In: *Institut Kaspiiskogo Sotrudnichestva. KASFAKTOR* [The Institute Of Caspian Cooperation. CASFACTOR]. Available at: URL: <http://casfactor.com/ru/expanalit/673.html> (accessed: 15.09.2017)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сегал Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского;
e-mail: natasha-segal@mail.ru

Мартынюк Анна Ярославовна – научный сотрудник Научно-методического центра полилингвального образования Таврической академии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского;
e-mail: annamart07@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalia Segal – PhD in Philological Sciences, associate professor at the Department of Russian, Slavic and General Linguistics, faculty of Slavic Philology and Journalism, Taurida Academy of Vernadsky Crimean Federal University;
e-mail: natasha-segal@mail.ru

Anna Martynyuk – researcher, Scientific and Methodological Center for Polylinguistic Education Taurida Academy of Vernadsky Crimean Federal University;
e-mail: annamart07@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сегал Н.А., Мартынюк А.Я. Концепт *ветер* в русскоязычных медиатекстах // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 5. С. 51-57
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-51-57

FOR CITATION

Segal N.A., Martynyuk A.Y. Concept the wind in the Russian mediatexts. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2017, no. 5, pp. 51-57
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-51-57

УДК81:[130.8+38]-028.46(292.471)

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-58-66

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВ В ПОЛИЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ СООБЩЕСТВЕ (КРЫМСКИЙ ОПЫТ)

Титаренко Е.Я., Гусейнова Р.Н.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

*295007, г. Симферополь, проспект академика Вернадского, д. 4, Республика Крым,
Российская Федерация*

Аннотация. В статье ставится задача рассмотреть и проанализировать установление мажоритарной роли одного из нескольких языков, функционирующих в общем пространстве. С опорой на исторические события проанализирован процесс закрепления в крымском регионе доминирующей роли русского языка, являющегося одним из трёх государственных, наряду с украинским и крымскотатарским. Обоснована необходимость прагматического подхода к решению языковых вопросов в многоязычном обществе. Авторами отмечено, что языковая политика, проводимая в поликультурном социуме, должна быть направлена не только на развитие языка численно доминирующей группы населения, но и на сохранение языков национальных меньшинств, существующих на полуострове.

Ключевые слова: полилингвокультурный, государственный язык, официальный язык, мажоритарный язык, миноритарные языки.

HISTORICAL VECTOR OF DEVELOPMENT OF LANGUAGES IN THE COMMUNITY OF MULTILINGUALISM (CRIMEAN EXPERIENCE)

E. Titarenko, R. Guseynova

Vernadsky Crimean Federal University

4 Akademika Vernadskogo ave., Simferopol, 295007, Republic of Crimea, Russian Federation

Abstract. The aim of the article is to study and to analyze the establishment of the majoritarian role of one of several languages operating in a common space. Basing on historical events, analyzed is the process of consolidation of the dominant role of the Russian language in the Crimean region, which is one of three states languages, along with Ukrainian and Crimean Tatar. The article supports the need for a pragmatic approach to language issues in a multilingual society. The author noted that the language policy in a multicultural society should not only be targeted at the development of the languages of numerically dominant groups of population but also to preserve the languages of national minorities on the Peninsula.

Key words: polylinguocultural, the state language, official language, majoritarian language, minoritarian languages.

*Наш язык –
это также наша история.¹*

С момента осознания языка как исторически изменяющегося явления стала очевидной его неразрывная связь с народом, который представляет собой социальное целое, имеющее общую историческую память и культурные ценности.

Сегодня сложно представить реальность как монокультурное пространство. Современному обществу свойственно разнообразие культурных норм и ценностных понятий, присущих представителям различных этносов, проживающих на территории одного государства. В полиэтническом пространстве особую роль в достижении взаимопонимания играет языковая политика, поскольку язык, отражая образ мышления народа, может стать как объединяющим, так и разъединяющим фактором.

Исходя из того, что культура в полилингвокультурном (термин введен Г.Ю. Богданович[3]) обществе находится в многовекторной зависимости от языка, который не только определяет, но и влияет на неё, представляется необходимым поддерживать в равной степени развитие языков всех этнических групп, присутствующих в социуме.

Поскольку большинство людей судит о культурных ценностях неродной среды, используя в качестве образца критерии собственного этноса, в сознании человека закрепляется социальная оппозиция «свой – чужой», принимающая порой специфические формы: *русский – нерусский, мусульманин – христианин*. Как правило,

«чужие» выступают создателями обычаев, разрушающих традиционные устои [5, с. 213-214]. Избежать возникновения подобного конфликта культур поможет планомерная политика, направленная на решение проблем, связанных с функциональной дифференциацией языков различных этнических групп.

Проблема сохранения поликультурных обществ заключается в необходимости выбора индивидуумом между культурой национальной группы, представителем которой он является, и культурой большинства, к которому он сам себя относит. В качестве основного маркера самоидентификации личности выступает язык, утрата которого способна повлечь потерю национальной идентичности, а значит, в полиэтническом пространстве следует уделять должное внимание проведению политики, направленной на решение вопросов, связанных с языковой ситуацией.

В ходе последней переписи населения в Крыму (октябрь 2014 г.) было отмечено, что при почти стопроцентном знании русского языка (99,9%) уровень владения национальными языками остаётся относительно невысоким, варьируясь от низкого до выше среднего (крымчаки – 2,6%, караимы – 4,9%, греки – 25,5%, немцы – 22,8%, болгары – 39,5%, татары – 39,9%, украинцы – 44,6%, армяне – 45,6%, крымские татары – 52,2%) [11]. Эти данные соответствуют промежуточным результатам ассоциативного эксперимента, проводимого Институтом языкознания РАН совместно с Крымским федеральным университетом имени В.И. Вернадского. Участниками исследования языкового сознания стали

¹ Я. Гримм. О происхождении языка.

студенты крымских вузов, проживающие на полуострове не менее 10 лет.

На начало 2017/2018 учебного года 439 человек из 1587 опрошенных не соотносят себя с русской общностью, при этом 298 (почти 68%) из них считают русский язык родным.

Как известно, язык является фундаментально-образующей составляющей национальной культуры, поэтому его сохранение представляется необходимым условием для жизнедеятельности любого этноса, присутствующего в многоязычном обществе.

Интересным для исследования нам представляется анализ процесса закрепления в полилингвокультурном пространстве доминирующей роли одного языка (на примере крымского региона). Являясь основным средством общения, язык содержит в себе духовное, культурное и историческое наследие говорящего на нём народа, а значит, для понимания языковой ситуации любого современного общества необходим экскурс в прошлое.

Уникальность крымского феномена определяется, прежде всего, его многонациональностью. При характеристике региона общеупотребительными являются термины «полиэтничность», «поликультурность», «поликонфессиональность».

История полуострова – это история миграций племён и народностей, принадлежавших к различным культурам и языковым группам. Античность Крыма, как правило, связывают с киммерийцами, таврами, скифами, сарматами, греками, римлянами, аланами, готами, гуннами. Средневековые полуострова – это история Византии, праболгар, хазар, огузских племён, ру-

сов, печенегов, половцев, генуэзцев, греков, татар, армян [12].

Наряду с изменением этнического состава многократно менялся и политический статус региона. В 1783 г. Крымское ханство было ликвидировано, а его территория включена в состав Российской империи, где она и находилась вплоть до свержения самодержавия.

После победы большевиков Крым стал частью РСФСР, получив вскоре статус автономной республики, позже заменённый на областной. В 1954 г. решением Верховного Совета СССР Крымская область была передана в состав УССР, оставаясь при этом в рамках того же государства.

Сразу после распада Советского Союза (1991 г.) в пределах Крымской области в составе УССР была восстановлена Крымская Автономная Советская Социалистическая Республика. Так Крым стал частью независимого государства Украина. Однако уже через год (1992) АРК была переименована в Республику Крым, а ещё через два (1994) – в Автономную Республику Крым [2].

В 2014 г. Крым снова изменил свой политический статус. По итогам референдумов, прошедших на полуострове, Республика Крым и город федерального значения Севастополь стали субъектами Российской Федерации.

Отметим, что независимо от смены политического статуса полуострова русский язык в Крыму был и остаётся фактором, объединяющим представителей всех этнических общностей региона.

Взаимосвязь народов всегда имела для Крыма особое значение. Начавшийся в древности полилог культур продолжается, сегодня крымский ре-

гион представлен 175 национальностями [4, с. 134].

Как известно, траектория проведения языковой политики в Крыму зависела от изменения его политического подчинения. Развитие русского языка на полуострове началось с вхождения тюрко-язычного региона в состав Российской империи, однако с конца 20-х гг. языковая ситуация изменилась. В СССР с целью принятия населением советской власти проводилась политика «коренизации», направленная на замену русского языка национальными. Так, в Крыму в то время обучение в начальных и средних школах осуществлялось на русском, немецком, крымскотатарском, греческом, армянском, украинском и других языках [7]. Национальные школы создавались для всех крымских этносов, независимо от количества их представителей и времени появления на полуострове. Свои школы в Крыму имели итальянские колонисты, цыгане, болгары, поляки, евреи, эстонцы и другие.

Курс на русификацию страны был взят в конце 30-х гг. Обучение постепенно переводилось на русский язык, кроме того, отменялось обязательное владение национальным языком для рабочих и служащих, находившихся в советских республиках [1, с. 37]. Возникшая потребность в русскоязычных кадрах предсказуемо дала толчок развитию русской словесности в стране. При этом русский язык никогда не был государственным в многонациональном Советском Союзе, хотя и считался официальным, поскольку использовался в органах государственного и республиканского управления, армии и науке. Именно высокий статус русского языка послужил усилению его

доминирующей роли во всех советских республиках.

Несмотря на то что к моменту передачи Крымской области из состава Российской в состав Украинской республики, мажоритарным языком на территории всей страны уже был русский, новое административное подчинение Крымского полуострова предполагало планомерную украинизацию его населения. И хотя с 1958 г. украинский язык стал обязательным предметом почти во всех русскоязычных школах крымского региона (за исключением города Севастополя), русский язык не перестал доминировать на территории всего полуострова.

Непростая языковая ситуация сложилась в постсоветском Крыму, который после распада СССР, как уже было сказано, оказался в составе Украины. Пытаясь защитить интересы крымчан, ставших частью населения иноязычного государства, в 1992 г. Верховный Совет Крыма принял Конституцию республики, которая закрепила статус государственности за крымскотатарским, русским и украинским языками, гарантировав при этом населению право пользоваться родным языком. Однако в 1995 г. Верховная Рада отменила данную Конституцию, признав её противоречащей законодательству Украины. Через три года в соответствии с украинским законотворчеством была принята новая Конституция Крыма, гарантировавшая крымчанам право на использование родного языка, но закрепившая государственный статус украинского. В 2010 г. Верховный Совет АРК утвердил русский язык региональным для всей республики, что позволило сохранить его господствующее положение в Крыму.

Сохранение статуса русского языка, наряду с другими факторами, стало одной из причин проведения в 2014 г. на полуострове референдумов о воссоединении его с Россией. Сегодня, являясь государственным, наряду с украинским и крымскотатарским, русский язык не подменяет национальные языки, основная задача которых – внутринациональное общение, а функционирует параллельно с ними как язык межнационального общения, то есть язык-посредник.

Общеизвестно, что государственный язык – это язык, используемый в образовании, законодательстве, делопроизводстве, судопроизводстве. Он выступает в качестве символа государства и выполняет интеграционную функцию в политической, социальной, экономической и культурной сферах [9, с. 49].

В социолингвистических словарях *официальный язык* представлен как политико-юридический синоним *государственного языка*. Эти понятия соотносятся, заменяя друг друга, например, в законодательстве СССР вместо государственного языка употреблялся термин официальный язык. В современном же мире совпадение или различие их функций зависит от принятого в каждом регионе языкового законодательства, а также от реально сложившегося там функционального распределения языковой нагрузки [9, с. 16-162].

Разграничены эти понятия были по предложению экспертов ЮНЕСКО в 1953 г. *Государственный язык* был призван выполнять интеграционную функцию в рамках определённого государства, а *официальный* стал языком государственного управления, законодательства и судопроизводства.

Следует отметить, что не во всех странах эти определения приняты. Так, в *Соединенных Штатах Америки* американский английский признан официальным только де-факто, юридически же этот статус за языком не закреплён. В одних странах государственным является один язык (*Франция, Германия*), в других их несколько: *Республика Беларусь* (белорусский, русский), *Бельгия* (нидерландский, французский, немецкий).

Чаще всего в поликультурных образованиях, имеющих несколько государственных языков, только одному из них придаётся статус официального, например, в *Финляндии* из двух государственных (финского и шведского) официальным является финский. В некоторых странах существует один государственный язык для всей страны и государственные языки для отдельных регионов, например, в *Италии* и *России*.

Согласно Конституции, русский язык является государственным для всех субъектов РФ, при этом в республиках могут быть установлены свои государственные языки. Например, в *Республике Дагестан* таковыми считаются языки всех народов, проживающих на её территории, а конкретнее – русский и 13 письменных языков, функционирующих в республике.

Ранее мы уже отмечали, что в Республике Крым три государственных языка: русский, украинский и крымскотатарский. Однако русский, являясь государственным языком РФ, выполняет интеграционную функцию и используется в сферах регионального управления, международной деятельности и науки. Два других государственных языка республики функционируют в социально-ком-

муникативной системе ограничено, в основном, в сферах образования, СМИ и бытовом общении. Являясь миноритарными, они используются с меньшей интенсивностью, потому как в функциональном отношении менее развиты по сравнению с доминирующим русским.

Глобализация современного мира вынуждает использовать «общий язык», понятный представителям всех этносов, составляющих население определённого государственного образования, иными словами, в современном мире существует реальная угроза вымирания национальных языков.

Роль государства в сохранении автохтонных языков велика, но она не является определяющей. Сейчас в Республике Крым функционируют 15 школ с крымскотатарским языком обучения, а также классы, открывающиеся в общеобразовательных русскоязычных учебных заведениях на основании заявлений родителей (137 классов с крымскотатарским языком обучения и 19 с украинским) [10, с. 93]. Кроме того, предоставляется возможность изучать языки факультативно. На сегодняшний день крымскотатарский язык учат более 20 тысяч учащихся, украинский – более 12 тысяч, новогреческий – 136 человек, болгарский – 62, немецкий – 56 и армянский – 54 [8].

Отметим, что на данный момент большое внимание уделяется развитию крымскотатарского языка. Так, в 2015–2016 гг. на этот язык было переведено 66 наименований учебных изданий (школьные учебники, программы), а также был составлен русско-крымскотатарский словарь, содержащий около 4 тыс. слов. Такая односторонняя национально-

языковой политики в отношении двух миноритарных государственных языков отчасти связана с тем, что учебная украиноязычная литература в последнее десятилетие присутствовала на полуострове в достаточном количестве. Однако наиболее существенной, на наш взгляд, причиной того, что учебная литература на украинском языке не издается в РК, является сокращение количества школьников, выбирающих украинский язык обучения (7,41% в 2012/2013 учебном году [6] и 0,1% в 2016/2017 [8]). В то же время процентное соотношение желающих получить среднее образование посредством крымскотатарского языка осталось на уровне пятилетней давности (3,11% в 2012/2013 учебном году [6] и 3% в 2016/2017 учебном году [8]). Сокращение использования национальных языков в средней школе произошло не за счёт оттока населения, а по причине увеличения количества желающих обучаться на русском языке (89,32% в 2012/2013 [6] и 96,9% в 2016/2017 учебном году [8]). Иными словами, востребованность одного из трёх государственных языков в общеобразовательных учреждениях резко сократилась.

Очевидно, что государство предоставляет возможность носителям миноритарных языков не только сохранять, но и развивать их. И если большинство родителей разных национальностей уже на начальном этапе выбирают для своих детей русский язык обучения, то, возможно, организация общественно-национальных организаций следует проводить в этнических группах работу, направленную на популяризацию и поднятие авторитета национальных языков.

Несмотря на то что отдельные представители крымских этносов, чьи языки признаны государственными, хотели бы внедрить их во все социально-коммуникативные сферы социума, на сегодняшний день нет оснований полагать, что один из двух миноритарных государственных языков республики приобретёт статус официально-косвенным подтверждением чему является перспективность получения профессионального образования посредством «общего», то есть государственного русского языка.

В настоящее время языковая ситуация в Крыму по демографической и коммуникативной мощности составляющих языков неравновесна. Её определяют как полилингвокультурную (поликомпонентную) с преобладанием одного государственного языка – русского [10, с. 93].

Безусловно, язык не может оставаться вне политики, зачастую он используется как инструмент идеологии, но при прагматичном подходе к решению языковых вопросов в многоязычном пространстве способен стать консолидирующим фактором, на основе которого и следует создавать общее будущее. При продуманной языковой политике миноритарные языки не умирают, а продолжают функционировать, хотя и в меньшем объёме, в тех территориальных границах, которые были определены для них историческим развитием.

Государственная языковая политика в таком поликультурном социуме, как Республика Крым, должна быть направлена не только на развитие языка численно доминирующей группы населения (государственного на всей территории страны), но и на сохранение языков национальных меньшинств, проживающих на полуострове.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арефьев А.Л. Русский язык на рубеже XX-XXI веков. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012. 450 с.
2. Барсенков А.С. История России. 1917–2004: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2005. 816 с.
3. Богданович Г.Ю. Русский язык в аспекте проблем лингвокультурологии. Симферополь: Доля, 2002. 392 с.
4. Богданович Г.Ю., Рудницкая Л.И. Русский язык и культура речи: учеб. пособие. Симферополь: ИТ «Ариал», 2017. 284 с.
5. Виноградова Л.Н. Человек в контексте культуры. Славянский мир. М: Индрик, 1995. 240 с.
6. Государственная служба статистики Украины [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ukrstat.gov.ua> (дата обращения: 16.09.2017).
7. Королёв В.И. Украинское народное образование в Крыму в советское время // Таврійські студії. Мистецтвознавство. Культурологія. 2012. № 1. С. 192–197.
8. В Крыму на русском языке обучаются почти 97% школьников – Минобраз [Электронный ресурс] // РИА новости Крым: [сайт]. URL: <http://crimea.ria.ru/society/20170304/1109340573.html> (дата обращения: 16.09.2017).
9. Словарь социолингвистических терминов / В.А. Кожемякина, Н.Г. Колесник, Т.Б. Крючкова и др.; отв. редактор В.Ю. Михальченко; Институт языкознания РАН. М.: 2006. 312 с.

10. Титаренко Е.Я. Русский язык и языковая ситуация в Республике Крым // Русский язык в поликультурном мире: сб. науч. статей в 2-х т. Т. 1. Симферополь, 2017. С. 88–95.
11. Перепись населения в Крымском федеральном округе [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/perepis_krim.html (дата обращения: 17.09.2017).
12. Храпунов И.Н. От киммерийцев до крымчаков (народы Крыма с древнейших времён до конца 18 в.). Симферополь: Доля, 2004. 147 с.

REFERENCES

1. Aref'ev A.L. *Russkij yazyk na rubezhe XX – XXI vekov* [The Russian language at the turn of the 20th and 21st centuries]. Moscow, Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga Publ., 2012. 450 p.
2. Barsenkov A.S. *Istoriya Rossii. 1917–2004: ucheb.posobie dlya studentov vuzov* [The History of Russia. 1917–2004: textbook for University students]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2005. 816 p.
3. Bogdanovich G.U. *Russkij yazyk v aspekte problem lingvokul'turologii*. [The Russian language in the aspect of problems of linguoculturology]. Simferopol, Dolya Publ., 2002. 392 p.
4. Bogdanovich G.U., Rudnitskaya L.I. *Russkij yazyk i kul'tura rechi: ucheb.posobie* [The Russian language and culture of speech: textbook]. Simferopol, IT Aria» Publ., 2017. 284 p.
5. Vinogradova L.N. *Chelovek v kontekste kul'tury. Slavyanskij mir* [Human in the context of culture. The Slavic world]. Moscow, Indrik Publ., 1995. 240 p.
6. The state statistics service of Ukraine. Available at: URL: <http://www.ukrstat.gov.ua> (accessed: 16.09.2017)
7. Korolev V.I. [Ukrainian national education in the Crimea in Soviet times]. In: *Tavriis'ki studii. Mistetstvoznavstvo. Kul'turologiya* [Tavria studios. Art studies. Culturology], 2012, no. 1, pp. 192–197.
8. [In Crimea nearly 97% of students study in the Russian language – Ministry of Education]. In: *RIA novosti Krym* [RIA Novosti: Crimea]. Available at: URL: <http://crimea.ria.ru/society/20170304/1109340573.html> (accessed: 16.09.2017).
9. Mikhalchenko V.U., chief ed. *Slovar' sociolingvisticheskikh terminov* [Dictionary of sociolinguistic terms]. Moscow, 2006. 312 p.
10. Titarenko E.YA. [The Russian language and the language situation in the Republic of Crimea]. In: *Russkii yazyk v polikul'turnom mire : sb. nauch. statei. T. 1* [The Russian language in the multicultural world: a collection of scientific articles. Vol. 1]. Simferopol, 2017. pp. 88–95.
11. [The population census in the Crimean Federal district]. In: *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal service of state statistics]. Available at: URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/perepis_krim.html (accessed: 17.09.2017).
12. Khrapunov I.N. *Ot kimmerijcev do krymchakov (narody Kryma s drevnejshih vremyon do konca 18 v.)* [From Cimmerians to Krymchaks (Crimean people from ancient times to the end of 18th century)]. Simferopol, Dolya Publ., 2004. 147 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Титаренко Елена Яковлевна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой методики преподавания филологических дисциплин, Таврическая академия (структурное подразделение) Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского;
e-mail: elenatit@mail.ru

Гусейнова Руслана Низамиевна – старший преподаватель кафедры методики преподавания филологических дисциплин факультета славянской филологии и журналистики, Таврическая академия (структурное подразделение) Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского;
e-mail: analsur@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena Titarenko – Doctor in Philological Science, associate professor and head of the Department of Methodology of teaching philological disciplines, Taurida Academy (Academic Unit) of Vernadsky Crimean Federal University;
e-mail: elenatit@mail.ru

Ruslana Guseynova – Senior lecturer at the Department of Methodology of teaching philological disciplines, Taurida Academy (Academic Unit) of Vernadsky Crimean Federal University;
e-mail: analsur@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Титаренко Е.Я. Гусейнова Р.Н. Исторический вектор развития языков в полилингвокультурном сообществе (крымский опыт) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 5. С. 58-66

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-58-66

FOR CITATION

Titarenko E.Y., Guseynova R.N. Historical vector of development of languages in the community of multilingualism (Crimean experience) In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2017, no. 5, pp. 58-66

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-58-66

УДК 811

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-67-76

ЭПИЗОД И СОБЫТИЕ В УСТНОМ ДЕТСКОМ НАРРАТИВЕ*

Эйсмонт П.М.*Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения
190000, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 67, лит. А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается проблема отражения в связных устных детских текстах структуры эпизодов и составляющих их событий. Материалом для анализа стали 126 устных неподготовленных извлечённых детских нарративов, полученных при проведении серии экспериментов по методике рассказа по мультфильму с детьми в возрасте 4,7–7,6 лет. Проведённый анализ показал, что переход от нарративов с неполной структурой эпизода к стандартным нарративам, обладающим всеми необходимыми компонентами и отражающими все или большинство происходящих событий происходит в возрасте между 5 и 6 годами.

Ключевые слова: нарратив, детская речь, устная речь, эпизод, событие.

EPISODE AND EVENT STRUCTURE IN CHILD ORAL NARRATIVES

P. Eismont*Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation
67 lit. A, Bolshaya Morskaya st., Saint-Petersburg, 190000, Russian Federation*

Abstract. The article deals with the problem of episode and event structure in child narratives. The analysis is based on the material of 126 oral unprepared narratives, elicited by Russian native children of the age 4;7–7;6 during a series of experiments. The results prove that the narrative skills develop gradually but at the age between 5 and 6 there is a noticeable leap when children start producing adult-like narratives with complete episode structure and elaborated event descriptions.

Key words: narrative, child language, spoken language, episode, event.

Проблема усвоения детьми принципов построения и организации связного текста остаётся одной из самых неизученных в современной онтолингвистике. У исследователей нет единого мнения ни о времени появления в детской речи связных рассказов (первые рассказы не обладают большинством необходимых нарративу структурных элементов и характеристик), ни о времени полного овладения всеми необходимыми нарративными навыками (например, экспериментальное исследование, проведённое с носителями испанского языка, показало, что они овладевают всеми необходимыми синтаксическими, коммуникативными и прагматическими навыками только после 23 лет [17]). Нет единства также

© Эйсмонт П.М., 2017.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №16-04-50114.

и в перечне базовых характеристик нарративной компетенции (narrative competence [7]), которая объединяет основные принципы организации цельности и связности текста. Оказывает на структуру нарратива в целом и составляющих его эпизодов заметное влияние также и тип рассказа – порождается ли он ребёнком по собственному желанию, потому что описываемые события для него эмоционально важны («личные нарративы»), или ребёнок рассказывает о чём-то отвлечённом по просьбе взрослого («отвлечённые нарративы»). Экспериментальные исследования показали, что в нарративах первого типа значительно раньше проявляются все необходимые элементы и развиваются принципы организации цельности и связности текста, чем в нарративах второго типа [6, 10, 18], а достижение того же уровня в отвлечённых нарративах требует целенаправленного обучения и длительной тренировки [1].

Однако ни у кого не вызывает сомнений важность для формирования цельности текста полноты отражения и чёткости структуры составляющих его эпизодов и представленных в нём событий. В работах Уильяма Лабова и его последователей [12, 20] были сформулированы основные элементы связного нарратива, которые развились в так называемую “story grammar” («нарративная грамматика»). Любой связный рассказ должен иметь как минимум три компонента – установка (setting), в которой вводятся основные характеры и указывают время и место, когда происходит действие; завязка (initiating event), представляющая основную проблему, которую предстоит решить герою; и внутренние пережи-

вания (internal responses), отражающие мысли и чувства персонажей.

Те же структурные элементы составляют и отдельные эпизоды текста, а пространственная и временная локализация обеспечивают связь эпизодов в единое повествование, так как нарративы – это последовательность событий, объединённых хронологическими и причинно-следственными связями [4]. Формируется этот навык постепенно. В ранних детских нарративах разрозненные события оказываются никак друг с другом не связанными – ребёнок перечисляет отдельные действия, опуская какую-либо дополнительную информацию о них. На следующем этапе эти действия начинают соединяться в хронологические цепочки, между ними начинают проявляться причинно-следственные связи, однако только на третьем этапе развития в текстах встречаются 1–2 полностью оформленных эпизода.

Исследования, проведённые на материале различных языков [8, 14, 19, 22 и др.], показывают, что с момента своего появления в речи 3–4-летних детей по мере развития нарративных навыков устные рассказы становятся длиннее, в них появляется больше эпизодов, всё большее число эпизодов имеют полную законченную структуру и могут быть вплетены и связаны с другими эпизодами, начинают передаваться эмоции и мысли персонажей. Основываясь на этих данных, И.Г. Овчинникова предлагает 3 типа нарративов, возможных в речи детей в возрасте 6–7 лет: «псевдостандартные» нарративы, в которых отсутствует не более 3 событий; нарративы с «существенно упрощённой семантической программой», где рассказчик может

опустить некоторые события и отдельных героев, но в то же время добавить новые детали; и нарративы «без адекватного вывода», в которых допускается отход от основной сюжетной линии, однако появляется лишняя, ничем не оправданная информация [14]. На «примитивные» и «настоящие» нарративы делят детские устные рассказы Дж. Манхардт и Л. Рескорла, понимая под первыми те нарративы, в которых присутствуют только 3 компонента – начальное действие, центральная идея и последовательность событий, в то время как к последнему типу относятся рассказы, содержащие также развязку и финальное завершение [13].

Для анализа особенностей восприятия и отражения в собственном устном неподготовленном нарративе структуры эпизода и последовательности событий русскоязычными детьми были отобраны тексты из корпуса детских устных извлечённых неподготовленных текстов «Конduit», полученные при проведении серии экспериментов с детьми в возрасте от 2,7 до 7,6 лет [3]. К сожалению, тексты двух младших возрастных групп (дети в возрасте от 2,7 до 3,6 и от 3,7 до 4,6) не могут дать ясного представления о структурировании эпизода, так как при проведении эксперимента по методике игры и по методике извлечённого рассказа по картинкам экспериментатор старался следить за тем, чтобы дети последовательно описывали каждое наблюдаемое действие и каждую рассматриваемую картинку [2]. Поэтому для данного исследования были выбраны тексты, полученные при проведении экспериментов с детьми трёх старших групп – в возрасте 4,7–5,6 (группа 3), 5,7–6,6 (группа 4) и 6,7–7,6 (группа 5). Эксперимент проводился по методике извлечённого рассказа: детям беззвучно демонстрировался фрагмент мультфильма «Как стать большим?» (Союзмультфильм, 1967 год), который они должны были рассказывать без предварительного обдумывания прямо в момент его просмотра. Таким образом, ребёнок сам принимал решение о том, какие события и эпизоды освещать и как полно их отражать в своём рассказе. Всего было получено 126 текстов (49 текстов в группе 3, 42 текста в группе 4 и 35 текстов в группе 5) общим объёмом более 20 тысяч словоупотреблений.

Демонстрируемый фрагмент мультфильма состоял из 7 эпизодов и 35 событий:

0. Показывают домик котёнка.

I Котёнок хулиганит в домике.

I 1. Котёнок собирает кубики.

I 2. Пинает мячик.

I 3. Разбивает часы.

I 4. Разбрасывает клубки.

II Бабушка с котёнком в комнате.

II 1. Приходит бабушка.

II 2. Видит комнату.

II 3. Котёнку стыдно.

II 4. Бабушка начинает убирать.

II 5. Её прерывает телефон.

II 6. Она берёт бидон.

II 7. Прощается с котёнком и уходит.

III Котёнок один в комнате.

III 1. Котёнок остаётся один дома.

III 2. Смотрит в окно, сидя на подоконнике.

IV Котёнок и зайцы.

IV 1. Во дворе играют зайцы.

IV 2. Котёнок выпрыгивает во двор.

IV 3. Зайцы прыгают через скакалку.

IV 4. Котёнок подбегает к зайцам.

IV 5. Зайцы не принимают котёнка, и он уходит.

V Котёнок и бобры.

V 1. Бобры несут бревно.

V 2. Котёнок смотрит на них.

V 3. Бобры строят.

V 4. Работают молотком.

V 5. Котёнок бросается им помогать.

V 6. Бобёр говорит.

V 7. Котёнок уходит.

VI Котёнок и медвежонок; котёнок и дерево.

VI 1. Котёнок приходит на полянку с одуванчиками.

VI 2. Едет медведь.

VI 3. Медвежонок видит котёнка.

VI 4. Они разговаривают.

VI 5. Показывают лес.

VI 6. Котёнок забирается на сосну.

VI 7. Он на её верхушке.

VI 8. Медвежонок уезжает.

VI 9. Котёнок спускается.

Эпизоды были выделены на основе принципа единства хронотопа и действующих лиц [22], таким образом, появление нового персонажа или уход одного из действующих героев и смена места действия свидетельствуют об окончании одного эпизода и начале другого. Всего в мультфильме 5 различных персонажей (котёнок, его бабушка, зайчики, бобры, медвежонок), в 4 эпизодах котёнок общается с кем-то из них, в двух действует самостоятельно. На протяжении мультфильма котёнок перемещается по своему дому, полянке и лесу.

Каждый эпизод состоит из нескольких событий, явно представленных в мультфильме. Эти события соответствуют отдельным действиям, совершаемым персонажами, а их после-

довательность складывается в некий «мини-нарратив», формируя все необходимые элементы нарратива [11, 21]: включение, пространственная ориентировка, завязка, действие, развязка, оценка и т. д. Так же, как и сам нарратив, эпизод может быть «примитивным» или «настоящим» (см. выше классификацию в [13]), в зависимости от его полноты, завершённости его описания и возможности его включённости в общее повествование, а также наличия включённых (embedded) эпизодов в нём самом.

Самыми частотными во всех возрастных группах оказались те события, которые вводят нового персонажа или отражают резкое изменение действия или месторасположения главного героя (котёнка). К таким событиям относятся I 1 (*первое появление котёнка*); V 1 (*первое появление бобров*); VI 6 (*резкая смена действия и местоположения главного героя*); VI 9 (*резкая смена действия и местоположения главного героя*); IV 1 (*первое появление зайцев*); VI 2 (*первое появление медвежонка*) и т. д. Однако распределение этих событий по частотности их отражения в нарративах детей разных возрастных групп различается (см. табл. 1).

Из таблицы 1 видно, что в младшей группе каждому рангу соответствует только одно событие, но с возрастом ситуация меняется и число самых частотных событий значительно увеличивается. Это показывает разнообразие нарративов у детей старшего возраста, в которых получают своё отражение большее число выполняемых персонажами действий.

Таблица 1

Самые частотные события по числу нарративов, в которых они отражены

Ранг	3 группа		4 группа		5 группа	
	Номер события	Число нарративов	Номер события	Число нарративов	Номер события	Число нарративов
1	I 1.	48	V 1.	41	I 1.	35
1			I 1.	41		
2	VI 6.	47	II 1.	40	VI 9.	34
3	IV 1.	46	VI 9.	39	VI 6.	33
3			VI 6.	39	VI 2.	33
3			VI 2.	39	IV 2.	33
3					II 5.	33
4	VI 2.	45	IV 1.	38	VI 4.	32
4			0	38	V 1.	32
4					IV 1.	32
4					0	32
4					I 4.	32
4					III 2.	32
5	VI 9.	42	III 2.	37	I 2.	31
5					II 1.	31
5					V 7.	31

Реже всего в нарративах детей всех возрастных групп отражены события, либо очень близкие или повторяющие ранее демонстрировавшиеся в рамках того же эпизода действия, либо показывающие место, где происходит или будет происходить действие: II 4 (на экране показывают бабушку-кошку и

перевернутый стул, что очень близко к событию II 2); V 2 (показывают бобров и котёнка, однако новый персонаж (бобры) уже были введены в предыдущем событии V 1); VI 5 (место, где происходит действие) и др. Самые редко упоминаемые эпизоды представлены в таблице 2:

Таблица 2

Самые редко упоминаемые в нарративах события по числу нарративов, в которых они отражены

Ранг	3 группа		4 группа		5 группа	
	Номер события	Число нарративов	Номер события	Число нарративов	Номер события	Число нарративов
1	V 2.	10	II 3.	12	II 4.	10
2	II 4.	12	V 2.	13	IV 3.	11
2					V 2.	11

Окончание таблицы 2

Ранг	3 группа		4 группа		5 группа	
	Номер события	Число нарративов	Номер события	Число нарративов	Номер события	Число нарративов
3	IV 4.	14	IV 5.	14	VI 5.	15
3	V 6.	14	VI 7.	14		
3	VI 8.	14				
4	VI 5.	15	VI 5.	17	II 3.	16
4					IV 5.	16
5	IV 5.	16	V 4.	18	V 4.	20

В отличие от самых частотных событий, тут не наблюдается такого значительного разброса в разных возрастных группах, однако стоит отметить, что в самой младшей группе среди них оказались события, отражающие активные действия второстепенных персонажей (VI 8; V 6; IV 5 и др.). Это подтверждает результаты, полученные М. Хикманн на материале французского языка [9], и результаты, полученные М. Бамбергом на материале немецкого языка [5], о ранней детской стратегии построения нарратива, когда все описываемые события «цепляются» за один важный элемент («якорь» в терминологии М. Хикманн), которым чаще всего оказывается главный герой. Разница между двумя старшими группами незначительна.

Сравнение самых частотных и самых редких событий в текстах детей разных групп показывает, что с возрастом меняются расставляемые говорящим акценты на различные элементы структуры эпизода. Важность начала эпизода (появление нового персонажа), его развития (резкая смена действия или местоположения главного героя) или его завершения (один из персонажей уходит) сохраняется, однако у более старших говорящих возникает не-

обходимость описать фон, на котором происходят события, отразить эмоции героев от их взаимодействия друг с другом, передать причинно-следственные связи между совершаемыми ими действиями. Сравнение текстов детей разных возрастов показывает, что происходит этот переход между 5 и 6 годами.

Количество отражаемых в текстах событий и детальность их описания детьми трёх возрастных групп представлены на рис. 1:

Статистическая значимость обнаруженных различий была проверена при помощи *t*-критерия Стьюдента, который показал, что различия между 3 и 4 возрастными группами являются значимыми и для общего количества отражаемых в нарративе событий (*значение t-критерия Стьюдента*: 3.89, $p=0.000194$), и для детальности описания каждого события (*значение t-критерия Стьюдента*: 3.29, $p=0.001435$). В то же время оказалось, что разница между 4 и 5 группами не является статистически значимой ни для общего количества описываемых событий (*значение t-критерия Стьюдента*: 1.14, $p=0.256854$), ни для детальности их описания (*значение t-критерия Стьюдента*: 1.11, $p=0.270929$).

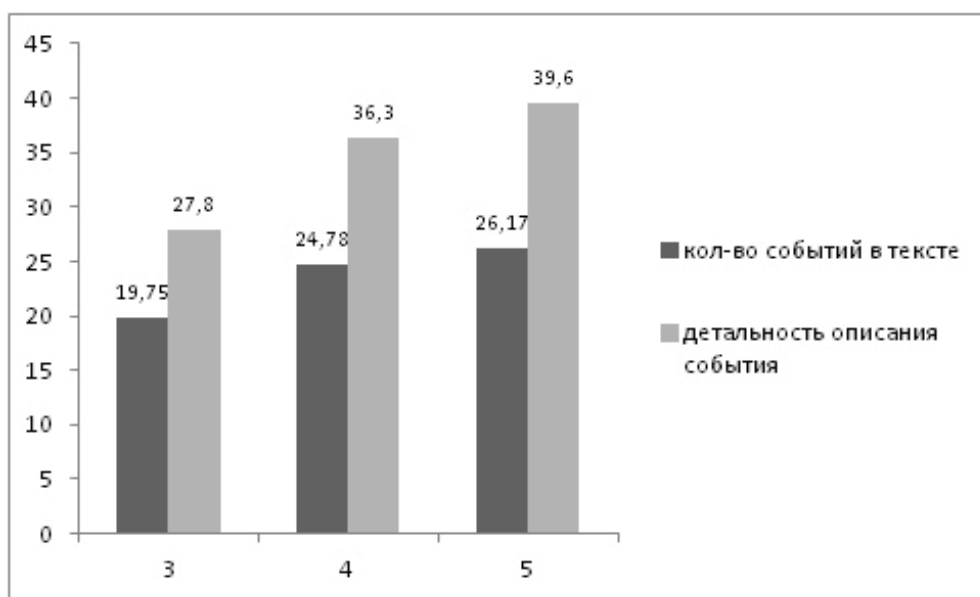

Рис. 1. Отражение событий в текстах трех групп (средние величины).

Это подтверждает, что значительная перестройка принципов отражения описываемых событий в собственных устных неподготовленных извлечённых нарративах происходит именно в возрасте между 5 и 6 годами, когда, по-видимому, достижение определённых успехов в языковом развитии сочетается с определённым уровнем когнитивных способностей, в том числе с развитием рабочей памяти ребёнка, позволяющей удерживать в сознании одновременно предшествующие события и предполагать возможные пути их развития [16].

Проведённый анализ устных неподготовленных извлечённых нарративов детей в возрасте от 4,7 до 7,6 лет позволил проследить этапы становления одного из компонентов нарративной компетенции, а именно структурирования детьми эпизодов и отражения отдельных событий данных эпизодов. Анализ показал, что эпизод состоит

из тех же элементов, которые У. Лабов и его ученики выделили в нарративе, каждый из которых представлен одним или несколькими событиями. В текстах детей младшего возраста эпизоды имеют неполную структуру, в большинстве из них отсутствуют такие элементы, как пространственно-временная ориентация и оценка эмоционального состояния героев; события следуют друг за другом без представленных хронологических или причинно-следственных связей; в большинстве нарративов описываются только действия главного героя, а события, связанные с другими персонажами, опускаются. К возрасту 6–7 лет большинство нарративов приобретают черты, свойственные «настоящим» или «псевдостандартным» нарративам: описываемые события становятся разнообразными, в структуре эпизодов появляются описания эмоций и мыслей персонажей, места

и времени действия, находит своё отражение взаимодействие главного героя с другими персонажами, которое имеет причинно-следственную связь с происходящим. Статистический анализ текстов позволил определить,

что переход к нарративам подобного типа происходит в возрасте между 5 и 6 годами, что может быть связано не только с языковым развитием, но и с достижением детьми определённого когнитивного уровня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лепская Н.И. Язык ребёнка. М.: РГГУ, 2013. 313 с.
2. Эйсмонт П.М. Экспериментальное изучение связной детской речи в раннем возрасте // Научная сессия ГУАП: сборник докладов. Изд-во Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, 2016. С. 203-207.
3. Эйсмонт П.М. «Кондуит»: корпус устных детских текстов // Корпусная лингвистика – 2017: сборник материалов. СПб: Изд-во Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, 2017. С. 373-377.
4. Aksu-Koç A. Development of linguistic forms: Turkish // Relating Events in Narrative: A crosslinguistic developmental study. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1994, pp. 217-255.
5. Bamberg M. The acquisition of narratives: Learning to use Language. Berlin: Mouton de Gruyter, 1987. 243 p.
6. Berman R.A., Nir-Sagiv B. Linguistic indicators of inter-genre differentiation in later language development // Journal of Child Language. 2004, vol. 31, pp. 339-380.
7. Berman R.A., Slobin D. Relating events in narrative: A crosslinguistic developmental study. New Jersey / London: Lawrence Erlbaum Associates, 1994. 748 p.
8. Botwin G., Sutton-Smith B. The Development of Structural Complexity in children's fantasy narratives // Developmental Psychology. 1977, vol. 3, pp. 377-388.
9. Hickmann M. Children's discourse: person, time, and space across languages. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 410 p.
10. Hudson J, Shapiro L. From knowing to telling: The development of children's scripts, stories, and personal narratives // Developing narrative structure. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1991, pp. 89-136.
11. Labov W. Uncovering the event structure of narrative [Электронный ресурс] URL: <http://www.ling.upenn.edu/~wlabov/uesn.pdf> (дата обращения: 02.09.2017).
12. Labov W., Waletzky J. Narrative analysis: Oral versions of personal experience // Essays in the verbal and visual arts. Seattle: University of Washington Press, 1967, pp. 12-44.
13. Manhardt J., Rescorla L. Oral narrative skills of late talkers at ages 8 and 9 // Applied Psycholinguistics. 2002, vol. 23, pp. 1-21.
14. Ovchinnikova I. Variety of children's narratives as the reflection of individual differences in mental development // Psychology of Language and Communication. 2005, vol. 9, № 1, pp. 29-53.
15. Roth F.P., Speckman N.J. Narrative discourse: Spontaneously generated stories of learning-disabled and normally achieving students // Journal of Speech and Hearing Disorders. 1986, vol. 51, pp. 8-23.
16. Shin N.L., Smith Cairns H. The development of NP selection in schoolage children: Reference and Spanish subject pronouns // Language Acquisition. 2012, vol. 19, no. 1, pp. 3-38.
17. Shiro M. Genre and evaluation in narrative development // Journal of Child Language. 2003, vol. 30, pp. 165-195.
18. Stein C. L. Analysis of narratives of Bhutanese and rural American 7-year old children: issues of story grammar and culture // Narrative Inquiry. 2004, vol. 14, pp. 369-394.

19. Stein N., Glenn K. An analysis of story comprehension in elementary school children // *New directions in discourse processes*. New York: Freeman, 1979, pp. 53–120.
20. van Dijk T.A. Episodes as units of discourse analysis // *Analyzing Discourse: Text and Talk*. Georgetown: Georgetown University Press, 1981, pp. 177–195.
21. Wigglesworth G. Children's individual approaches to the organization of narrative // *Journal of Child Language*. 1997, vol. 24, pp. 279–309.

REFERENCES

1. Lepskaya N.I. *Yazyk rebenka* [Child Language]. Moscow, RGGU, 2013. 313 p.
2. Eismont P.M. [Experimental study of early narratives in child language]. In: *Nauchnaya sessia GUAP: sbornik dokladov* [Scientific session SUAI: collection of reports], 2016, pp. 203–207.
3. Eismont P.M. „Konduit”: corpus of child oral narratives]. In: *Korpusnaya lingvistika–2017* [Corpus linguistics-2017], 2017, pp. 373–377.
4. Aksu-Koç A. [Development of linguistic forms: Turkish]. In: *Relating Events in Narrative: A crosslinguistic developmental study*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1994, pp. 217–255.
5. Bamberg M. *The acquisition of narratives: Learning to use Language*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1987, 243 p.
6. Berman R.A., Nir-Sagiv B. [Linguistic indicators of inter-genre differentiation in later language development] In: *Journal of Child Language*, 2004, vol. 31, pp. 339–380.
7. Berman R.A., Slobin D. *Relating events in narrative: A crosslinguistic developmental study*. New Jersey / London: Lawrence Erlbaum Associates, 1994. 748 p.
8. Botwin G., Sutton-Smit B. [The Development of Structural Complexity in children's fantasy narratives]. In: *Developmental Psychology*, 1977, vol. 13, pp. 377–388.
9. Hickmann M. *Children's discourse: person, time, and space across languages*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 410 p.
10. Hudson J, Shapiro L. [From knowing to telling: The development of children's scripts, stories, and personal narratives]. In: *Developing narrative structure*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1991, pp. 89–136.
11. Labov W. Uncovering the event structure of narrative. Available at: <http://www.ling.upenn.edu/~wlabov/uesn.pdf> (accessed: 02.09.2017).
12. Labov W., Waletzky J. [Narrative analysis: Oral versions of personal experience]. In: *Essays in the verbal and visual arts*. Seattle: University of Washington Press, 1967, pp. 12–44.
13. Manhardt J., Rescorla L. [Oral narrative skills of late talkers at ages 8 and 9]. In: *Applied Psycholinguistics*, 2002, vol. 23, pp. 1–21.
14. Ovchinnikova I. [Variety of children's narratives as the reflection of individual differences in mental development]. In: *Psychology of Language and Communication*, 2005, vol. 9, № 1, pp. 29–53.
15. Roth F.P., Speckman N.J. [Narrative discourse: Spontaneously generated stories of learning-disabled and normally achieving students]. In: *Journal of Speech and Hearing Disorders*, 1986, vol. 51, pp. 8–23.
16. Shin N.L., Smith Cairns H. [The development of NP selection in schoolage children: Reference and Spanish subject pronouns]. In: *Language Acquisition*, 2012, vol. 19, No. 1, pp. 3–38.
17. Shiro M. [Genre and evaluation in narrative development]. In: *Journal of Child Language*, 2003, vol. 30, pp. 165–195.
18. Stein C.L. [Analysis of narratives of Bhutanese and rural American 7-year old children: issues of story grammar and culture]. In: *Narrative Inquiry*, 2004, vol. 14, pp. 369–394.
19. Stein N., Glenn K. [An analysis of story comprehension in elementary school children]. In: *New directions in discourse processes*. New York: Freeman, 1979. pp. 53–120.

20. van Dijk T.A. [Episodes as units of discourse analysis]. In: *Analyzing Discourse: Text and Talk*. Georgetown: Georgetown University Press, 1981, pp. 177–195.
21. Wigglesworth G. [Children's individual approaches to the organization of narrative]. In: *Journal of Child Language*, 1997, vol. 24, pp. 279–309..

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Эйсмонт Полина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения;
e-mail: polina272@hotmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Polina Eismont – PhD in Philological sciences, associate professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation;
e-mail: polina272@hotmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Эйсмонт П.М. Эпизод и событие в устном детском нарративе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 5. С. 67-76

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-67-76

FOR CITATION

Eismont P.M. Episode and event structure in child oral narratives. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2017, no. 5, pp. 67-76

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-67-76

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1.09

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-77-85

РЕМИНИСЦЕНЦИИ И АЛЛЮЗИИ В «ДНЕВНИКЕ В СТИХАХ» Н.А. ОЦУПА

Алексеева Л.Ф.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье речь идёт о реминисцентности как принципе организации большого лиро-эпического полотна в наследии Н.А. Оцупа. Глобальная картина трагического положения личности в обстоятельствах XX столетия воссоздаётся автором через диалог с многочисленными поэтами и мыслителями различных стран и веков, ветхозаветными и евангельскими пророками и святыми, героями античного эпоса и русского фольклора. Пушкин, Тютчев и Блок для автора – символические имена. Пушкин для него – «ум без зла», Тютчев – провидец атайн русской души, Блок – певец Вечной Женственности, преодолевший яд иронии, современник («Блока гроб я подпираю плечом»). «Дневник в стихах» запечатлел судьбу и духовное преображение человека, обречённого странствовать, переносить неволю, терять родину, осознавать истоки зла, одолевая его христианской любовью. Благодаря прямым и опосредованным реминисценциям фон всемирной культуры включается поэтом в пространство души автобиографического героя.

Ключевые слова: реминисценции, аллюзии, лиро-эпическое полотно, диалог, символ, ирония, аналитическая параллель, Пушкин, Тютчев, Блок, арфа, муза, культура.

REMINISCENCES AND ALLUSIONS IN N. OTSUP'S "DIARY IN VERSE"

L. Alexejeva

*Moscow Region State University
10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The article deals with reminiscence as the organizing principle of the great lyric-epic canvas in the legacy of N. Otsup. The global picture of the tragic situation of the individual in the circumstances of the twentieth century is recreated by the author through dialogue with many poets and thinkers of different countries and centuries, old Testament and the gospel prophets and saints, the heroes of Greek mythology and Russian folklore. Pushkin, Tyutchev, and Blok

© Алексеева Л.Ф., 2017.

are symbolic names to the author: Pushkin for him is a "mind without evil", Tyutchev is a seer of the mysteries of the Russian soul, Blok is the singer of the Eternal Femininity who overcame the poison of irony, a close contemporary ("I supported Blok's coffin with a shoulder"). "Diary in verse" described the fate and spiritual transformation of a man, doomed to wander, to endure captivity, to lose home, be aware of the origins of evil, to defeat it with Christian love. Due to the direct and indirect allusions, the background of the world culture is included by the poet into the space of the soul of an autobiographical character.

Key words: reminiscences, allusions, lyric-epic canvas, dialogue, symbol, irony, Pushkin, Tyutchev, Blok, harp, muse, culture.

Творчество Николая Авдеевича Оцуа (1894–1958), литературного критика, главного редактора парижского журнала «Числа», автора нескольких сборников стихов, привлекает внимание критиков и историков литературы на протяжении многих лет, особенно в конце XX – начале XXI века. Обзор трудов об Оцуа добросовестно сделан диссертантами, составившими довольно подробную библиографию [8, 9]. Прижизненные критики и литературоведы, при постоянном доброжелательном внимании к соотечественнику, однако, мало внимания уделили позднему творчеству поэта.

«Дневник в стихах» (1950) требовал от автора огромной эрудиции, столь же просвещённого читателя ожидал (и сохраняет это состояние) текст, – для мало образованного реципиента многое в нём окажется недоступным для восприятия и понимания.

Постоянные обращения Н.А. Оцуа к Ветхому и Новому Завету, именам писателей, философов, художников, композиторов, богословов и политических деятелей диктуют «собеседнику» необходимость их сравнивать друг с другом, сопоставлять звенья исторических цепей, соотносить частные судьбы и общие тенденции в жизни народов и культур. Мы остановимся

лишь на некоторых аллюзиях и реминисценциях, поскольку охватить в одной статье их удивительное изобилие невозможно.

Важнейшее значение для прочтения произведения имеет эпиграф из второго варианта последней строфы пушкинского стихотворения («В часы забав иль праздной скуки...»): «И внимлет арфе Серафима / В священном ужасе поэт» [7, с. 470]. Вдохновлённые стихотворным посланием к Пушкину митрополита Московского и Коломенского Филарета (Дроздова), эти слова обозначают найденное творческой личностью мерило ценностей, точку обозрения земной истории человека и человечества – «с высоты духовной». Пушкин признавался, что прежде исторгал звон «струны лукавой», а пастырь исцелял неизбежные в таком случае «раны совести» – лил на них елей «речей благоуханных». Пастырскими словами освещено поле пушкинского лирического сюжета, отразившего падение героя, легкомысленно позволившего себе создавать «изнеженные звуки / Безумства, лени и страстей» [7, с. 469]. С самого начала эпиграфом к «Дневнику в стихах» Оцуа задана аналитическая параллель между пушкинским «я» и героем «Дневника», также преодолевающим юношеское легкомыслие, заблужде-

ния, греховные помыслы, – по пушкинскому определению, «*мрак земных сует*» [7, с. 469].

Покаянное и благодарное чувство за найденную способность слышать «арфу Серафима», ощущать духовный мир, иными словами обозначенный в известном всему читательскому миру «Пророке» как «горний ангелов полёт», составляет нерасторжимую параллель, явно и неявно сопровождающую всё повествование Оцуа.

Пять катренов пушкинского стихотворения определяют внутреннее движение лирико-философского сюжета Оцуа на протяжении всех трёх частей, разворачивающих повествование о пути героя от раннего детства до Первой мировой войны, её окончания, затем – от межвоенного промежутка – к Второй мировой, обрушившей на голову частного человека неизбежность оказаться в условиях фронта, в плену, в тюрьме, среди партизан, участвовать в сражениях, одолевая усталость и опустошённость... Однако во всём пережитом автор угадывает как будто сигналы из прошлого, поступающие в виде упоминаний о произведениях искусства и известных персонажах русской и западноевропейской классики. Для поэта здесь важен поиск пути, нечто более значительное, чем причастность к культуре, – возможность утверждения любви и веры в Бога, внутреннее очищение, которого по-тютчевски требует душа «в минуты роковые». Образ огня, попадающего греховные стремления и поступки, поэт двадцатого столетия по-новому осмыслил, увидев в нём сущность своего века, насквозь пронизанного пожарами, разрухой, смертями, разлуками, отчаянием...

Множество испытаний погружает и оцуповского героя, как и пушкинского, процитированного в эпиграфе, в «священный ужас» перед божественным совершенством Истины. Он неоднократно допускает поступки, открывающие его нравственные изъяны, но, претерпевая заблуждения и падения, возрастает духовно под влиянием любви к самоотверженной женщине, ставшей для него Музой, ангелом, волшебным даром самого Провидения.

По сути, перед читателем Николая Оцуа выстраиваются в длинную цепь не дневниковые записи в привычном для этого жанра виде, не фиксация переживаний день за днём, не записи впечатлений, но обобщённые раздумья об отрезках жизненного пути, философические наблюдения за религиозным состоянием мира и собственными духовными изменениями, – отнюдь не хроника, а, скорее, историософия, пронизавшая автобиографию, – с жанровыми признаками стройной поэмы, может быть, романа в стихах, в структуре которого доминирует музыкальное начало, о котором говорили Ф. Ницше («Рождение трагедии из духа музыки») и А. Блок («Возмездие», «Крушение гуманизма»).

Заметим, что сам музыкальный инструмент – арфа – присутствует и в названии цикла стихотворений А. Блока – «Арфы и скрипки» [2, с. 158-226], причём арфа символизирует и у Блока, вслед за Пушкиным, высокую песнь духа, противостоит скрипке, олицетворяющей индивидуальность, эгоистически сосредоточенную на самой себе: *«Зачем же в час земных торжеств / Ты злишься, мой смычок визгливый, / Врываясь в мировой оркестр / Отдельной песней торопливой?»* [2,

с. 192]. Блок, как современник, памятник эпохи, голос «напряжённой как арфа души», появляется на страницах «Дневника» многократно.

Оцуп, как и многие его старшие современники и ровесники, поэты Серебряного века, был увлечён идеями Вл. Соловьёва, который упоминается в произведении, хотя для автора «Дневника» здесь не главный источник размышлений о сущности всеединства и смысле любви. Эти кардинально значимые субстанции бытия для него – не книжное знание, его «дневниковый» герой идёт не столько от книг, сколько от непреднамеренного погружения в гущу современной истории. Он постигает смысл любви по-своему – через невольное обретение непрерывно нарастающего жизненного опыта, в процессе формирования которого в с п о м и н а е т с я, становится реминисценциями, выплывает как аллюзия то, что было предметом творческой жизни духа, придавало некую форму, кристаллизовавшуюся в соприкосновении с наследием других эпох и художников.

Можно выделить наиболее соловьёвские, программные строчки из текста: *«Я, они и мы, но все – в одном. / Сообща, но – каждый о своём. // Всё в себе и я переживаю»* [6, с. 255]. Осознание личностью своего места на земле мучительно формируется из соотношения всего содеянного человечеством и судьбы лирического героя, влекомого усилиями собственной воли. Вопреки ввергающим в кровавые распри обстоятельствам, герой обречён идти в одном направлении – к встрече с единственной женщиной, ставшей для него светочем и любовью. В любви же человек становится лучше

себя прежнего, любовь расщепляет скорлупу индивидуальной замкнутости, открывает широкое пространство прошлого и вечности. Оттуда получает герой Оцупа источник жизненной силы и высокого горения духа: *«Из столетий веры и огня / Путь к тебе открылся для меня»* [6, с. 263].

Великое множество ассоциаций и параллелей ведёт эрудированного и настроенного на самоанализ героя вместе со своим поколением по пути отказа от христианства, показавшегося самонадеянным современникам заблуждением. Оцуп находит лаконичную формулу для определения скрытых духовных шатаний и прозрений. Атеистические страницы судьбы поколения сменяются догадкой о необходимости вернуться к утраченному: *«Раньше – христианство, дальше – срыв... / Только даже и сейчас похоже, / Что назад, всезнания вкусив, / Мы идти готовы»* [6, с. 262].

В том, что истинные ценности сохранены в человеческих сердцах, – залуга не угасающей силы творческого слова писателей и мыслителей многих эпох и народов, вновь и вновь включающихся в мыслительную канву «Дневника». В ещё большей степени этому способствует жизнь неравнодушных, верных своему призванию людей, целительно воздействующих на «ближних». Возлюбленная главного героя, его верная жена и требовательная муза, изначально ступив на путь жертвенного христианского служения, выстраивает свою земную жизнь без заботы о внешней красоте, но вся подчинена любви и добру, тому, чем наполнено её щедрое сердце.

Образ прекрасной женщины то подневниковому воплощён в образе ми-

лой девочки, танцующей на льду, то в облике чарующей артистизмом талантливой девушки-балерины, затем – самоотверженной сестры милосердия, монахини в миру, неизменной путеводительницы на пути спасения. Её зыблущийся силуэт постепенно приобретает твёрдые очертания, она сопоставлена с очаровательными музами мировой классики: Офелией, Беатриче, Татьяной, Наташей Ростовою...

Автор «Дневника в стихах» создаёт своё произведение не для современников, которые гложут «для небесных голосов» [6, с. 183]. Он надеется быть прочитанным «дальним» потомком, с которым, однако, его роднит истовое стремление к нелицеприятному самообличению и сострадание: *«Все мы братья и по суете, / И по муке. Встретимся же, дальний, / С дальним – в климате исповедальни»* [6, с. 183].

В фоновом поле лирического монолога угадываются речи Заратустры, персонажа Ф. Ницше: «Выше любви к ближнему стоит любовь к дальнему и будущему...» [5, с. 52]. Безусловно, «за кадром» присутствуют в поле авторских аллюзий не только лирика Пушкина и Боратынского, обращённая к «собеседнику», но, вероятно, и посвящённая адресату стихов Боратынского статья О. Мандельштама «О собеседнике» [4, с. 233-240], в которой, в свою очередь, цитируются строчки Фёдора Сологуба: *«Друг мой тайный, друг мой дальний, / Я умру»* [4, с. 240]. Эрудированный читатель вспомнит блоковские поэтические строчки: *«Нет имени тебе, мой дальний»* [1, с. 110]. Таким образом, выстраивается некая анфилада реминисценций, широкое пространство аллюзий, намёков, явных и скрытых переключек и соотношений.

Разумеется, на «дневниковых» страницах Оцуа важное место занимает Гумилёв, поэзия и судьба которого были постоянно в области его творческого внимания. Облик трагически обречённого поэта обозначен расквашенной цитатой одного из тех, которые *«под пули ... подставляют грудь»*: *«Может быть, у младшего из них / Всё к развязке более готово / В середине странствия земного»* [6, с. 185]. Здесь имеется в виду поэтический сборник с дантовской строкой в названии, который Гумилёв незадолго до смерти готовил к печати – *«Посредине странствия земного»*. Мы найдём в повествовании Оцуа отголоски многих идей и образов Н. Гумилёва. Разность возрастных состояний, описанная автором «Памяти», предстаёт в «Дневнике» как общая закономерность человеческой эволюции. Вслед за автором «Огненного столпа» его последователь констатирует самодостаточность возрастных стадий:

*Взрослые и юноши и дети –
Три народа царства одного*
[6, с. 193].

Дети привлекательны интуицией, улавливающей токи древности, звуки истины – с большей глубины, нежели взрослые, в которых эта способность приглашена. Младенцы тонко угадывают религиозные истоки преемственных связей, главный жизненный нерв:

*В них предчувствие: не обойтись
Без того, чем прадеды спаслись!*
[6, с. 193].

С особенной пронзительностью предстаёт характеристика эпохи и сломленного трагическими потрясениями человека в третьей части стихотворного повествования Оцуа.

Тютчевский Цицерон утверждал *«среди бурь гражданских и тревоги»*: *«Счастлив, кто посетил сей мир / В его минуты роковые...»* [10, с. 122]. Для автора «Дневника в стихах» очевидно, что участник прошлых событий земной истории жил в менее трагичных обстоятельствах, нежели свидетель катастроф XX в. Более того, не только внешние условия, но и сам «новый человек» в самом себе, в ещё более ужасных страданиях, нежели тютчевский, несёт возмездие грозных сил.

На протяжении всего произведения исповедально открыта читателю духовная мука героя. Он наблюдает растерзанный злой враждой евразийский континент, мучительно ищет причины разрушительных итогов человеческой деятельности. В круге его горького восприятия – печальные судьбы русских людей, защищавших родину и утративших её, оказавшихся эмигрантами. Судьбоносный поток сближает его с насельниками тюрем, куда фашисты бросили людей разных национальностей и вероисповеданий; с бежавшими из лагерей и снова воевавшими бездомными бойцами, очерстевшими, забывшими о нормальных условиях жизни, о любви, настоящей радости бытия.

Итогом Второй мировой войны стало тотальное разрушение материальных и духовных ценностей: *«Выхожу из переделки скверной / Кое-как... Опомнися... Кругом / Разрушения – разворотили / Рельсы, души, нации. Разгром / Всюду. И тебя не пощадили»* [6, с. 405], – не сдерживая горечи, обращается он к своей Прекрасной Даме.

Измученный, утративший идеалы юности герой обнажает дно своей души перед возлюбленной, с которой

был надолго разлучён. Быть правдивым «до конца» непросто, – беспощадный самоанализ подводит героя к уподоблению себя предателю Христа, Иуде: *«Да. В себе я знаю что-то / Вечное, как зло Искарюта»* [6, с. 405]. Персонаж Л.Н. Андреева Иуда Искарот, извративший мотивы своего предательства, выдающий свой поступок за высшую любовь, выплывает в данном контексте как духовное клеймо, символ сатанинского века, изменяющего Добру, любящего зло.

Погружение в адское пространство, падение в демоническую гордыню, честолюбие, разврат и страдание неизбежно напоминают ему о лермонтовском персонаже. Демон не случайно был близок многим творческим людям Серебряного века, переживавшим падение в бездну безверия, обольщение пустотой. Эстетизированный его облик запечатлён на врубелевских полотнах. Хрупкая и печальная героиня в свою очередь ассоциируется в тексте с Царевной-Лебедью с другой картины художника. Лирический герой клеймит себя с помощью выразительнейших упоминаний о *претекстах*. Например:

*Я любил тебя, как Мармеладов
Им же разорённую семью.
Только я страшнее, хоть не пью*
[6, с. 398].

Муза Оцупа, когда герой встречается с ней после многих лет разлуки, не сохранив телесной красоты, осталась чистой сердцем, ещё более возвысилась духовно, уподобилась ангелу: *«За плечами словно два крыла»* [6, с. 405]. Героиня «Дневника» сама идёт и ведёт поэта по пути верному, изначально ей предназначенному, щедро растрачивая силы.

*Хрупкое и странное дитя,
Так бесстрашна, как не все герои, –
Как же ты намучишься, платя
И за неуменье жить в покое,
И – когда в опасности другой –
За уменье жертвовать собой*
[6, с. 193].

Автор наделяет героиню качеством, присущим лирическому герою Блока, который добровольно отказался в «страшном мире» от равнодушной успокоенности: «Уюта – нет. Покоя – нет!» [2, с. 95]. Продолжающийся исторический слом требует от неё новой жертвы, осуществить её просто – нужно особое «уменье».

Важно в конечном итоге постичь не только интертекстуальность предложенного жанрово-модифицированного произведения (что представляет несомненный интерес), но в конечном итоге определить подвижную, внутренне динамичную цельность текста, уяснить философскую и религиозную направленность авторского поиска и разобраться в эстетических и нравственно-этических позициях автобиографического героя, дерзнувшего вести дневник – *в стихах*. Сама по себе эта задача уводит от дневнико-

вого жанра, не требующего заботы об эстетической форме высказывания, ритмической однородности и гармоничности, тем более – строфической организации словесного русла. Стихотворная форма изначально побуждает читателя воспринимать текст как произведение искусства, ориентированное на композиционную стройность, гармонию и многозначность смысловых звучаний, причастность к разветвлённой духовной традиции.

Неровная и стремительно меняющаяся стезя, влекущая героя по изломам судьбы, толкуется автором как закономерная, может быть, предопределённая, хотя и требующая больших личных усилий. К реминисценциям и аллюзиям поэт прибегает, чтоб многогранно запечатлеть жизненное поле, представшее на изломах XX в. творческому взору единственный раз и впервые, но оно открывает свою суть и становится родным только через осознание отдельным, единичным человеком связей с общими, многовековыми, культурно-историческими и религиозными путями, направленными к Истине, духовной любви.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 2. М.; Л.: Гослитиздат, 1960. 467 с.
2. Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 3. М.; Л.: Гослитиздат, 1960. 715 с.
3. Гумилёв Н.С. Собр. соч.: в 3 т. Т. 1. Стихотворения; Поэмы. М.: Художественная литература, 1991. 590 с.
4. Мандельштам О.Э. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М.: ТЕРРА, 1991. 730 с.
5. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого (пер. с нем.) М.: Интербук, 1990. 301 с.
6. Оцуп Н.А. Дневник в стихах // Океан времени: Стихотворения. Дневник в стихах. Статьи и воспоминания о писателях. СПб.: Logos; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993. С. 181-498.
7. Пушкин А.С. Сочинения: в 3 т. Т. 1. Стихотворения; Сказки; Руслан и Людмила: Поэма. М.: Художественная литература, 1985. 735 с.

8. Ратников К.В. Эволюция поэтического творчества Н. Оцупа: дисс. ... канд. филол. наук. Челябинск, 1998. 174 с.
9. Сафонова Е.А. Поэзия Н.А. Оцупа 1918–1930-х годов в культурно-историческом контексте: темы, мотивы, образы: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2015.
10. Тютчев Ф.И. Полн. собр.соч. Письма: в 6 т. Т. 1 / сост. В.Н. Касаткина. М.: Классика, 2002. 528 с.

REFERENCES

1. Blok A.A. *Sobranie sochinenij. T. 2* [Collected works. Vol. 2]. Moscow; Leningrad, Goslitizdat Publ., 1960. 467 p.
2. Blok A.A. *Sobranie sochinenij. T. 3* [Collected works. Vol. 3]. Moscow; Leningrad, Goslitizdat Publ., 1960. 715 p.
3. Gumilev N.S. *Kollekciya sochinenij. T. 1 Stihotvoreniya. Poehmy* [Collection of works. T. 1. Verses; Poems]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1991. 590 p.
4. Mandel'shtam O.E. *Sobranie sochinenij. T. 2* [Collected works. Vol. 2]. Moscow, TERRA Publ., 1991. 730 p.
5. Nitshe F. *Tak govoril Zaratustra. Kniga dlya vsekh i ni dlya kogo* [Thus spoke Zarathustra. A book for all and none]. Moscow, Interbuk Publ., 1990. 301 p.
6. Otsup N.A. [Diary in verse]. In: *Okean vremeni: Stikhotvoreniya. Dnevnik v stikhakh. Stat'i i vospominaniya o pisatelyakh* [Ocean of time: Poems. Diary in verse. Articles and memoirs about the writers]. St. Petersburg, Logos; Düsseldorf, Goluboi vsadnik Publ., 1993. pp. 181–498
7. Pushkin A.S. *Sochineniya: v 3 t. T. 1. Stikhotvoreniya; Skazki; Ruslan i Lyudmila: Poema* [Works. Vol. 1. Poems; Tales; Ruslan and Ludmila: a Poem]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1985. 735 p.
8. Ratnikov K.V. *Evolyuciya poehticheskogo tvorchestva N. Otsupa: diss. ... kand. filol.nauk* [The evolution of poetry N. Otsup: PhD thesis in Philological sciences]. Chelyabinsk, 1998. 174 p.
9. Safonova E.A., *Poeziya N.A. Otsupa 1918–1930-h godov v kulturno-istoricheskom kontekste: temy, motivy, obrazy: diss. ... kand. filol.nayk* [Poetry of N. Otsup 1918–1930s in the cultural and historical context: themes, motifs, images: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Tomsk, 2015.
10. Tyutchev F.I. *Polnoe sobranije sochinenij. Pis'ma. T. 1* [Full collected works. Letters. T. 1]. Moscow, Klassika Publ., 2002. 528 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексеева Любовь Фёдоровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета;
e-mail: modernen@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Liubov Alexejeva – Doctor in Philological sciences, professor at the Department of Russian literature of the 20th century, Moscow Region State University;
e-mail: modernen@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Алексеева Л.Ф. Реминисценции и аллюзии в «Дневнике в стихах» Н.А. Оцупа // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 5. С. 77-85

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-77-85

FOR CITATION

Alexejeva L.F. Reminiscences and allusions in N. Otsup's "Diary in verse". In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2017, no. 5, pp. 77-85

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-77-85

УДК 82-17-9

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-86-95

ЗДОРОВЬЕ И БОЛЕЗНЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ Н.М. КАРАМЗИНА*

Алпатова Т.А.*Московский государственный областной университет
105005, Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются мотивы здоровья/болезни в творчестве Н.М. Карамзина в свете художественной антропологии, гносеологии и антологии писателя; предложена типология генетических источников этого мотива и путей его раскрытия в карамзинском творчестве. На примере стихотворений, повести «Евгений и Юлия», «Писем русского путешественника» сделаны выводы о специфике представлений писателя о болезни как проявлении непредсказуемости бытия, бессилия человека в борьбе с непознаваемыми метафизическими закономерностями мироздания и необходимости принять их, которая в художественных размышлениях Карамзина осмысливается как залог истинного душевного здоровья человека. Сделаны выводы о значении мотивов здоровья и болезни в движении литературы рубежа XVIII–XIX вв. от нормативно-традиционалистской к индивидуально-творческой концепции человека.

Ключевые слова: Н.М. Карамзин, художественная философия, мотив, образ, медицина и литература.

HEALTH AND DISEASE IN THE ARTISTIC SYSTEM OF N. KARAMZIN

T. Alpatova*Moscow Region State University
10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The article considers the motives of health / illness in the work of N. Karamzin in the light of artistic anthropology, epistemology and anthology of the writer; the typology of genetic sources of this motive and ways of its disclosing in Karamzin's works are presented. On the example of the poems, the novel "Eugene and Julia", "Letters of a Russian Traveler" conclusions are made about the specifics of the writer's attitude to a disease as a manifestation of the unpredictability of life, impotence of a human in the fight against unknowable metaphysical laws of the universe and the need to accept them, which is interpreted in artistic thinking of Karamzin as a pledge of true mental health of a person. The conclusions are also made about the importance of health and disease motives (from regulatory traditionalist to the individual human creative concepts) in the literature abroad in 18-19th centuries.

© Алпатова Т.А., 2017.

* Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 15-04-00494 «Н.М. Карамзин: энциклопедический словарь» / The work was supported by grant RFBR № 15-04-00494 «N.M. Karamzin: encyclopedic dictionary».

Key words. N. Karamzin, art philosophy, motive, image, medicine and literature.

В культурно-художественной антропологии осмысление базовых состояний человека – здоровья и болезни – неизбежно перерастает рамки простой физической констатации и концептуализируется в формах поэтического языка, выходя на уровень одной из важнейших литературно-культурных универсалий, причём пути и способы, которыми идёт этот процесс концептуализации, многое могут сказать как о понимании человека, характерном для данной эпохи, так и о специфике языка искусства, в котором эта концепция выстраивается. Справедливое для литературно-эстетической эпохи как целого, это положение будет справедливым и по отношению к художественному миру отдельного автора. Вопрос о том, что есть здоровье и болезнь, какого человека и почему можно считать здоровым или больным, какова специфика авторской оценки того или иного состояния, сам набор «диагнозов» и их значение в структуре художественного текста (от сюжетной мотивировки до основы философии характера) будет по-разному раскрываться у Мольера или Гёте, Пушкина или Лермонтова, Л. Толстого или Достоевского, Вересаева или Чехова... Вопрос, «чем болеют герои» того или иного писателя, как они это делают и к какому исходу это их приводит, при всей наивности звучания в конечном итоге означает вопрос о жизни и смерти, о человеке в самом «философском» смысле этого слова, о возможностях, пределах и границах его бытия [4, с. 341-349; 7].

Предметом статьи избраны концепты здоровья/болезни в произведениях

Н.М. Карамзина. Они представляются достаточно важными для художественной антропологии писателя и, по-видимому, динамика их раскрытия в карамзинском мире в первую очередь зависела от общей установки на постижение индивидуального своеобразия личности, подробностей душевной жизни человека, которые органичнее и полнее раскрываются как раз в моменты, когда его социально-функциональная «роль» отступает на второй план, а на первое место выходит естественное, изначальное «лицо». Вопрос о том, в каком из функциональных состояний человека наиболее явственно раскрывается его сущностная природа, различно решался в нескольких литературно-культурных традициях, на стыке которых и формировалась художественно-философская система Карамзина.

Собственно, «открытие болезни» в её психологических, антропологических, эстетических и философских возможностях для осмысления человека совершается литературой на рубеже нормативно-традиционалистского и индивидуально-творческого типов художественного сознания. Для нормативно-рационалистической эстетической системы, в идеологическом плане ориентированной на идею пользы, государственного сложения, «соразмерности и сообразности» личностной самореализации в социуме, болезнь как невозможность этой реализации представлялась безусловно в негативном ключе, поэтому либо отсутствовала вовсе, либо возникала в сатирических жанрах именно как «отступление» от должного и потому в той или иной

форме подлежала осуждению/преодолению. «Высокие» герои классицизма – либо живые, полные сил, исполняющие своё предназначение, либо мёртвые, его исполнившие, почитаемые и оплакиваемые как раз в соответствии с тем, каково было это предназначение в контексте общегосударственного целого. В русской литературе первой–второй трети XVIII столетия наиболее яркое изображение болезни – жанр «сатирического рецепта», в котором узнаваемая форма речевого жанра позволяла вывести порок именно как пример нарушения истинного (т. е. здорового) состояния человека – болезнями изображаются авторское тщеславие, жестокость и бесчеловечность помещика, бессмысленное кокетство и т. п. Эту просветительскую оценку болезни демонстрирует и Екатерина II – как в мемуарах и письмах¹, так и в аллегорических сказках – см. «Сказку о царевиче Февее», мотивы которой реализуются и в оде Г.Р. Державина «Решемыслу» [1, с. 257-263].

Иной полюс традиции составляла «чувствительная» трактовка мотива болезни как состояния, в котором человек «выпадает» из привычных социальных ролей, приближается к истинной сущности, не имея силы носить светскую личину. Оказавшись на грани жизни и смерти, он очищается от всего наносного и проявляет свои истинные качества. Так возникает неразрешимое противоречие между равно властными импульсами: рациональным стремлением к здоровью и иррациональным в своём существе восприятием болезни

как «момента истины» человеческого существования. Позднее, в эпоху романтизма это приведёт литературную антропологию к своеобразному «культу болезненности»; менее радикальная в своих выводах, в принципе склонная к компромиссу с рационализмом сентиментально-предромантическая художественная система решает эту дилемму благодаря мотиву «выздоровления»: будучи неким пограничным состоянием, переходом от болезни к здоровью, выздоровление позволяет в полной мере пережить обострённое чувство собственной «человечности» (раскрывающееся во внесоциальном, «истинном» моменте болезни), погружённости в «природу», от которой приходит к человеку как болезнь, так и здоровье, и наконец, испытать радость пробуждения к новой жизни². Контрапункт этих состояний определяет развёртывание лирического сюжета в стихотворении Карамзина «Выздоровление», где есть место как воспоминаниям о тяжёлых страданиях («Сумрачны дни мои были. // Каждая ночь // Медленным годом казалась // Бедному мне. ... Черная кровь возмущала // Ночи мои // Грозными, страшными снами, // Адской мечтой...» [6, с. 30-31]), так и радостным чувством новой жизни:

Все для меня обновилось;

Всем веселюсь:

Солнцем, зарею, звездами,

Ясной луной [6, с. 31].

¹ Здесь, по выражению Т.И. Акимовой, создаётся особый «медицинский дискурс» [2, с. 15-21], призванный раскрыть корреспондентам глаза на то, каким образом следует строить «правильную» и разумную жизнь.

² По-видимому, в этом качестве «переходного» состояния *выздоровление* находит предпочтение в сентиментально-предромантической художественной системе наряду с типологически родственными своей «переходностью», динамикой концептами *осени* (времени между пыльным летом и горестной зимой), *сумерек*, *меланхолии* и т. п.

Наиболее парадоксальную ветвь традиции, с которой взаимодействовала динамическая, изменчивая художественная система Карамзина, составляла рокайльная трактовка болезни как своеобразного проявления непредсказуемой изменчивости мира. При этом невозможность строить какие бы то ни было планы, рационально «рассчитывать» свою жизнь раскрывалась не как следствие христианской истины о том, что «человек предполагает, а Бог располагает», но, скорее, как агностическая в своём существе: болезнь как внезапный «случай», взрывающий ход привычного существования, разрушающий человеческое благополучие, несущий страдания и смерть, непредсказуема и необъяснима. Единственной возможностью своеобразной «защиты» в этой ситуации человеку остаётся ирония – мотив, неоднократно проявляющийся в западноевропейской литературе XVIII столетия, нашедший своё место и в карамзинском творчестве.

В самом общем виде семантика мотива здоровья/болезни в художественном мире Карамзина развёртывается на нескольких уровнях. Прежде всего, это близкое религиозно-дидактической традиции восприятие болезни как неизбежного испытания, которое сопровождает человека на протяжении всей жизни и является концентрированным воплощением страданий земного существования, предвещающих небесное избавление. Далее оказывается собственно рационалистическое понимание болезни как следствия нарушения разумного поведения и своеобразной «расплаты» (обычно сопровождающееся более или менее отчётливым осуждением или насмеш-

кой). Наконец, одной из граней трактовки здоровья и болезни оказывается связанное с идеей чувствительности восприятие болезни как возможности стать самим собой, – причём характерный для сентиментально-предромантической художественной системы пафос сочувствия способствовал окружению болезни ореолом трогательности, как состояния человека, вызывающего сострадание, также являвшегося безусловной ценностью в рамках данной литературной школы.

В произведениях Карамзина в наименьшей мере представлена первая, собственно религиозно-дидактическая трактовка мотива болезни. Она присутствует в одном из юношеских стихотворений «Господину Д* на болезнь его», где последовательно раскрывается весь комплекс мотивов, связанных с данным контекстом восприятия болезни: она неизбежна как атрибут земной жизни («*Страдает всяк, кто в нём живёт...*»), но будет преодолена после смерти, когда все мы «... в страны блаженные вселимся, // Где нет болезни, смерти нет...» [6, с. 17]. Схожим образом утешает болящую старушку Лафатер – герой «Писем русского путешественника»: «*Не страшись гроба и могилы; не ты, но только бренное тело твоё в них заключится. В самую ту минуту, когда глаза твои закроются навеки для здешнего мира, воссияет тебе заря вечной и лучшей жизни. ... Там, там составим мы все одно щастливое семейство!*» («<57> Цирих») [5, с. 117].

Рационалистическая просветительская традиция своеобразной «насмешки» над болезнью, или, во всяком случае, осуждения её как «неправильного», недолжного состояния челове-

ка в карамзинском художественном мире обычно находит отголосок в изображении «болезни от любви» – когда чрезмерная чувствительность героя делает его поистине беззащитным перед нахлынувшим чувством. В раскрытии этого мотива можно видеть и своеобразную эволюцию, поскольку первым опытом обращения к нему оказывается повесть «Евгений и Юлия», представляющая именно чувствительную трактовку подобной сюжетной ситуации. Её герой, счастливо влюблённый юноша, заболевает и в конце концов умирает не от печали, а, напротив, «будучи в беспрестанном восторге высочайшей радости» [6, с. 256], оставив навеки горевать свою мать и возлюбленную.

Эта юношеская повесть Карамзина представляет интерес в связи с рассматриваемой темой и потому, что здесь наиболее подробно и детально изображается сам ход болезни героя, которая является единственным, поворотным событием сюжета и по существу оказывается единственным действительно свершившимся фактом. При этом болезнь героя абсолютно лишена конкретных примет – она появляется внезапно именно как чистое «событие» на общем статичном фоне. Сам герой, да и все окружающие всячески стараются отвести его («Евгений около вечера почувствовал в себе сильный жар. Он не хотел чувствовать его, хотел превозмогать натуру...» – «Страх разлился по всем нервам их... все были в смятении, но все старались ещё льстить себя надеждою...» [6, с. 257]); ход болезни, по существу, и определяет ход сюжета истории, однако в целом она не становится конкретнее, оставаясь столь же загадочной и

грозно-неотвратимой: *«три дни ... болезнь его то усиливалась, то уменьшалась...», «пламя болезни стремилось в нём охватить все потоки жизни...»* [6, с. 257]. Сама болезнь и смерть героя, за нею последовавшая, в конечном итоге осмысливаются в повести как доказательство печальной истины о том, что подлинное счастье, красота, добро невозможны в этом мире, выражением чего становится и эпитафия Евгению: *«Сей райский цвет не мог в сем мире распуститься – // Увял, иссох, опал – и в рай был принесён»* [6, с. 258].

Болезнь любви, становящаяся роковой в судьбах героев, гораздо чаще у Карамзина раскрывается не столь парадоксально: оказывается следствием несчастливой, обманутой любви (см. включённую в «Письма русского путешественника» балладу «Алина»). Встраиваясь в тот своеобразный план «автобиографического сюжета» «Писем...», который связан с осмыслением здоровья и болезни, эта горестная история любящей жены, которая своей смертью от «болезни злой» хочет освободить разлюбившего её супруга, соотносится с размышлениями повествователя-путешественника о своеобразной «эпидемии» сумасшествий от любви, которым он предаётся во время посещения Бедлама в Лондоне. Сама эпоха, в которую он живёт, представляется ему словно бы эпохой безумия, когда человек ничем не защищён от «сильного действия страстей» [5, с. 342]. Он живёт, погружённым в покой, роскошь и утончённость, когда все силы его тратятся лишь на удовлетворение «желания нравиться» – «всё, всё наполняет душу горячим веществом для огня любовного» [5, с. 343] – и потому неудача в любви приобретает

для современников столь фатальный характер: *«душа слишком чувствительная к удовольствиям страстей чувствует сильно и неприятности их; рай или ад для неё в соседстве; за восторгом следует или отчаяние, или меланхолия, которая столь часто отворяет дверь ... в дом сумасшедших»* [5, с. 343]; *«мущины стреляются от любви, а нежная, кроткая женщина сходит с ума»* [5, с. 342].

В изображении «болезни от любви» у Карамзина могут примешиваться и более традиционные для нормативно-рационалистической художественной логики иронические нотки. В «Письмах...» такую оценку получает «любовная болезнь» попутчика Б* при встрече с «дамой из Ивердона» [5, с. 101-102], через несколько дней обернувшаяся всего лишь жестокой простудой [5, с. 176-178]. В рокайльных «безделках» Карамзина-поэта («Любовь к врагам», «К Лиле») сама любовь изображается как жестокая болезнь, терзающая юношу вследствие бессердечия красавиц: *«Взгляните на меня: я в двадцать лет старик; // Весь высох как скелет, едва таскаю ноги; // Смотрю в очки, ношу парик...»* [6, с. 134]; лишь «выздоровление» от любовной горячки способно вернуть покой сердцу – правда, взамен ожесточив его.

Наиболее интересным для характеристики художественно-философской системы Карамзина представляется рассмотрение болезни с точки зрения логики её развития, системы причинно-следственных связей, постигая которые, человек получает своеобразный шанс приблизиться к постижению высших закономерностей бытия – или окончательно разочароваться в их существовании.

Болезнь как «событие» человеческой жизни – наиболее ощутима, практически абсолютна в своей пограничности, разделяет существование на «до» и «после»; это событие наиболее нуждается в установлении как причинных («почему?», «за что?»), так и следственных мотивировок («что делать?»). Гипотетические (а то и реальные) страдания и смерть, которые болезнь несёт с собой человеку, до предела обостряют психологическую напряжённость этих вопросов – именно поэтому, возможно, развёртывание концептов здоровья и болезни оказывается столь значимым для оформления художественно-философской системы карамзинского творчества, ориентированного именно на антропологический, психологический аспект.

Мотив поиска причин болезни с энциклопедической полнотой раскрывается в «Письмах русского путешественника», причём Карамзин контрапунктно сводит друг с другом самые разные его трактовки, разворачивая практически полную парадигму возможных оценок. Каждая из них последовательно предлагается читателю, раскрывает свои возможности, причём предсказать заранее, каким будет итог подобного объяснения, практически невозможно (забегая вперёд, заметим, что эта эклектически-диалогическая природа карамзинского повествования становится доказательством бесплодности любого слишком однозначного детерминизма). Ярким примером в данном случае может быть объяснение болезни её «физическими» причинами, которое получает в «Письмах...» диаметрально противоположные оценки – от откровенной иронии до вполне серьёзного стремления ге-

роя-повествователя объяснять таким образом весьма серьёзные жизненные проблемы.

Ироничный взгляд на физический детерминизм в трактовке болезни заставляет путешественника решиться на смелый эксперимент, поставленный непосредственно над самим собой – он оказывается непобедим для простуды, промокнув от дождя и продрогнув от ветра во Франкфурте, причём утрированно «патриотическая» риторика, не слишком уместная в рассказе о столь бытовой ситуации, лишь усиливает иронический оттенок описания: *«Ненастье продолжается. Сижу в своей горнице, под растворённым окном; и хотя косой дождь мочит меня и разливает дрожь по моей внутренности, однакожь каменная Русская грудь не боится простуды, и питомец железного севера смеется над слабым усилием Маинских бурь...»* («<39> Франкфурт, 29 Июля») [6, с. 84].

Ироническое отношение у рассказчика вызывает и желание объяснять непосредственно физическими причинами различные нравственные несовершенства – причём конечной мишенью иронической оценки в данном случае, по-видимому, оказывается картезианская идея непосредственной зависимости душевных движений и состояний от телесных, физических причин¹. Такова подробно воспроизведённая на «франкфуртских» страницах книги концепция некоего «Доктора Медицины», уверенного, что «всё зло в мире происходит от того, что люди

не берегут своего желудка» [5, с. 84]. Путешественник подробно воспроизводит монолог этого врачевателя, становящийся злой сатирой на подобную механистическую концепцию: *«От чего Моралисты так мало исправляли людей? ... вместо всех словесных убеждений, надлежало бы им дать несколько приёмов очистительного»* [5, с. 84]. Усиливающаяся патетичность интонации не спасает; чем более риторичен и философичен монолог уверенного в своей правоте оратора, тем с большей вероятностью читатель ожидает парадоксального «падения» в конце: *«Беспорядок душевный бывает всегда следствием телесного беспорядка. Когда в машине нашей находится всё в совершенном равновесии; когда все сосуды действуют и отделяют исправно разные жидкости ... когда всякая часть отправляет ту должность, которую поручила ей Натура: тогда и душа бывает здорова; тогда человек рассуждает и действует хорошо; тогда бывает он мудр и добродетелен, и весел и щастлив»* [5, с. 84-85]; *«от чего в золотом веке были люди и добры и щастливы? Конечно от того, что они, питаясь только растениями и молоком, никогда не обременяли и не засоряли своего желудка»* [5, с. 85]. И ожидаемое вскоре происходит: вслед за всеми возвышенными философскими рассуждениями о природе человека и о «золотом веке» Доктор Медицины предлагает возвращать преступников на путь истинный – при помощи клизм. Рациональная логика не спасает от совершенно иррационального «скачка» – возможно, как раз потому, что в суждениях о мире нет и не может быть никакой единственной, везде и

¹ «...Всякое соединение какого-нибудь телесного действия с любой нашей мыслью требует, чтобы и в дальнейшем с проявлением одного проявлялось и другая...» (Р. Декарт «О душе») [3, с. 660].

всегда проявляющейся закономерности.

Важность данной проблемы для Карамзина в период работы над «Письмами ...» связана с общим интересом молодого писателя к вопросу о связи души и тела¹, о возможностях со стороны увидеть, понять и почувствовать внутреннее состояние человека, познать его «природу». И пусть слишком прямолинейные и настойчивые попытки объяснить душевные состояния исходя из физических причин зачастую представляются герою-путешественнику несостоятельными, однако сам он, размышляя о моральных страданиях современников, в ряду других причин иной раз именует и сугубо физические – так, «вечный туман с моря», «вечный дым от угольев» и обилие мясной пищи представляются ему вполне убедительными причинами английского сплина и его горестных последствий: «Англичане не любят никакой зелени. *Рост-биф, биф стекс* есть их обыкновенная пища. От того густеет в них кровь; от того делаются они флегматиками, меланхоликами, несносными для самих себя, и не редко самоубийцами...» <курсив Карамзина. – Т.А.> («<134> Лондон») [5, с. 329].

Поиск причин болезни в карамзинском мире заходит в тупик именно потому, что сама категория причинности в том мире, в котором он живёт, утрачивает свою безусловность. Одним из примеров этого становится рассказанная в «Письмах...» история болезни некоего аббата Н* (первоначально напечатанная отдельно в виде

новеллы «Аббат» в «Московском журнале»). Как объяснить, почему учёный, остроумный, весёлый, бывший душой общества аббат «вдруг стал задумчив, печален, молчалив...» («<85> Февраля 2, 1790») [5, с. 185], удалился от света, подолгу мечтал. Молился, и однажды, после проведённой церковной службы, ушёл неведомо куда и исчез? Подробно пересказывая эту историю, рассказчик объясняет её ничего не проясняющей сентенцией – «в мире всё подвержено перемене» – ибо «причина, для чего Аббат возненавидел жизнь, по сие время неизвестна» [5, с. 187], и потому сама изменчивость, непредсказуемость бытия, его загадочность и есть единственная истинная причина там, где человек теряет возможность напрямую говорить о причинно-следственных связях.

Не менее загадочна и необъяснима собственная болезнь героя-рассказчика – жестокая головная боль, сразившая его в Женеве, от которой, разумеется, не могут помочь никакие доктора, ибо не понимают её истинной причины. Парадоксом здесь оказывается то, что она раскрывается герою именно когда он окончательно уверится в мысли об абсолютной невозможности её найти: болезнь послана Натурой, а впоследствии и милосердно удалена ею: «*Наконец благодетельная Натура сжалилась над бедным страдальцем, и сняла с головы моей свинцовую тягость. Вчера я в первый раз вздохнул свободно, в первый раз, вышедши на чистый воздух, поднял на небо глаза свои...*» («<79> Женева, 26 Ноября 1789») [5, с. 167]. Физический детерминизм самоуверенного рационалистического сознания заставляет искать единственную причину там, где на самом деле действуют необъяс-

¹ Глубокий анализ его рассмотрения Карамзиным в связи с его интересом к «Физиогномике» И.К. Лафатера представлен Ю.М. Лотманом [см.: 5, с. 464-498].

нимые рационально и неисчислимы метафизические законы, связи всего со всем в едином живом океане Натуры – не случайно, почувствовав выздоровление, герой приходит именно к этому переживанию вселенской гармонии, которая и становится для него самым убедительным критерием истинного здоровья – чувства абсолютного слияния всего со всем, гармонии душевных и физических сил, внешнего и внутреннего, человека, мира и всего океана бытия: *«Мне казалось, что вся Природа радовалась со мною – я плакал как младенец ... в сию минуту исчезло разделяющее нас пространство – я обнимал вас вместе с Натурою, вместе со всею вселенною!..»* [5, с. 167].

В размышлениях о здоровье и болезни карамзинский человек приходит к разочарованию в просветительской убеждённости, будто всё в мире подвластно разуму и «машину» человеческого существа можно правильно настроить и таким образом достичь

жизненного благополучия. Однако даже определить его – сложная задача, неразрешимая в простых и однозначных категориях, и загадка болезни, ужасной и вместе преобразующей и потому парадоксально благодетельной для человеческого существа, появляющейся неведомо откуда и столь же необъяснимо удаляющейся – до нового появления и, наконец, фатального исхода, – эта загадка становится в системе смыслов русского сентиментализма лишь одним из многочисленных предвестников той картины мира, что впоследствии будет окончательно реализована романтиками. Так концепты здоровья и болезни, неразрывно связанные между собой, в художественном мире Карамзина становятся одной из форм выражения не только антропологических, но и гносеологических, и онтологических идей, связанных с общим движением русской литературы той поры к становлению индивидуально-творческого художественного сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимов Т.И. Смысл жизни дворянина в екатерининской «Сказке о царевиче Февее» и державинской оде «Решемыслу» // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. № 4 (30). С. 257-263.
2. Акимов Т.И. Роль и место галантного дискурса в письмах Екатерины II 1762-1774 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2012. № 4. С. 15-21.
3. Декарт Р. Избранные произведения / ред., вступ. ст. В.В. Соколова. М.: Политиздат, 1950. 712 с.
4. Иваньшина Е.А. На пересечении границ: врач в русской литературе // Характерологические стратегии в русской литературе: коллективная монография / науч. ред. А.А. Фаустов. Воронеж: Научная книга, 2013. С. 341-349.
5. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника / изд. подгот. Ю.М. Лотман, Н.А. Марченко, Б.А. Успенский. Л.: Наука, 1987. 718 с.
6. Карамзин Н.М. Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 14: Стихотворения и стихотворные переводы. Проза 1780 – начала 1790-х годов. М.: Тера – Книжный клуб, 2005. 432 с.
7. Симян Т.С. Мотив болезни и врачевания в литературе Средневековья и Возрождения [Электронный ресурс] // Дживелеговские чтения. Вып. А. Ч. II. URL: <http://svr-lit.ru/svr-lit/articles/simyan-motiv-bolezni-i-vrachevaniya.htm> (дата обращения: 10.09.2017).

REFERENCES

1. Akimova T.I. [The meaning of life of a nobleman in Catherine's "Fairy tale about tsarevitch Fevey" and Derzhavin's ode "Reshemyslu"]. In: *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], 2010, no. 4(30), pp. 257–263.
2. Akimova T.I. [The role and place of courteous discourse in the letters of Catherine II 1762–1774]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika* [Bulletin of Russian Peoples' Friendship University. Series Studies in Literature. Journalism], 2012, no. 4, pp. 15–21.
3. Dekart R. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow, Politizdat Publ., 1950. 712 p.
4. Ivan'shina E.A. [At the border crossing: a doctor in the Russian literature]. In: *Kharakterologicheskie strategii v russkoi literature: kollektivnaya monografiya* [Characterological strategy in the Russian literature: the collective monograph]. Voronezh, Nauchnaya kniga Publ., 2013, pp. 341–349.
5. Karamzin N.M. *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Letters of a Russian traveler]. Leningrad, Nauka Publ., 1987. 718 p.
6. Karamzin N.M. *Polnoe sobranie sochinenij: v 18 t. T. 14: Stihotvorenija i stihotvornye perevody. Proza 1780 – nachala 1790-h godov* [Complete works: in 18 volumes. Vol. 14: verses and verse translations. Prose 1780 – early 1790s]. Moscow, Tera Book club, 2005. 432 p.
7. Simyan T.S. [The motif of illness and healing in literature of the middle Ages and Renaissance]. In: *Dzhivelegovskie chteniya. Vyp. A. Ch. II* [Dzhivelegov reading. Iss. A. Vol. II]. Available at: <http://svr-lit.ru/svr-lit/articles/simyan-motiv-bolezni-i-vrachevaniya.htm> (accessed: 10.09.2017)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алпатова Татьяна Александровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета;
e-mail: alpatova2005@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatiana Alpatova – Doctor in Philological Sciences, associate professor, professor at the Department of Russian Classic Literature, Moscow Region State University;
e-mail: alpatova2005@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Алпатова Т.А. Здоровье и болезнь в художественной системе Н.М. Карамзина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 5. С. 86-95
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-86-95

FOR CITATION

Alpatova T.A. Health and disease in the artistic system of N. Karamzin. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2017, no. 5, pp. 86-95
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-86-95

УДК 821.112.2

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-96-103

ПИКАРЕСКИЕ МОТИВЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ «РАССЕРЖЕННЫХ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ»

Бурсина М.В.*Московский государственный областной университет
105005, Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются пикареские мотивы в произведениях английского литературного течения «рассерженные молодые люди» (Angry Young Men). Специфика функционирования художественных приёмов классической пикарески анализируется автором на примере романов Кингсли Эмиса «Счастливчик Джим» и «Начало пути» Алана Силлитое. Особое внимание уделяется сопоставлению классического героя плута с его современной модификацией, выявлению путей репрезентации традиционных пикарескных мотивов – пути/дороги, богатства/нищеты, выгодной женитьбы, а также сравнению композиционного построения сюжетов. Подобный анализ позволяет автору сделать выводы о том, что в литературе «рассерженных молодых людей» пикареские мотивы обрели новое звучание в основном благодаря синтезу «романа-дороги» и «романа-карьеры». Несмотря на то что произведения «рассерженных» имели скорее развлекательный, нежели философский уклон, в них затрагивается ряд серьёзных проблем молодого поколения британцев 1950–60-х гг.

Ключевые слова: послевоенная литература Великобритании, «рассерженные молодые люди», плутовской роман, пикареска, антигерой, плут, мотивная структура, пикареские мотивы.

A PICAESQUE MOTIVE IN THE “ANGRY YOUNG MEN’S” LITERATURE

M. Bursina*Moscow Region State University
10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The article considers a picaresque motive in the Angry Young Men's literature on the basis of novels “Lucky Jim” by Kingsley Amis and “A start in life” by Alan Sillitoe. Particular attention is paid to comparing the typical features of the picaresque character with his modern modification, and to the ways of representation of traditional picaresque plots: ways/roads, wealth/poverty, profitable marriage. Such analysis allows the author to come to the conclusion that picaresque motive in the Angry young men's literature acquired a new sound mainly due to the synthesis of “road novel” and “career novel”. A lot of Angry young men's novels had an entertaining base, but it revealed the main problems of the young British generation at 1950–60s.

Key words: English literature 1950–60s, angry young men, picaresque novel, picaresque, anti-hero, rogue, motive structure, picaresque motive.

В 1950–60-е годы в Великобритании в русле общекультурного движения *kitchen sink realism*, распространившегося в сфере живописи, кинематографа и театра, писатели, вопреки европейскому пути литературных экспериментов, все чаще стали обращаться к романным формам, распространенным в XVIII–XIX вв.

Тематика произведений, написанных в эпоху расцвета английского реализма, не утратила новизны и в XX столетии. Интерес к осмыслению жизни социума в целом и отдельного индивида в частности пробудился в пору обострения социальных и политических проблем в послевоенной Великобритании. В эти годы зарождаются университетский и рабочий романы, которые позже оформятся в самостоятельные поджанры со своими специфическими чертами. При этом университетский и рабочий романы вписываются и в круг произведений «рассерженных молодых людей» (*Angry Young Men*) – одного из самых ярких английских литературных течений 1950–60-х гг. Следует отметить, что Д. Осборн, К. Эмис, Д. Брэйн, Д. Уэйн, А. Силлитоу, А. Уэскер и другие авторы, которых критики относили к числу «рассерженных», свою принадлежность к течению отрицали. Тем не менее, в их произведениях просматриваются родственные черты: прежде всего, они объединены новым типом антигероя, а также имеют схожее построение сюжетов и остросоциальную направленность.

Говоря о новом типе героя, следует назвать самого известного из молодых персонажей «рассерженных» – Джими Портера из пьесы Джона Осборна «Оглянись во гневе» (*Look Back in An-*

ger, 1956). 8 мая 1956 г. со сцены лондонского *Royal Court Theatre* из уст осборновского бунтаря до зрителей донёлся протест, направленный не только против истеблишмента, но и против общества в целом. Пьеса быстро обрела статус культовой, а образ главного героя стал востребованным как в театре, так и в кинематографе и литературе.

Исследователь Уолтер Аллен отмечает, что в рамках литературы «рассерженных» герой, имеющий с Джимми Портером общие черты, впервые появился на страницах романа Джона Уэйна «Спешите вниз» (*Hurry On Down*, 1953), а затем читатель встретился с ним и в «Счастливишке Джиме» Кингсли Эмиса (*Lucky Jim*, 1954) [1, с. 206]. Позже похожий антигерой начал функционировать в различных произведениях того времени, трансформируясь в зависимости от формы романа, в которой работал тот или иной автор: если в университетском романе чаще фигурировал молодой представитель среднего класса, получивший высшее образование и ищущий возможность реализовать себя, то в рабочем романе герой происходил из «фабричной» среды и его основной задачей становилось получение более значимого социального статуса.

По своей сути большинство произведений университетского и рабочего романа являются своеобразной модификацией классического пикарескного романа: помимо линейного сюжета и фабулы, основанной на хронологической автобиографии, замечен и схожий набор повторяющихся мотивов, с помощью которых строится сюжет (мотив «пути наверх»/ богатства/ успеха, мотив «пути вниз»/ нищеты/ неуда-

чи, мотив женитьбы по расчёту, мотив противостояния/ бунта, мотив отчуждения, мотив обезличивания, мотив одиночества).

Со временем некоторые черты плутовского романа претерпели изменения: в традиционной пикареске повествование сосредоточено на герое-актанте, но уже в XX в. один из условных жанровых канонов пикарески нарушается, и образ автора-повествователя становится главенствующим. Такова повествовательная стратегия в романах К. Эмиса «Счастливчик Джим» и Д. Уэйна «Спеши вниз». В других произведениях «рассерженных» обнаруживается следование классической традиции: примером могут служить романы Д. Брейна «Путь наверх» (*Room At the Top*, 1957) и А. Силлитоу «Начало пути» (*A Start In Life*, 1970). Ещё одно отличие большинства романов «рассерженных» от традиционной пикарески заключается в том, что поучительное, нравственно-философское начало уступает место развлекательным элементам.

В английской литературе, в особенности в произведениях писателей XVIII–XIX вв., пикарескные сюжеты – явление довольно распространённое. Вслед за испанскими романистами XVI–XVII вв., в своих произведениях их активно использовали такие английские прозаики, как Д. Дефо, Г. Филдинг, Т. Смоллетт, Ч. Диккенс, У. Теккерея и др. Традицию продолжили и писатели послевоенного периода. Вначале интерес к «национальному» пикарескному роману проявили английские критики, которые изучали плутовские элементы в произведениях Филдинга и Диккенса, а затем жанр пикарески возродился в художественной литера-

туре [9, p. 1]. В частности, исследователь Р. Хьюсон отметил пикарескные мотивы в целом ряде произведений «рассерженных молодых людей»: в романах «Счастливчик Джим» К. Эмиса, «Спеши вниз» Дж. Уэйна, «Под сетью» А. Мердок (*Under The Net*, 1954). Он назвал их «пикарескными приключениями молодого человека» (*“picaresque adventures of a young man”*) [10, p. 4], а критики В. Притчетт и Р. Рабинович напрямую связали роман Эмиса с пикареской.

Главным же сходством произведений «рассерженных» с пикареской является центральный образ произведений – это плут, антигерой, описывающий окружающую действительность в сатирическом ключе. Он циничен, но не лишён сострадания, однако его мысли целиком и полностью заняты поиском лучшей жизни.

Для пикарескного романа характерны два типа героев: это или выходец из народа, или благородный герой, лишившийся своего богатства. В произведениях «рассерженных» также обнаруживаются два типа героев: один из них – выходец из рабочего класса, другой – представитель обнищавшей интеллигенции. О’Коннор отмечает, что молодые герои литературы 1950–60-х гг. «нездоровы, подозрительны и претенциозны», склонны к разного рода любовным приключениям, они проводят много времени в пабах, имеют множество проблем с арендодателями, начальством и семьей [13]. Исследователь подразделяет героев на два типа не только по происхождению, но и по моральному облику.

О схожести «рассерженного героя» с классическим пикаро говорит и тот факт, что герой-плут возник как анти-

под образа «рыцаря». В произведениях «рассерженных» молодой антигерой является антиподом викторианского героя-джентльмена. У героев «рассерженных» прослеживаются черты «честолюбивых джентльменов» (*aspiring gentlemen*), подсознательно пытающихся подражать манерам представителей высшего общества. Похожие мотивы движут и другими героями послевоенной британской прозы – в рабочем и в университетском романе молодые люди так или иначе озадачены приобретением высокого социального статуса.

Рассмотрим подробнее типичные художественные приёмы пикарескного романа, используемые К. Эмисом в «Счастливишке Джиме» (в качестве примера университетского романа) и А. Силлитоу в «Начале пути» (как пример рабочего романа).

В первом случае сюжет романа разворачивается на фоне размеренной жизни в университетском городке. Выбор замкнутого хронотопа, не типичный для пикарескного романа, для «университетского романа» как раз характерен: сужая масштаб пространства от мира/ государства до университетского городка, авторы преследуют цель показать людские характеры с максимальным «приближением» к реальности, в мельчайших деталях. Подобный выбор может быть обусловлен пристальным вниманием авторов XIX–XX вв. к окружающей героев микросреде, с которой они так или иначе взаимодействуют [2]. Похожее мнение высказывает и один из главных теоретиков «университетского романа» Д. Лодж, связывающий микросреду университетского городка с отдельным миром: «World – is a global cam-

pus» и называющий университетскую среду идеальным полигоном для изучения явления меритократии, «власти достойных» [12].

Во втором случае действие романа начинается в рабочем районе Ноттингема. В «Начале пути» Силлитоу отходит от «рабочей» тематики и обращается к истории походов современного «пикаро», Майкла Каллена, – рабочего по происхождению и авантюриста по призванию. В соответствии с классической пикарескной традицией, в сюжете романа чётко выдержано биографическое композиционное единство цепочки событий, «нанизывающихся» друг на друга: *детство/ юность – становление личности – настоящий момент*. Детство красочно изображает жизнь обычной рабочей семьи, но Майкл Каллен не согласен повторить путь родителей и сверстников. В итоге ему суждено пройти длинный путь от начинающего сотрудника агентства недвижимости до удачливого контрабандиста. В этом герою помогает урок, данный отцом ещё в детстве: «В другой раз не попадайся, слышишь? Никогда не попадайся» [4]. Кстати, в сюжете используется стандартный ход, основанный на узнавании/ неузнавании: ближе к концу повествования читатель узнаёт, что настоящим отцом Каллена оказывается богемный писатель-неудачник. Возможно, именно таким образом Силлитоу пытается оправдать честолюбивые помыслы главного героя. Между тем, в Каллене превалируют качества, созданные рабочей средой: он ловок, сообразителен, порою груб и косноязычен. О'Коннор, описывая два типа героев в послевоенной прозе, характеризовал второй тип героя как сильного, атле-

тичного, прямолинейного и сурового героя, олицетворяющего «животное» начало [13]. Подобное описание подходит и для Майкла Каллена, закалённого постоянными экстремальными ситуациями, в которых ему помогает не только сноровка, но и «неведомая» сила: «Но я знал: нет у меня надежды поступить, как велит чутьё, а значит, мной завладела какая-то сила, ещё сильнее моего инстинкта» [4]. Сюжет «Начала пути» выдержан в традициях «романа-дороги»: на долю главного героя выпадает множество приключений, которые в итоге приводят его к желаемой цели; повествование ведётся от первого лица. Несмотря на то что в конце романа все злоключения Каллена заканчиваются благополучно (он обретает дом, семью, размеренную жизнь), герой признаётся, что скучает по прошлым авантюрам, тем самым заявляя своё право на продолжение «пути».

В «Счастливчике Джиме», как и во многих других произведениях «рассерженных», стандартный мотив «дороги/путешествия» часто трансформируется в «путь по социальной лестнице», но героя не покидает свойственный классическим пикаро авантюризм и лёгкое отношение к жизни. Путь Джима определяют попытки получить место штатного преподавателя истории в ненавистном ему университете. Для этого ему приходится соприкасаться с «препятствиями» в виде чуждой ему семейной среды профессора Уэлча, образца неповоротливости, чопорности, снобизма. Мотив «пути наверх» тесно связан с мотивом «удачной женитьбы» – именно он и реализуется в финале романа. Отношения с красивой и обеспеченной Кристиной, казавшиеся

Джиму чем-то недостижимым, стали возможны благодаря цепочке странных и нелепых ситуаций, из которых Джим неизменно выходил победителем.

В обоих рассматриваемых нами романах присутствуют персонажи-покровители, благодаря которым судьба героя в итоге складывается благополучно. В «Счастливчике Джиме» таким героем стал богатый дядюшка возлюбленной Диксона – Гор-Экварт, а в «Начале пути» – случайный попутчик Каллена, предприимчивый авантюрист Уильям.

Герои «рассерженных» унаследовали от плута-авантюриста не так уж много характерных черт. Это стремление к высокому социальному статусу, изворотливость ума, а также солидная доля везения, позволяющая герою с лёгкостью выходить из нелепых ситуаций в роли победителя.

В «Счастливчике Джиме» Эмис наделяет Диксона и качествами шута: «Он сделал над собой небольшое усилие, и его лицо приняло заботливое выражение. В то же время Диксон мысленно представил совсем другую гримасу и дал себе обещание отрепетировать её, едва останется один. Он подожмёт нижнюю губу под верхние зубы, максимально втянет подбородок, выпучит глаза и раздует ноздри. От этого, конечно, лицо его густо покраснеет» [5]. «Шутовство» в романе играет важную роль, Джим «гримасничает» практически в каждой сцене: «Диксон открыл глаза и соорудил гримасу стороной лица, которая была обращена к окну» [5]. Герой проявляет недовольство весьма своеобразно – свои протестные настроения он выражает не в обличительных речах на публику, а в постоянном внутрен-

нем монологе. Причём «корчит рожи» Диксон либо мысленно, либо в тех случаях, когда другие персонажи этого не видят.

Майкл Каллен из «Начала пути» также наделён «актёрскими» чертами: он постоянно меняет профессии, мгновенно перевоплощаясь из шофёра в контрабандиста и т. д. В одном из своих амплуа Каллен предстает перед читателем в роли помощника писателя, т. е. своего отца, но от скуки вместо того, чтобы перепечатать оригинал рукописи, он включает в чистовик целый отрывок из «Приключений Родерика Рэндома» (знаменитый пикарескный роман Т. Смоллетта). Каллен наделён множеством талантов, он играет с образами, но никак не может определиться, какой именно ему ближе. Вердикт Каллену выносит Уильям, благодаря которому Майкл смог вписаться в рамки среднего класса: «Просто ты сейчас такую роль разыгрываешь, – сказал Уильям. – И неплохо играешь, как и

все свои роли. К этой ты привязался надолго, да ведь не навек же» [4]. Подобная «неопределённость» присуща многим героям «рассерженных». Если в классических пикарескных романах центральный персонаж нередко предстает плутом, пытавшимся услужить сразу нескольким господам, то в литературе «рассерженных молодых людей» близкий ему по духу герой пытается преодолеть сопротивление среды и изменить свой социальный статус.

Романы «Счастливчик Джим» и «Начало пути» демонстрируют, что в литературе «рассерженных молодых людей» пикарескные мотивы обрели новое звучание в основном благодаря синтезу «романа-дороги» и «романа-карьеры». При отсутствии масштабной философской проблематики и тяготении к увлекательным приключенческим коллизиям романы «рассерженных» поднимали серьёзные вопросы, касающиеся судьбы поколения молодых британцев 1950–60-х гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аллен У. Традиция и мечта. М.: Прогресс, 1970. 434 с.
2. Анцыферова О. Университетский роман: жизнь и законы жанра // Вопросы литературы. 2008. № 4. С. 264–295.
3. Пинский Л.Е. Магистральный сюжет: Вийон Ф., Шекспир, Грасиан Б., Скотт В. М.: Советский писатель, 1989. 412 с.
4. Силлитоу А. Начало пути / пер. с англ. Р. Облонской. М.: Иностранная литература 1973. 382 с. [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/sillitou_alan/nachalo_puti.html (дата обращения: 26.09.2017)
5. Эмис К. Везунчик Джим: пер. с англ. М.: АСТ, 2011. 320 с. [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/emis_kingsli/vezunchik_dgim.html (дата обращения: 26.09.2017)
6. Adams J.E. Gentleman, Dandy, Priest: Manliness and Social Authority in Pater's Aestheticism // English Literary History. 1992. Vol. 59. № 2. P. 441–466.
7. Curran K. Cynicism in British Post-War Culture: Ignorance, Dust and Disease. London: Palgrave MacMillan, 2015. 222 p.
8. Eckert K. Adulthood, Power Games and Making Faces in Kingsley Amis's Lucky Jim // CEA Critic. 2017. Vol. 79. № 2, July. P. 177–194.
9. Garrido Ardila J.A. The Picaresque Novel in Western Literature: From the Sixteenth Century to the Neopicaresque. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 285 p.

10. Hewison R. In *Anger: British Culture in the Cold War, 1945–1960*. Madison: University of Wisconsin Press, 1981. 230 p.
11. Lambert C., Shaw M. *For better, for worse: marriage in Victorian novels by women*. New York: Routledge, 2017. 218 p.
12. Lodge D. Exiles in a Small World [Электронный ресурс] // The Guardian : [сайт] URL: <https://www.theguardian.com/books/2004/may/08/classics.vladimirnabokov> (дата обращения: 30.09.2017).
13. O'Connor W. Two types of "Heroes" in Post-War British Fiction [Электронный ресурс] // PMLA, 1962, vol. 77, No. 1, March, pp. 168–174. URL: <https://www.jstor.org/stable/460701> (дата обращения: 30.09.2017)
14. Parker A.A. *Literature and the Delinquent: the Picaresque Novel in Spain and Europe, 1599–1753*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1967. 195 p.
15. Valle Alcala, del R. *British Working-Class Fiction: Narratives of Refusal and the Struggle against Work*. London: Bloomsbury Academic, 2016. 192 p.

REFERENCES

1. Allen W. *Tradiciya i mehta* [Tradition and dream]. Moscow, Progress Publ., 1970. 434 p.
2. Antsyferova O. [University novel: the life and laws of the genre]. In: *Voprosy literatury* [Questions of literature], 2008, no. 4, pp. 264–295
3. Pinskii L.E. *Magistral'nyj syuzhet: Vijon F, SHekspir, Gracian B., Skott V* [Main story: F. Villon, Shakespeare, B. Gracian, W. Scott]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1989. 412 p.
4. Sillitoe A. *Nachalo puti* [A Start in Life]. Moscow, Foreign literature publ., 1973. 382 p. Available at: URL: https://royallib.com/read/sillitoe_alan/nachalo_puti.html (accessed: 26.09.2017)
5. Amis K.W. *Vezunchik Dzhim* [Lucky Jim]. Available at: URL: https://royallib.com/read/emis_kingsli/vezunchik_dgim.html (accessed: 26.09.2017)
6. Adams J.E. [Gentleman, Dandy, Priest: Manliness and Social Authority in Pater]. In: *English Literary History*, 1992, vol. 59, no. 2, pp. 441–466.
7. Curran K. *Cynicism in British Post-War Culture: Ignorance, Dust and Disease*. London, Palgrave MacMillan, 2015. 222 p
8. Eckert K. [Adulthood, Power Games and Making Faces in Kingsley Amis]. In: *CEA Critic*, 2017, vol. 79, no. 2 July, pp. 177–194.
9. Garrido Ardila J.A. *The Picaresque Novel in Western Literature: From the Sixteenth Century to the Neopicaresque*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 285 p.
10. Hewison R. In *Anger: British Culture in the Cold War, 1945–1960*. Madison: University of Wisconsin Press, 1981. 230 p.
11. Lambert C., Shaw M. *For better, For worse: marriage in Victorian novels by women*. New York: Routledge, 2017. 218 p.
12. Lodge D. [Exiles in a Small World]. In: *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/books/2004/may/08/classics.vladimirnabokov> (accessed: 30.09.2017).
13. O'Connor W. [Two types of "Heroes" in Post-War British Fiction]. In: *PMLA*, 1962, vol. 77, no. 1 March, pp. 168–174. Available at: URL: <https://www.jstor.org/stable/460701> (accessed: 30.09.2017)
14. Parker A.A. *Literature and the Delinquent: the Picaresque Novel in Spain and Europe, 1599–1753*. Edinburgh, Edinburgh University Press, 1967. 195 p.
15. Valle Alcala del R. *British Working-Class Fiction: Narratives of Refusal and the Struggle against Work*. London: Bloomsbury Academic, 2016. 192 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бурсина Мария Владимировна – аспирант кафедры истории зарубежных литератур Московского государственного областного университета;
e-mail: masha.sherwood@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maria Bursina – postgraduate student at the department of Foreign Literature History, Moscow Region State University;
e-mail: masha.sherwood@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Бурсина М.В. Пикаресские мотивы в произведениях «рассерженных молодых людей» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 5. С. 96-103
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-96-103

FOR CITATION

Bursina M.V. A picaresque motive in the “Angry Young Men’s” literature. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2017, no. 5, pp. 96-103
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-96-103

УДК 82-17-9

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-104-112

«СВЯТЫЙ, ПРЕМУДРЫЙ, ДИВНЫЙ ...». ЗНАЧЕНИЕ И МИССИЯ ТВОРЦА В ПОЭЗИИ Н.М. КАРАМЗИНА*

Иваницкий А.И.*Российский государственный гуманитарный университет
125993, Москва, Миусская площадь, д. 6, Российская Федерация*

Аннотация. В статье обосновывается идея о том, что Творец в поэзии Карамзина последовательно знаменует собою противопоставление сентименталистской правды «чувства» классицистической / просветительской правде «разума» / «истины», а затем их воссоединение на новой основе. Орудиями такого воссоединения становятся Природа (пантеистически воплощающая Творца) и Поэзия, в Природе открывающая людям Бога. Бегство же героя в мир Природы делает её бесприютной, а иной мир – недостоверным. Божественное единство природы и цивилизации доказывается «от противного».

Ключевые слова: Бог, природа, цивилизация, разум, чувство, поэзия, любовь, сентиментализм, просвещение.

“HOLY, WISE, WONDROUS...” THE MEANING AND THE MISSION OF GOD IN N. KARAMZIN’S POETRY

A. Ivanitskiy*Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russian Federation*

Abstract. The article presents the idea that the Creator in Karamzin’s poetry consistently marks the opposition of the sentimentalist classical truth of “feeling” / enlightening truth of the “reason” / “truth” and then their reunification on a new basis. The tools of such reunion are Nature (pantheistical embodying the Creator) and Poetry, that reveals God in Nature to people. The flight of the hero into the world of Nature makes her homeless, and the other world – unreliable. The divine unity of nature and civilization is proved “from the contrary”.

Key words: God, nature, civilization, mind, feeling, poetry, love, enlightenment, sentimentalism.

О значимости концепта «Бог» для Карамзина-поэта лучше всего свидетельствует «Песнь Божеству» 1793 г., ставшая откликом на «законодательное» отрицание Бога во французском якобинском Конвенте: «Блаженство, свет, душа вселенной, /... Кто – сердцем, чувством одаренный – / Тебя назвать мечтою мог?..» [6, с. 122].

© Иваницкий А.И., 2017.

*Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 15-04-00494 «Н.М. Карамзин: энциклопедический словарь». / The work was supported by grant RFBR № 15-04-00494 «N.M. Karamzin: encyclopedic dictionary».

С чисто человеческой точки зрения эти исповедальные строки комментария не требуют. Однако новое осмысление Бога явилось стержневым в эволюции русского сентиментализма, фактически завершённой в лирике Карамзина. «Песнь Божеству», с одной стороны, суммирует предшествующее осмысление поэтом значения Бога в сентименталистской картине мира, а с другой – программирует её итоговое воплощение в программных стихотворных манифестах Карамзина конца века.

Некоторые одиозные черты позднего екатерининского фаворитизма и революционный террор во Франции отчасти дискредитировали в русском дворянском, а отсюда и поэтическом сознании взаимосвязанные в Просвещении и просвещённом абсолютизме «разум» и «цивилизацию». В сентименталистской «мифологии» плодами цивилизации становятся бесчисленные соблазны и погоня за ними, объединяемые в понятии «суеты». У Карамзина это развёрнуто в «Послании Александру Алексеевичу Плещееву» (1794). «Суеты», плоды «прогресса», – это соблазны власти, сластолюбия тщеславия и богатства:

... Судьбы рекли: «Да будет свет / Жилищем призраков, сует ...»

... Одни шумящими рулями / Рассекли пену дальних вод;

Другие мощными руками / Отверзли в землю темный ход,

Чтоб взять пригоршни светлой пыли!.. [6, с. 142-143].

Соблазны породили соответствующие людские страсти. Ср. у М.Н. Муравьева:

... Ты слаб, ты страстью колеблем, / Самим собой обуреваем ...;

... О, пагубная сеть страстей не-оборимых! / Вы всех причиною несчастий, нами зримых ... [9, с. 122, 139].

В результате разум превращается в сентименталистской картине мира в слугу телесных страстей – науку изобретения соблазнов и удовлетворения их. Например, М.М. Херасков видит Просвещение порчей нравов «испорченными умами»:

... Познал я суету и лживу прелесть счастья,

... Отрава лютая и язва смертных рода, / Превратность естества,

Тобой взволнована приятная природа, / Ты ужас божества ...

... Преобразили нас испорченны умы ... [10, с. 107-109. Здесь и далее выделено нами. – А. И.).

А В.В. Капнист возводит эту «порчу умом» к библейскому грехопадению:

... мнимо просвещение, / Безверье, алчность барыша,

В стеснённых городах умов излишне тренье ...

Это плод, искусивший Еву и Адама:

Все хвалят просвещение; / Спроси их: «Что оно такое?»

... люди добрые! иль вы забыли древо, / Ощипанное Евой? [5, с. 292]

Разум оборачивается безумием, а движущей им эгоистической (телесной) страсти противопоставляется душевное «чувство», имеющее божественную природу. Ср. у Муравьева: «... Чувствие сердечно ... небесн[а] паче дщерь» [9, с. 83].

Негативным воплощением «разума» становится «свет» в последовательно порождающих друг другу значениях общества / города / цивилизации: «Простое сердце, чувство / Для света ничего» [6, с. 113]. Вследствие этого карамзинский герой

*...Бежит от скуки городской, /
Чтоб в сельском крове мирном*

*Питать в груди своей чувстви-
тельность, покой...* [6, с. 172]¹

Это и выдвигает в основу сентименталистской картины мира Творца как первоисточник чувства и прежде всего любви, которая и утверждается в поэзии конца века основой бытия в противовес классицистическому разуму: «...*Всем любиться в свете должно...*» («Выбор жениха», 1795) [6, с. 181-182]. Одна любовь способна расширить пространство погружённых в неё до размеров мира в целом как локуса нового «золотого века»: «... *Я целый свет забыл, / ... Природы совершенство, / Друзей, себя, творца в тебе одной любил...*» («К Неверной», 1796), [6, с. 207]. При этом «приватный» золотой век влюблённых вовсе не нуждается во всеобщем:

*... Пусть бог вселенную в пустыню
превратит;*

Пусть будем в ней мы только двое!

Любовь её для нас украсит, оживит ... («К верной», 1796), [6, с. 211]².

Чувство вообще, и любовь как его фундамент, безусловно, замыкается для сентиментализма на Творце, предстающем у Карамзина как «*Отец чувствительных сердец*» [6, с. 121]. Фундаментальное для сентиментализма христианское значение «любви»

звучит в резюме упомянутой «Песни Божеству»: «*Исчезнет тьма в умах, и злые / Твою почувствуют любовь*» [6, с. 122].

С другой стороны, однако, чувство для сентиментализма и юного Карамзина неотделимо от сочувствия ближнему и ближним. Соответствующее признание карамзинского лирического героя в переложении «Всеобщей молитвы» Г. Поупа (1789): «...*в горе с ближним сострадаю...*» [6, с. 360] – также роднит человека с «*Твор[цом] премудры[м], милосерды[м]...*» [6, с. 67]. Эту мысль о чувстве как сострадании доводит до логического завершения Капнист: «...*Кручина обо всех – чувствительности дар*» [5, с. 272].

Поэтому свобода для героя поэзии конца века неотделима от добровольно принятых обязательств перед людьми и обществом в целом:

*Для пользы общия всегда служить
готов...*

*И, чтоб свободным быть, приемлет
легки узы...* [9, с. 114–116].

*Чувствительность! люблю я быть
рабом твоим;*

*Люблю предпочитать зависимость
свободе,*

*Когда зависимость есть действие
твоё,*

*Свобода ж действие холодности
беспечной!..* [6, с. 246].

Сочувствие другому неотделимо для Карамзина от снисхождения, в котором человек опять-таки подражает Творцу:

*Не только для благих, будь добр и
для коварных,*

*Подобно как творец на всех дары
лиет...* [6, с. 204].

При этом гражданские устремления героя Карамзина, который «... *Любил*

¹ Подробно о взаимосвязи философского и художественного самоопределения русского сентиментализма см. монографию Н.Д. Кочетковой [7].

² Н.А. Львов видит любовь (в лице Душеньки – героини поэмы И.Ф. Богдановича) способной даже ад сделать раем:

*... если б ... героиня твоя ..., / к Вельзевулу
показалась / Во всей красе своей –*

*Вся стая адская смиренно бы пред ней / По-
мостом подостлалась...* [8, I, с. 65-66].

с горячностью людей, / ... Надеждой сладкой веселился / Небеснополезно жить для них ...», – состоят в том, чтобы «чувствительные души... Пленить ... истиной святою, / ... Орудием небесным быть...» («Послание к Дмитриеву», 1794) [6, с. 136]. «Чувствительность» оказывается условием постижения «истины», которая имеет общий с ней Божественный источник. Это обусловило фундаментальную цель карамзинского поэтико-философского дискурса: не противопоставление чувства разуму, а поиск их высшей, то есть фундаментальной, Божественной гармонии в каждом из людей – кто «... мудрым в чувствах подражал, / Сократа сердцем обожал...», – и в человечестве в целом, как это утверждено в «Песни мира» (1791), вольно перелагающей «Оду к радости» Ф. Шиллера: «Чувством, мыслию клянитесь: / ... вечно в мире жить!» [6, с. 108]

Эту гармонию Карамзин находит в поэтическом идеале, который русская лирика конца века продолжала видеть в классицистической гармонии разума и чувства. В наиболее концентрированной форме соответствующие заповеди поэту звучат у М.Н. Муравьева:

... Любимец чистых муз всё вымыслить свободен,

Однако вымысл сей быть должен с правдой сходен,

И в своенравиях мгновенных мечты / Явите истины великия черты.

... С восторгом ощущай, но мысли беспристрастно;

Что явственно поймёшь, то выразится ясно ... [9, с. 131–132].

Однако судьба и миссия поэзии в трагической современности отражает для Карамзина разрыв чувства и разума. Последний превратился в

коллективное безумие войны (европейской монархической коалиции с революционной Францией), когда человек: «...кровь себе подобных льёт; / Безумства мраком ослеплённый...» («Весеннее чувство», 1793) [6, с. 116]. Этот разрыв «обезумевшего разума» с чувством Карамзин символически соотносит с библейским грехопадением первых людей (то есть приобщением к inferнальному, «ложному», безумному разуму), их отпадением от Бога и изгнанием из рая, где именно поэзия составляла блаженство их бытия:

...Когда ты, человек, в невинности сердечной,

Как роза цвёл в раю, Поэзия тебе

Утешою была. Ты пел своё блаженство,

Ты пел творца его. Сам бог тебе внимал... [6, с. 58].

С грехопадением поэзия остаётся единственным связующим звеном между людьми и утраченной ими небесной отчизной:

...Ты пал, о человек!.. / Но дочь небес ещё сияла лепотой...

...Бывало иногда, что ангел ниспущался / ...и смертных наставлял

В Поэзии святой, небесною рукою / Настроив лиры им... [6, с. 58–59]

Если Бог являет себя и открывается людьми в Поэзии, то та, в свою очередь, становится, по сути, единственной формой богопостижения и богооткровения:

...Кто сердцем всем ещё привязан к плоти, к миру,

Того язык немей... / но вы, святые мужи,

В которых уже глас земных страстей умолк,

В которых мрака нет! вы ... / ... можете одни [...]

Во глубине сердец, хвалить ...поэта
[6, с. 63].

Именно поэт обращается к Богу от имени падших людей:

...Так царственный поэт, / Родившись пастухом...

Играл хвалы творцу и песню своей / Народы восхищал... [6, с. 58-59]

– и прямым (хотя и временным) прижизненным вознесением на небеса обретает голос пророка небесной воли для людей:

...певец избранный ... / Вознёс ... и ... на небесах...

Был тайнам научен... / Как бог стал человек. Потом воспел он нам

Начало и конец Мессииных страданий... [6, с. ы62]

Сам карамзинский лирический герой видит свой посмертный путь возвратом не просто в рай, но в рай поэтический, где созерцание Творца позволит ему окончательно осуществить свою миссию поэта:

Когда ж... засну и снова пробужусь, – / Тогда, в восторгах погружаясь,

Я буду гимны петь творцу, / Узрев там всё лицом к лицу!.. [6, с. 63]

И в той же поэзии Карамзин-лирик видит восстановление разорванной связи между небом и людьми. Ключом прижизненного поэтического обретения ими Бога становится Природа – просветительский идеал поэтической гармонии разума и чувства как для самого Карамзина: «...Здесь вид богатая Природы / Есть образ... / ...милой сердцу простоты» [6, с. 94], – так и для поэтов его круга. Соответствующие заповеди адресует поэтам Муравьев: «Бегите ложного искусства и ума: / Природа красоты исполнена сама...» [9, с. 131-132]. Также следует им И.И. Дмитриев: «Разнообразности природы там

дивлюсь / И сколки слабые с неё снимать учусь...» [2, с. 122-123].

Программным карамзинским манифестом постижения людьми Бога через Природу с помощью Поэзии (а отсюда – снятия основных сентименталистских оппозиций разума и чувства, природы и цивилизации) стал стихотворный трактат «Дарования» (1796), отразивший энтузиазм поэта в начале павловского правления. Логическими «подходами» к нему стали философская элегия «Поэзия» (1787) и переложение «Гимна» Дж. Томсона, взятого из его поэмы «Сезоны» (1789).

В переложении «Гимна» в русле пантеистической концепции сентиментализма Бог воплощает свои различные ипостаси и смыслы в переменах природы – прежде всего сезонных:

Четыре времена, в временах ежегодных,

Ничто иное суть, как в разных видах бог.

...Приятною весной / Повсюду красота твоя, господь, сияет,

И нежность, и любовь твоя везде видна.

...Зимою страшен ты! Там бури, облака

Свивая вокруг себя, гоняя вьюгу вьюгой... [6, с. 70]

Такое понимание ипостасей Бога через перемены Природы развивается в послании «На разлуку с П<етровым>» (1791):

...Нередко огонь блистал, гремел над нами гром...

...Но мы сердечно ликовали / И улыбались пред отцом,

Который простирал к нам с неба длань благую...

На крыльях молнии к нему летел наш дух!.. [6, с. 105]

В «Поэзии» Карамзин отталкивается от той же мысли: человек познаёт Бога в красоте Природы: «...Узрев собор красот... / ...почувствовал и бога...». А поэзия служит орудием выражения человеком своего восторга перед Творцом – узанным им в Природе:

...Причину бытия – столь живо ощутил

...Что сердце у него в гимн нежный излилось,

Стремясь лететь к отцу... [6, с. 58]

В этом голос поэта сливается с поэтическим гимном самой природы: «На ветвях птички воспевают / Хвалу всещедрому творцу; / Любовь их песни соглашает...» [6, с. 66] Однако Поэзия как таковая выступает исключительным орудием выражения явленной в Природе божественной гармонии разума и чувства. Орфей выступает идеальным поэтическим пророком такого божественного синтеза природы и цивилизации (закона):

...Он пел им красоту Натуры, мирозданья;

...пел... тот закон, который в естестве / Разумным оком зрим... [6, с. 60]

Эта гармония опять-таки замыкается поэтом на Боге, которого он открывает и видит в ней:

Мудрец, Натуру знав... / И слыша глас [творца] и в громах и в зефирах,

В лесах и на водах, на арфе подражал Аккордам божества, и глас сего поэта / Всегда был божий глас! [6, с. 59-60]

В «Дарованиях» Поэзия выступает уже не орудием выражения чувства Бога в Природе, но источником обретения этого чувства. Это развивается в новую сентименталистскую этиологию мира. Бог сотворил земную Природу раем:

...свод небес... / Шатром раскинул над землею,

...Усеял шар земной цветами, / Древа плодами озлатил;

Дал... / яркий голос соловью...

[6, с. 224]

– и воплотил себя в ней. Поэтому «Сей мир, обильный чудесами, / Как сад, усеянный цветами» – «Зерцало мудрого творца» [6, с. 214].

Однако люди, будучи дикими, не могли увидеть в природе Бога – автор «Дарований» видит их – «во тьме живущих, / Как злак бесчувственно растущих...». Поэтому

...Среди красот их око дремлет, / Природа вся для них пуста.

Их слух гармонии не внемлет...

[6, с. 214].

Поэзия посылается людям свыше (при этом библейскому Богу оказывается соподчинён языческий Феб!), чтобы в красоте Природы те почувствовали и познали Творца:

...явился Феб прекрасный /...С лучом небесных дарований...

И силой их очарований / В них искры чувства вспыхнули!.. [6, с. 215]

Благодаря этому Природа «...Пред ним (человеком) в изящности явилась / В тайнейших связях обнажилась...» [6, с. 215]¹. Понимание красоты природных смен: «Рассудок, чувством пробуждённый, / Открыл порядок неизменный / В различных года временах...» [6, с. 215-216] – открыло человеку гармонию её противоположных состояний:

¹ При этом поэтическое отражение Бога в Природе делает самого человека отчасти творцом. Природа говорит ему: «„Мои богатства пред тобою, / Хвали творца – будь сам творец!“ [...] „Чей взор, Природу обнимая, / Открыть творца в твореньи мог, – / ...Тот сам быть должен полубог“» [6, с. 215, 224].

*...Где волны шумных океанов / Во
мраке бури и туманов*

*Несутся с рёвом к берегам... / Там
гений умственных творений*

*Нашёл в ужасном красоты... / И
бога грозного прославил.*

*Но там, где нежные цветы / От сол-
нечных лучей пестреют...*

*...он творца воображает / В небес-
ной благости его... [6, с. 215-216]*

Осознав себя частью сотворенной Богом Природы, человек открыл в других и в мире в целом отражение / продолжение себя самого: «...Чувствительный во всём себе друзей найдёт...» [6, с. 92-93]. В результате «...дружба, дар небесный! / Предстала с кротостью своей...» [6, с. 217] Об руку с дружбой идёт любовь, поскольку Бог – «...Открыл себя... / ...В слезе любовников счастливых, / В улыбке нежных матерей...» Поэтому уподобляется богу любовник, когда он к подруге «...в объятия спешил... / ... не смертным, богом был!», ибо «Сам бог... / ...влил ... грудь небесный пламень / ...всесильныя любви...» [6, с. 198]

Пробуждённое Богом с помощью поэзии сочувствие человека другому рождает цивилизацию – снимая её сентименталистское противопоставление Природе: «...И первый в мире град был первым торжеством / Даров, влияющих в нас премудрым божеством...» [6, с. 245]. Природа и цивилизация равно объемлются Творцом, который –

*...присутствен / И чувствуем везде:
в пустынях и степях,*

*Равно как в городах, наполненных
народом... [6, с. 73]*

Поскольку Творец «...с чувством жизни наслажденье / Соединил во всех сердцах...» [6, с. 225], «закон» общезжития остаётся эстетическим: «„Жить

вместе, вместе наслаждаться...» [6, с. 217]. Отсюда «добродетель» («небесна дочь»)), будучи пробуждена поэтическим «сочувствием», становится идеалом красоты: «...глазам всегда прелестна, / ...Душе ... всегда мила...» [6, с. 291]. Повинуясь этому идеалу, поэт возводит в ранг художественного шедевра *подвиг* (воинский и гражданский), который в силу этого становится примером для подражания, то есть для стремления людей сделать свою жизнь произведением искусства и этим уподобиться Творцу: «...Софокл и Эврипид учили на театре, / Как душу возвышать и полубогом быть...» [6, с. 60]. Это наделяет художественным смыслом *государство*, позволяя увидеть в государе земное воплощение Творца – «...бога в Павле прославлять...», – и, по сути, второго творца: «...ты отечества отец, / Для подданных второй творец...» [6, с. 269]¹

Как видим, Творец в поэзии Карамзина знаменует собою сначала противопоставление сентименталистской правды «чувства» классицистической / просветительской правде «разума» / «истины», а затем их воссоединения на новой основе. Орудиями такого воссоединения становятся Природа (пантеистически воплощающая Творца собою) и Поэзия – в Природе открывающая людям Творца².

Такое воссоединение в понятии «Бога» сентименталистских «чувства» и «Природы» с просветительскими

¹ Возвышая царя до Бога, народ одновременно возвышает себя до царя – то есть неявно обожествляет:

Они возвысят голос свой: / “О Павел! Ты наш бог земной!

Мы царствуем, монарх, с тобою... [6, с. 189]

² См. подробнее: [11, с. 296-311]; ср.: [4, с. 111-119].

«разумом» и «цивилизацией» объективно доказывается в лирике Карамзина также и «от противного». «Ортодоксально-сентименталистское» бегство лирического героя Карамзина в мир Природы от соблазнов цивилизации, чтобы «...Гнушаться издали пороком...» [6, с. 138], в конечном счете обнуляет значение как Природы, так и её Творца. Прежде всего, Природа лишается статуса убежища от мирового зла: «...Пристанища в сем мире нет...» [6, с. 294], которое оказывается возможным лишь за гробом:

...В юдоли сей покоя нет. / Но тем мы можем утешаться,

Что нам не век в сём мире жить...

В страны блаженства вознесёмся... [6, с. 65]

Затем, однако, ущербность земного мира ставит под вопрос как всемогущество Творца именно как первоисточника всепобеждающего единства сердца и разума:

Бог дал мне свет ума: я истины искал,

И видел ложь везде – светильник погашаю.

Бог дал мне сердце: я страдал, / И богу сердце возвращаю [6, с. 235], так и его существование: «Что наша жизнь? Роман. – Кто автор? Аноним...» [6, с. 236]

Таким образом, Божественное единство природы и цивилизации, разума и чувства доказывается «от противного».

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатова Т.А. Проза Н.М. Карамзина: поэтика повествования. М.: МГОУ, 2012. 560 с.
2. Дмитриев И.И. Полное собрание стихотворений. Л.: «Советский писатель», 1967. 502 с.
3. Иваницкий А.И. Ещё раз о соотношении «сентиментального» и «классицистического» в поэзии Карамзина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2015. № 4. С. 109-118.
4. Иваницкий А.И. Триада «Чувство – Природа – Поэзия» в лирике Н.М. Карамзина // „Studia Rossica”, tom XXIV. Mikołaj Karamzin i jego czasy. Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego. 2017. P. 111-119.
5. Капнист В.В. Избранные произведения. Серия «Библиотека поэта». Л.: 1973. 608 с.
6. Карамзин Н.М. Полное собрание стихотворений. М.-Л.: «Художественная литература», 1966. 424 с.
7. Кочеткова Н.Д. Литература русского сентиментализма. Эстетические и художественные искания. СПб.: Изд. «Наука», 1994. 279 с.
8. Львов Н.А. Избранные произведения. СПб: Акрополь, 1994. Тт. 1–2.
9. Муравьев М.Н. Стихотворения. Л.: «Советский писатель», 1967. 387 с.
10. Херасков М.М. Избранные произведения. М.-Л.: «Советский писатель», 1961. 408 с.
11. Шруба Б. Поэтологическая лирика Н.М. Карамзина // XVIII век. Сборник 24. СПб., 2006. С. 296-311.

REFERENCES

1. Alpatova T.A. *Proza N.M. Karamzina: poetika povestvovaniya* [N. Karamzin's prose: the poetics of narrative]. Moscow, MGOU Publ., 2012. 560 p.
2. Dmitriev I.I. *Polnoe sobranie stihotvorenij* [Complete collection of poems]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1967. 502 p.

3. Ivanitskii A.I. [Once again on sentimental and classical in poetry of Karamzin]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series Russian Philology], 2015, no. 4, pp. 109–118.
4. Ivanitskii A.I. [The Triad Feeling – Nature – Poetry in the lyrics of N. Karamzin]. In: *Studia Rossica, vol. XXIV. Mikołaj Karamzin i jego czasy*. Rusycystyki Instytut Uniwersytetu Warszawskiego, 2017. P. 111–119.
5. Kapnist V.V. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. In: Series “Library of the poet”. Leningrad, 1973. 608 p.
6. Karamzin N.M. *Polnoe sobranie stihotvorenij* [Complete collection of poems]. Moscow–Leningrad., KHudozhestvennaya literatura Publ., 1966. 424 p.
7. Kochetkova N.D. *Literatura russkogo sentimentalizma. Esteticheskie i hudozhestvennye iskaniya* [The literature of the Russian sentimentalism. Aesthetic and artistic search]. St. Petersburg.: Nauka Publ., 1994. 279 p.
8. L'vov N.A. *Izbrannye proizvedeniya. T. 1–2* [Selected works. Vol. 1–2]. St. Petersburg: Akropol, 1994.
9. Murav'ev M.N. *Stihotvoreniya* [Poems]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1967. 387 p.
10. Kheraskov M.M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow – Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1961. 408 p.
11. Shruba B. [Poetological lyrics of N. Karamzin]. In: *XVIII vek. Sbornik 24* [18th century. The collection of 24]. St. Petersburg, 2006, pp. 296–311.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иваницкий Александр Ильич – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института высших гуманитарных наук им. Е.М. Мелетинского РГГУ; e-mail: meisster@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexandr Ivanickij – Doctor in Philological Sciences, Senior Researcher at Meletinsky Institute for Advanced Studies of the Russian State University for Humanities; e-mail: meisster@mail.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Иваницкий А.И. «Святой, премудрый, дивный...». Значение и миссия Творца в поэзии Н.М. Карамзина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 5. С. 104-112
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-104-112

FOR CITATION

Ivanitskiy A.I. “Holy, Wise, Wondrous...” The meaning and the mission of God in N. Karamzin’s poetry. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2017, no. 5, pp. 104-112
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-104-112

УДК 82-1/-9

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-113-121

ОДЕЖДА У Н.М. КАРАМЗИНА КАК ПРИМЕТА ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ И НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА*

Киселева И.А., Поташова К.А.

*Московский государственный областной университет
105005, Москва, ул. Радио, 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье обосновывается идея, что Н.М. Карамзин в «Истории шосударства Российского» и в других своих произведениях ставит вещь, в частности, одежду человека в непосредственную связь с идеей. Он подробно описывает стиль и отдельные элементы одежды исторических деятелей и персонажей своих произведений, проводит связь между внешностью и внутренним состоянием человека. У Карамзина одежда является отражением исторического времени, социального статуса человека, связана с его национально-культурной идентификацией, становится знаком отношения к духовному миру, мерой личностной состоятельности её обладателя.

Ключевые слова: одежда, вещный мир, мода, национальный характер, движение истории, Н.М. Карамзин

CLOTHING IN N. KARAMZIN'S WORKS AS A SIGN OF HISTORICAL TIME AND NATIONAL CHARACTER

I. Kiseleva, K. Potashova

*Moscow Region State University
10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The article presents the idea that N. Karamzin in the “History of the Russian state” and in his other writings puts a thing, in particular, clothing of a person in direct connection with an idea. He describes in detail the style and individual elements of the clothes of historical figures and characters of his works, drawing a connection between appearance and the internal state of an individual. For Karamzin clothing is a reflection of the historical time, the social status of a person, it is connected with his national-cultural identity and becomes a sign of relationship to the spiritual world, a sign of personal viability of its owner.

Key words: clothing, thing, fashion, national character, the history of the movement, N. Karamzin.

В «Истории шосударства Российского», в «Письмах русского путешественника», в своих повестях и заметках Н.М. Карамзин особое внимание уделяет одежде, её описание носит этнографический, исторический, эстетический ха-

© Киселева И.А., Поташова К.А., 2017.

* Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 15-04-00494 «Н.М. Карамзин: энциклопедический словарь». / The work was supported by grant RFBR № 15-04-00494 «N.M. Karamzin: encyclopedic dictionary».

ракетер. Карамзин подробно описывает стиль и отдельные элементы одежды исторических деятелей и персонажей своих произведений, их облачение часто имеет символический характер. Карамзин проводит связь между внешностью и внутренним состоянием человека, одежда в его художественной системе связана с «поворотами в судьбе и мировоззрении, преобразованием всего облика человека, его зависимости или свободе» [11, с. 90], посредством одежды писатель «демонстрирует стиль жизни человека и образ его мышления» [7, с. 145]. И эти параллели весьма основательны, как отмечал И.Ф. Анненский: «Нас окружают и, вероятно, составляют два мира: мир вещей и мир идей. Эти миры бесконечно далеки один от другого, и в творении один только человек является их ... соединением» [2, с. 217].

Стремясь к точной фиксации культуры и быта эпохи, Карамзин интересовался этимологией слов, связанных с одеждой, уточнял их значение, тем самым давая читателям понять «динамику историко-культурной ситуации» [1, с. 74]. Так, в примечаниях к «Истории государства Российского» Карамзин приводит выписку из четвертого пункта Русско-византийского договора князя Олега («Договор русских с греками», 911 г.) по Троицкой летописи: «да сойметь съ себе и ты самыя порты, въ нихъ же хожаше» [10, с. 67]. Карамзин поясняет, что «портами называлась вообще одежда; теперь въ семъ значеніи осталось только имя *портной*» [3, т. I, примечания, с. 92]. В самом же тексте «Истории государства Российского» Карамзин заменяет вышедшее из употребления слово *порты* понятным для современных ему чи-

тателей словом *одежда*: «Кто ударить другаго мечемъ, или какимъ сосудомъ, да заплатитъ пять литръ серебра по закону Русскому; неимовитый же да заплатитъ, что можетъ; да сниметъ съ себя и самую одежду, въ которой ходитъ...» [3, т. I, с. 83]. В передаче деталей вещного мира Карамзин стремился к исторической точности. Вступая в диалог с В.Н. Татищевым о договоре (торжественном мире) князя Игоря с греками 944 года, он оспаривает значение слова «паволоки»: «Татищевъ вмѣсто паволоки написалъ: "по два кафтана" но паволока не кафтанъ, а ткань» [3, т. I, примечания, с. 97], сам же приводит точную цитату из Троицкой летописи [10, с. 75]. Изображая и время правления Олега, и время княжения Игоря, озаменованное заключением мирных соглашений с другими государствами, Карамзин фиксирует различный функционал одежды, говорит о ней, как о денежном эквиваленте: «Греки выкупали плѣнныхъ шелковыми одеждами. Норманы означали цѣну вещей тканями» [3, т. I, примечания, с. 97]. Представляя такую широкую географию, соотносящуюся с торговым путём «из варяг в греки», Карамзин акцентирует повсеместное отношение к одежде как к материальной ценности. В другой главе «Истории государства Российского» историк приводит слова Нестора-летописца о том, что «завоеватели не удовольствовались мечами, но обложили Славянъ иною данію» – «по бѣлкѣ съ дома». Карамзин поясняет, что этот налог был «весьма естественный въ земляхъ сѣверныхъ, гдѣ теплая одежда бываетъ одною изъ главныхъ потребностей человѣка, и гдѣ промышленность людей ограничивалась только необходимымъ для

жизни» [3, т. I, с. 25]. Констатируя, что одежда для русских была необходима в силу сурового климата, Карамзин по сути утверждает, что облачение напрямую связано с сущностью, то есть вещь для русских видится заведомо целесообразной. Описывая этнографические подробности внешнего облика русских посредством передачи речи Якута аль-Хамави (арабский писатель XIII века, составитель Географического Словаря) Карамзин отмечает отсутствие одежды, если в ней нет практической необходимости: «Я видѣлъ Русскихъ купцевъ въ пристани рѣки Итиля (Волги). Тѣло у нихъ красное. Они не носятъ ни кафтановъ, ни камзоловъ: мужчина накидываетъ на себя съ боку грубую одежду, такъ, что одна рука остается свободною» [3, т. I, примечания, с. 100]. Иначе характеризуются восточные народы. Описывая Ханские празднества, Карамзин пишет, что «каждый воинъ украшался лучшею своею одеждою и садился на лучшего коня» [3, т. IV, с. 114]. Ту же любовь к дорогим одеждам отмечает Карамзин и у греков: «Константинъ и предки его давали Вельможамъ утѣснять народъ; не было въ судахъ правды, ни въ сердцахъ мужества; судіи богатѣли отъ слезъ и крови невинныхъ, а полки Греческіе величались только цвѣтною одеждою» [4, т. V, с. 212]. Красивая одежда здесь связана с отрицательным духовным вектором, подменой богатства души внешней крашенностью.

Аскетичность венедов (племя северных славян), которые «не отличались одеждою отъ Германскихъ народовъ, т. е. едва закрывали наготу свою» [3, т. I, с. 39], напротив, ссылаясь на Тацита, Карамзин акцентирует. Избегая

роскоши, «въ самой бѣдной одеждѣ» [3, т. I, с. 46] выбирались и воеводы древних славян – этот «весьма любопытный» факт Карамзин приводит как нравственное достоинство и независимость славянских племён. Высоко оценивая личность Владимира Мономаха, его государственную добродетель, Карамзин также подчёркивает простоту поведения благоверного князя в быту, для характеристики его аскетизма приводит выдержку из Сочинения митрополита Никифора, ярко иллюстрирующую близость «Властителя земли» к простым людям: «Не знаешь дому, всегда въ трудахъ и путешествіяхъ, спишь на голой землѣ, единственно для важныхъ дѣлъ государственныхъ вступаешь во дворедѣ свѣтлый, и снимая съ себя любимую одежду простую, надѣваешь Властительскую» [3, т. II, с. 100]. Независимость от одежды у Карамзина встаёт рядом с чувством свободы, характерным для северных народов, прежде всего славян и германцев. Карамзин отмечает, что «славяне въ VI вѣкѣ сражались безъ кафтановъ, некоторые даже безъ рубахъ, въ однихъ портахъ» (здесь уже слово *порты* Карамзин употребляет в их современном значении) [3, т. I, с. 39]. В силу естественного целеполагания одежды средневековый славянский космос в большинстве случаев имел иерархическое устройство – человек не становился эмоционально зависимым от вещи, а ценности духовные ставились выше материальных. Одежда не несла отрицательного духовного начала, она была нужна и востребована и потому не имела власти над человеком.

Знаковыми в «Истории государства Российского» оказываются и действия, связанные с одеждой. В художествен-

ном мире Карамзина одежда или действия с ней выражают внутренние качества человека, его отношение к ближнему, выступают своеобразным продолжением личности, так как выбор одежды является социокультурным явлением, определяющим характер отношения человека к действительности. Не только сама одежда, но и манера её носить, какие-либо действия с ней, становились средством характеристики личности и типа отношений в той или иной историко-культурной среде. При этом одно и то же действие – снятие с себя одежды, её дарение и подобное – могло иметь разный смысл и по-разному характеризовать человека. Так, повествуя о трагическом событии из истории Киевской Руси – убийстве князя Игоря Ольговича заговорщиками, Карамзин описывает драматическую сцену попытки спасения князя его братом Владимиром, который «старался освободить несчастного, закрыл собственною одеждою, привелъ въ домъ къ своей матери, и заперъ ворота, презирая ярость мятежниковъ» [3, т. II, с. 134]. Выражением непосредственной радости является дарование одежды «с плеча» Иоанном IV при вести о рождении царевича Дмитрия: «не зная, какъ наградить счастливаго вѣстника, отдалъ ему съ плеча одежду Царскую и коня изъ-подъ себя» [2, т. VIII, с. 117]. Здесь жест дарения выражает радость и милость властителя, его душевное расположение к одариваемому. Однако дарование одежды могло быть представлено Карамзиным и с унижительным модусом, яркой иллюстрацией этому служит сцена пленения Империей Тимуридов османского султана Баязида I: в качестве знака пренебрежения и власти

над проигравшим Тимур приподносит Баязиду «одежду драгоцѣнную, и хвастовствомъ великодушія еще болѣе, нежели своею побѣдою, унизилъ сего бывшего знаменитаго Монарха» [2, т. V, с. 82]. Однако и в том, и в другом случае одежда является продолжением личности, служит средством видимого проявления возможностей человека, в том числе его внутренней силы.

Характеры героические, как правило, показаны у Карамзина независимыми от власти одежды, тогда как сомнительные в нравственном отношении лица изображаются в имеющих по преимуществу эстетический смысл пышных дорогих нарядах. Карамзин на основании исторических источников не раз отмечает великолепие одежды людей непостоянных в своих убеждениях. Описывая рыцаря Гаммерштета, который в битве близ Пскова с Ливонским Магистром вначале встал на сторону русских и бился с немецкой пехотой, а затем, недовольный холодным приёмом в России, пытался найти почётное место в Швеции и только в княжении Василия III вернулся в Москву, Карамзин рядом со словами о том, что «послы Императора Максимилиана видѣли его въ богатой одеждѣ среди многочисленныхъ Царедворцевъ» [2, т. VI, с. 199], ставит указание на то, что «полководцы Иоанновы гнушались измѣною Гаммерштета» [2, т. VI, с. 199].

Однако нарядные одежды сами по себе не несли положительной или отрицательной окраски, она определялась ситуативно и имела непосредственную связь с историческим периодом. Вместе с принятием от Византии христианства пренебрежение к пышности в русской культуре сменилось

уважением к нарядной одежде, целесообразность которой определялась её знаковым характером и собственно красотой. «Искусство золотошвеевъ, заимствованное нами отъ Грековъ, издревле цвѣло въ Россіи, гдѣ знатные и богатые люди носили всегда шитую одежду» [3, т. X, с. 153]. Подтверждением этого Карамзин ставит государственное покровительство промышленному мастерству, историк пишет, что Федор Иоаннович вызвал из Италии Марко Чинопи, чтобы тот «ткалъ бархаты и парчи, въ домѣ отведенномъ ему близъ Успенскаго Собора» [3, т. X, с. 153]. По мысли Карамзина, русские, по причине их природной чуткости к прекрасному, смогли оценить эстетические чувства греков. Общим местом рассуждений о принятии русскими христианства стала история о впечатлении послов от красоты византийского богослужения. И красота одежды (по принципу аналогии в том числе) в сознании русских, принявших «византийскую веру», стала связываться с божественным величием, но при этом роскошь в одежде в древнерусском государстве не стала повседневностью, а соотносилась с особыми случаями, требующими церемониала и являющимися связью Неба и земли: «Тутъ Государь снялъ съ себя воинскую одежду, возложилъ на плеча порфиру, на выю и на перси крестъ Животворящій, на главу вѣнецъ Мономаховъ, и пошелъ за святыми иконами въ Кремль; слушалъ молебень въ храмѣ Успенія» [2, т. VIII, с. 120]. Карамзин отмечает, что российские послы «требовали въ даръ отъ Грековъ Царской одежды и вѣнцевъ», но Императоры уверяли их, «что сіи порфиры и короны сдѣланы руками Ангеловъ и должны быть всег-

да хранимы въ Софійской церкви» [1, т. I, с. 149-150]. И русским государям эти вещные атрибуты царской власти представлялись не земной роскошью, но символами причастности к вечной жизни. Описывая торжественный для России момент – венчание на царство Фёдора Иоанновича, Карамзин, наряду со священным характером действия отмечает цветовую гамму облачения Царя и его свиты: «Государь въ одеждѣ небеснаго цвѣта придворные въ златой» [3, т. X, с. 10].

В «Истории государства Российского» Карамзин подчёркивает, что, усвоив греческую эстетику прекрасного, русские не утратили своей национальной самобытности, и даже более, на её основе образовали свою особую культуру одежды, синтезируя славянские уборы с греческой традицией золотошвейного мастерства. И именно этот синтез в «Истории государства Российского» представляется уже как культура русского национального костюма, что ярко отражено в завещании Великого Князя Ивана Калиты, в княжеское убранство которого входили бармы, являющиеся элементами парадной одежды византийских императоров: «Изъ одеждъ моихъ назначаю Симеону шубу червленую съ жемчугомъ и шапку золотую, Ивану желтую обьяринную шубу съ жемчугомъ и мантию съ бармами, Андрею шубу соболью съ наплечками низанными жемчугомъ и портище алое съ нашитыми бармами...» [2, т. IV, с. 151]. Эта способность воспринять чужое как своё, преобразовав его в соответствии со своей природой и условиями жизни, является отличительной чертой русских, это та самая «всемирная отзывчивость», о которой впоследствии

говорил Ф.М. Достоевский по отношению к А.С. Пушкину. Такая уникальная способность, вероятно, продиктована не только тайной русской природы, но в случае с принятием христианства от Византии, его вненациональной сущностью: «...нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но всё и во всём Христос» [9, с. 383].

Карамзин только в случае с русским принятием христианства от Византии не даёт отрицательной оценки ношению одежды, связанной с культурой другой страны. При описании завоеваний Хазаров в VII веке историкограф, обозначая политическую уязвимость Греции, пишет: «Слабая Греция не смѣла отражать новых завоевателей: ея Цари искали убѣжища въ ихъ станахъ, дружбы и родства съ Каганами; въ знакъ своего къ нимъ почтенія украшались въ нѣкоторые торжественные дни одеждою Козарскою...» [3, т. I, с. 24]. Верность национальной одежде является для Карамзина знаком государственной силы и достоинства. Описывая исторический эпизод выдачи замуж за литовского князя дочери Ивана III Елены Карамзин приводит Тайный наказ Государя: «... велѣно было требовать, чтобы Елена вѣнчалась въ Греческой церкви, въ Русской одеждѣ» [4, т. VI, с. 57]. Эти условия позволяли правителю сохранить духовную независимость и являлись её знаком, в исполнение договора Ивана III требовал от зятя, чтобы тот «...непремѣнно позволилъ супругѣ своей имѣть домовую церковь, не принуждалъ ее носить Польскую одежду, не давалъ ей слугъ Римскаго Исповѣданія, писалъ въ грамотахъ

весь титулъ Государя» [4, т. VI, с. 159-160].

Трагическая для национальной самобытности России эпоха наступает позже, в период Смутного времени. Так Карамзин описывает внешний облик москвичей в царствование Лжедмитрия: «Угождая вкусу Царя къ пышности, всѣ знатные и незнатные старались блистать одеждою богатою» [5, т. XI, с. 135]. Его описания людей того времени не лишены психологизма: «Многіе плакали въ домахъ, а на улицахъ казались веселыми и нарядными женихами» [5, т. XI, с. 135]. Именно чуждая (польская) одежда явилась и причиной смерти русских во время расправы с польскими интервентами: «Чернь ошибкою умертвила и нѣкоторыхъ Россіянъ, носившихъ одежду Польскую въ угодность Самозванцу» [5, т. XI, с. 173].

Любовь к российской древности и самобытности, опыт создания «Истории государства Российского», документальные свидетельства о культуре одежды сформировали взгляды Карамзина на отношение и к современной ему моде. В повести «Наталья, боярская дочь» писатель ностальгирует о старых временах, важной приметой которых являлся русский убор: «Кто из нас не любит тех времён, когда русские были русскими, когда они в собственное своё платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своим языком и по своему сердцу, то есть говорили, как думали?» [6, т. II, с. 622] Представляя себя в образе почтительного правнука, сентиментальный повествователь в разговоре со своими прабабушками признаётся в любви к русскому платью: «...рассуждая с ними о старых и новых модах, всегда отдаю

преимущество их подкапкам и шубейкам перед нынешними bonnets¹ а la... и всеми галло-албионскими нарядами, блистающими на московских красавицах в конце осьмого-надесять века» [6, т. II, с. 622].

В статье «О лёгкой одежде модных красавиц девятнадцатого века», опубликованной в журнале «Вестник Европы» (под псевдонимом В. Мулатов) Карамзин сентиментально-иронически рассуждает о современной ему французской моде на декольте, он указывает, что древние смотрели на покрывало как на «символь женской скромности и щить прелестей» и в любовном тоне предостерегает дам, «что въ сѣверномъ климатѣ эта мода опасна для самаго здоровья, слѣдственно и красоты!» [8, с. 255]. Для убедительности своих суждений Карамзин вводит в повествование воображаемого Сибиряка, носителя русского мирозерцания, которому гипотетически нужно объяснить внешний облик современных красавиц: «Есть ли будемъ изъяснять ему сей феноменъ дѣйстви́емъ Французской моды, то онъ вообразить, что мы хотимъ дурачить его, и никакъ не пойметъ, чтобы обе-

зьянство (Сибирское название моды) могло считаться въ столицѣ первымъ достоинствомъ, которому всѣ другія уступаютъ!» [8, с. 253]

У Карамзина одежда является не только характеристикой исторического времени и национальной культуры, служит средством выражения социального статуса человека, но и является знаком отношения человека к реальности небесной, мерой его духовной состоятельности. Ценность одежды для русских определяется Карамзиным её целесообразностью, которая видится либо в непосредственной защите от холода или нескромных взглядов, либо – при её роскоши – в функции сакральной, выраженной в идее Царя как Божьего наместника, достойного облачения, имеющего связь с миром вечности, в идее духовного преемства Россией по отношению к Византийской Империи. Смена одежды связана с движением истории, исторические переломы проявляются во внешнем облике человека, ношение иноземного костюма связано с духовной слабостью человека и политической нестабильностью государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатова Т.А. Ситуация рубежа веков в истории текста «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина // Вестник Московского государственного университета. Серия: Русская филология. 2015. № 4. С. 72-79.
2. Анненский И.Ф. Художественный идеализм Гоголя // Анненский И.Ф. Книги отражений. М., Наука, 1979. С. 216-225.
3. Карамзин Н.М. История Государства Российского. М.: Книга. 1998. Кн. 1. 1238 с. (Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 годов).
4. Карамзин Н.М. История Государства Российского. М.: Книга. 1998. Кн. 2. 1386 с. (Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 годов).
5. Карамзин Н.М. История Государства Российского. М.: Книга. 1998. Кн. 3. 592 с. (Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 годов).
6. Карамзин Н.М. Наталья, боярская дочь // Карамзин Н.М. Избранные сочинения. В 2 тт. М.–Л.: Художественная литература, 1964. Т. 1. С. 622-660.

7. Киселева И.А., Поташова К.А. Шляпа как деталь костюма и средство характеристики персонажа в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации / под ред. О.В. Шаталовой. М.: ИИУ МГОУ, 2017. С. 137-146.
8. Мулатов В. (Карамзин Н.М.). О лёгкой одежде модных красавиц XIX века // Вестник Европы. Ч. 2. № 7. С. 250-256.
9. Послание к Колоссянам святого апостола Павла (3:11). Библия. М.: Российское Библейское Общество, 2006. 608 с.
10. Троицкая летопись / ред. Приседков М.Д. М.: Академия наук, 1950. 514 с.
11. Сапченко Л.А. Халат Карамзина // Вестник Московского государственного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 3. С. 89-101.

REFERENCES

1. Alpatova T.A. [The situation of the turn of the century in the history of text of "Letters of a Russian traveler" by N. Karamzin]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Russkaya filologiya»* [Bulletin of Moscow State University. Series Philology], 2015. no. 4, pp. 72–79.
2. Annenskii I.F. *Khudozhestvennyi idealizm Gogolya* [Artistic idealism of Gogol] in: *Annenskii I.F. Knigi otrazhenii* [Annensky I. The Book of reflections]. Moscow, Nauka Publ., 1979. pp. 216–225.
3. Karamzin N.M. *Istoriya Gosudarstva Rossijskogo* [History of the Russian state]. Moscow, Kniga Publ., 1998. Vol. 1. 1238 p.
4. Karamzin N.M. *Istoriya Gosudarstva Rossijskogo* [History of the Russian state]. Moscow, Kniga Publ., 1998. Vol. 2. 1386 p.
5. Karamzin N.M. *Istoriya Gosudarstva Rossijskogo* [History of the Russian state]. Moscow, Kniga Publ., 1998. Vol. 3. 592 p.
6. Karamzin N.M. *Natal'ya, boyarskaya doch'* [Natalia, the boyar's daughter]. In: *Karamzin N.M. Izbrannye sochineniya*. [Karamzin N. Selected writings]. Moscow–Leningrad, Khudozhestvennaya literature Publ., 1964. Vol. 1, pp. 622–660.
7. Kiseleva I.A., Potashova K.A. [The hat as a part of the costume and means of characteristics of a character in "Letters of a Russian traveler" by N. Karamzin]. In: *Russkii yazyk v slavyanskoj mezhkul'turnoi kommunikatsii*. [Russian language in Slavic intercultural communication. Collection]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2017. pp. 137–146
8. Mulatov V. (Karamzin N.M.) [On the light clothes of fashionable beauties of the 19th century]. In: *Vestnik Evropy* [Herald of Europe]. Vol. 2, no. 7, pp. 250–256.
9. *Colossians of the Holy Apostle Paul (3:11)* [Poslanie k Kolossyanam svyatogo apostola Pavla (3:11)]. In: *Bibliya* [The Bible]. Moscow, Russian Bible Society Publ., 2006. 608 p.
10. Priselkov M.D., ed. *Troickaya letopis'* [Trinity chronicle]. Moscow, Academy of Sciences Publ., 1950. 514 p.
11. Sapchenko L.A. [Karamzin's Bathrobe]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Russkaya filologiya»* [Moscow State University Bulletin. Series Philology]. 2016, no. 3, pp. 89–101.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Киселева Ирина Александровна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской классической литературы Московского государственного областного университета;
e-mail: 7909227849@yandex.ru

Поташова Ксения Алексеевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета;
e-mail: kseniaslovo@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina Kiseleva – Doctor in Philological Sciences, associate professor, head of the Department of the Russian classical literature, Moscow Region State University;
e-mail: 7909227849@yandex.ru

Ksenia Potashova – PhD in Philological Sciences, senior lecturer at the Department of the Russian classical literature, Moscow Region State University;
e-mail: kseniaslovo@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Киселева И.А., Поташова К.А. Одежда у Н.М. Карамзина как примета исторического времени и национального характера // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 5. С. 113-121
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-113-121

FOR CITATION

Kiseleva I.A., Potashova K.A. Clothing in N. Karamzin's works as a sign of historical time and national character. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2017, no. 5, pp. 113-121
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-113-121

УДК 82-1/-9

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-122-130

СИБИРЬ, ЕРМАК И ДРУГИЕ: К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЖАНРОВ, ОБРАЗОВ И МОТИВОВ*

Лазареску О.Г.

Московский педагогический государственный университет

119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, Российская Федерация

Аннотация: В статье рассматриваются трансформации жанра исторического повествования в произведениях, репрезентативных для различных эстетических систем – фольклора (Сборник Кирши Данилова), классической эстетики (Т. IX «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина), постклассической эстетики (роман А. Иванова «Тобол. Много званых») – в связи с образом и деяниями покорителя Сибири Ермака и его дружины. Через исследование ключевого мотива восстановления чести выявлены общие черты и различия в подходах к историческому материалу, установлена логика развития жанра исторического повествования как движения от рассказа о событии к продолжению события в новом контексте, новых обстоятельствах, судьбах людей другой эпохи.

Ключевые слова: жанр, мотив, образ, историческое повествование, роман.

SIBERIA, ERMAK AND OTHERS: ON THE QUESTION OF HISTORICAL TRANSFORMATIONS OF LITERARY GENRES, IMAGES, AND MOTIVES

O. Lazarescu

Moscow State Pedagogical University

1/1, M. Pirogovskaya st., Moscow, 119991, Russian Federation

Abstract. The article considers transformations of the genre of historical narrative in literary works, that are representative of various aesthetic systems – folklore (Kirsha Danilov's Collection), classical aesthetics (Vol. 9 of N. Karamzin's «History of the Russian State»), and postclassical aesthetics (A. Ivanov's novel «Tobol. Many are called») – in relation to the image and the actions of Ermak, the conqueror of Siberia, and his crew. By investigating the key motivation to recover the honor, the common features and differences in approaches to treating historical material were revealed, and the logic of development of the historical narrative genre as the movement from a story about an event to continuation of the event in a new context, new circumstances, and in destinies of people of a different era, was established.

Key words: genre, motif, image, historical narrative, novel.

В статье 1803 г. «Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице» Н.М. Карамзин выявил сложную соотнесённость двух начал, формирующих

© Лазареску О.Г., 2017.

* Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 15-04-00494 «Н.М. Карамзин: энциклопедический словарь».

отношения человека с миром – «истина» и «вымысел», которые в литературном творчестве выступают друг по отношению к другу как «история» и «роман». Эта соотнесённость, по Карамзину, имеет важные измерения – темпоральное и эмоциональное: чем более «зрелый» ум обращается к событиям, тем более сердечно он относится к ним: «История в некоторых летах занимает нас гораздо более романов; для зрелого ума истина имеет особенную прелесть, которой нет в вымыслах. В самом грустном расположении, в котором цветы разума и воображения не веселят нас, человек может ещё с каким-то меланхолическим удовольствием заниматься историею; там всё говорит о том, что было и чего уже нет!..» [3, с. 310] «Вымысел» у писателя ассоциирован с «романом», рождающим эмоцию «веселья», открывающим простор для игры авторского воображения. «Истина» же ассоциирована с «историей», способной рождать ощущение «особенной прелести» и «удовольствия». Это ощущение связано с иными возможностями художественного творчества – вновь обращаться к прошлому – в другом контексте и других обстоятельствах.

Эта «перетяжка» – «истина» / «вымысел», «история»/«роман» – во многом определила творческую манеру самого Карамзина, который свои «романические» произведения насыщает реальной «фактурой», показом «действительно бывшего, а не вымышленного» [1, с. 45], а в историческое повествование вплетает «баснословие», которое помогает ему воспроизвести нравственную норму, «дух», стоящий за тем или иным реальным фактом [6]. В художественной практике Карамзи-

на «истина» и «вымысел» сопровождают – то контрастируя, то усиливая – друг друга.

Исследователи уже отмечали особенности жанрового мышления Карамзина, который стремился в своих произведениях к «совмещению различных жанровых дискурсов», дополняющих друг друга, но не сливающихся в «синкретическом единстве» [9, с. 140-141]. Примером такого равноправного совмещения может быть и сюжет завоевания Ермаком Сибири, помещённый писателем в том IX «Истории государства Российского». Здесь канва исторического повествования – «несомнительная История» [4, с. 401], зафиксированная «летописцем», «грамотами», другими «достовернейшими повествованиями» [4, с. 379-380], ставшими историческим источником для Карамзина, перемежается преданиями («баснями») о сибирском походе Ермака, сравнениями его с завоевателями Мексики и Перу, а также оценками сибирского атамана и его дружины, которые возможно дать только изнутри сознания самих творцов сибирской истории и которые относятся к области «романического», к области «вымысла». Так, Ермак и его товарищи, получив предложение от ставленников царя Иоанна IV Строгановых оставить разбойничью вольницу – «ремесло, недостойное Христианских витязей» [4, с. 376] – и пойти на службу царю, воодушевились возможностью восстановить свою честь: они «прослезились от умиления». Наряду с внешними оценками казаков как неустрашимых, дерзких и искусных воинов, Карамзин акцентирует внимание на глубинных причинах их согласия оставить вольницу. Причины эти ле-

жат в сфере, определяемой понятиями доблести, совести, милости, целомудрия. В сердцах казаков шевельнулись «угрызения совести», они надеялись «заслужить милость Государеву», они дали «обет доблести и целомудрия» и 1 сентября 1581 года отплыли «к горам Уральским, на подвиг славы» [4, с. 376-378].

Жанр исторического повествования, стремящийся к непредвзятой оценке явлений, представляет действующих лиц истории с разных сторон. При этом он предполагает выявить не только объективные причины произошедшего, но и внутреннюю мотивацию актантов. Момент встречи объективного/непреодолимого и субъективного/желаемого у Карамзина становится источником событий, главным двигателем истории. Одним из механизмов функционирования этого двигателя является мотив восстановления чести, ставший призмой судьбы и личности Ермака и его дружины. Цель данной статьи – через исследование мотива восстановления чести определить черты сходства и различия в работе с образом Ермака писателей, принадлежащих к различным эстетическим системам, установив тем самым логику развития жанра исторического повествования.

Начало повествования о Ермаке строится на описании событий, давших основание как для «доброй», так и для «худой» славы о нём и его товарищах. Они жили то как «честные воины России», то как «мятежники, ею не признаваемые за россиян», «злодействовали на всех дорогах, на всех перевозах», были настоящими «хищниками». И только предложение «честной службы», а не «гневные отзывы Иоан-

новы», и перспектива «примириться с Богом и с Россиею» [4, с. 375-376] дали направление для начала героической истории сибирского завоевания, для встречи внешнего, объективно-неодолимого, и внутренне-желаемого как источника последующих событий.

Мотив восстановления чести реализуется у Карамзина через нравственные характеристики Ермака, который и от себя, и от своих воинов требовал «чистоты душевной», ибо считал, что «Бог даст ему победу скорее с малым числом добродетельных воинов, нежели с большим закоснелых грешников»; «грозный, неумолимый Ермак, жалея воинов Христианских в битве, не жалел их в случае преступления и казнил за всякое ... *дело студное*» [4, с. 385-386]. Сами казаки, в глазах Ермака, давшего знать царю об утверждении господства России в Сибири, «угрызаемые совестью, исполненные раскаяния, шли на смерть», готовые «умереть или в новых подвигах чести, или на плахе» [4, с. 391].

Сердечные движения бывшего атамана разбойников описываются в связи с боязнью обмануть надежду России. В самые тяжёлые, отчаянные моменты похода, когда открылся голод, цинга, «убыль в силах», Ермак, «не боясь смерти», «боялся утратить завоевание, обмануть надежду Царя и России» [4, с. 397].

Реализация мотива восстановления чести связана и с активацией категории «чудесного» как двигателя истории. Ряд событий подаётся писателем как «блестящий, неожиданный успех», а само завоевание как «любопытное, действительно удивительное, если и не чудесное» [4, с. 379-380]. Сами казаки в своей воинской судьбе апеллируют не

только к имеющемуся у них оружию, но к Богу, понимая «безвыгодность» положения своей малочисленной дружины перед ордами Кучума: «Бог даёт победу, кому хочет: не редко слабым мимо сильных...!» [4, с. 383]. Но помощь высших сил в историческом повествовании Карамзина неразрывно связана с внутренним устремлением казаков служить честно.

Сама гибель Ермака, объясняемая объективными, непреодолимыми обстоятельствами – болезни, голод, отсутствие помощи из Москвы, а также утрата бдительности в сношениях с местными – обставлена знаками «романического» восприятия этого события. Казаки погибли «от своей оплошности» – уснули в пути без охраны: Ермак, «как бы утомлённый жизнью, погрузился в глубокий сон с своими удалыми витязями, без наблюдения, без стражи. Лил сильный дождь; река и ветер шумели, тем более усыпляя Козаков; а неприятель бодрствовал на другой стороне реки» [4, с. 401-402]. По преданию, рядом с местом их гибели «возвышается холм, насыпанный ... руками девичьими для жилища царского» [4, с. 401]. Подобная локализация места гибели связана с романическим представлением о переменчивости «счастья», ибо стремительное движение к подземному царскому жилищу дружины и её предводителя началось после признания Россией заслуг казаков: «Иоанн в ласковой грамоте объявил Козакам вечное забвение старых вин и вечную благодарность России за важную услугу, назвал Ермака ... *Князем Сибирским*; велел ему распоряжаться и начальствовать» [4, с. 396]. Став почти царём Сибирским, Ермак не смог преодолеть объектив-

но-непреодолимого. Но в восприятии народа он не умер, а переселился в другое – царское – жилище.

Посмертная история Ермака насыщена «многими чудесами», подтверждающими его царственную природу: это и свежая кровь, хлынувшая из мёртвого, «оцепенелого» тела «*Атамана-Князя*», и птицы, летавшие стаями над трупом – «не смели его коснуться». Это и «страшные видения и сны», которые заставили убийц схоронить Ермака, и сияние над его могилой [4, с. 403-404]. По преданию, одежда героя после его смерти стала предметом культа для татарских и остяцких воинов – «верхняя кольчуга», «нижняя кольчуга», «кафтан», «сабля с поясом».

Важно отметить, что соединение исторического и романического дискурсов, «истины» и «вымысла», открывающее перспективу жанровой трансформации исторического повествования, было использовано и фольклорной эстетикой, которая воспроизведение цепочки событий также перемежала историями вымышленными. Но этот «вымысел» был связан не с попыткой проникновения внутрь сознания и душевного состояния действующих лиц, чтобы показать историю глазами не только внешнего наблюдателя, а с введением в эту историю воображаемых ситуаций – с целью гиперболизации тех черт и качеств казаков, которые нужно было подчеркнуть народному сознанию. Так, в исторической песне «Ермак взял Сибирь», входящей в «Сборник Кириши Данилова», мотив восстановления чести представлен в своём редуцированном виде, как протомотив. Он не проявлен ни через муки совести, раскаяния казаков и их атамана, ни через детали душевного

состояния. Фольклорное сознание как бы «выпрямляет» историю, выделяя в ней главное – казаки осознают ответственность за свой разбой и убийства:

Гуляли мы по морю синему...

Убили мы посла персидскова

Со всеми ево солдатами и матрозами

И всем животом его покорыстовались.

И как нам на то будет ответствовать? [5, с. 68]

Не желая далее «ворами слыть», а также быть «по тёмным тюрьмам рассаженым», казаки как бы подводят черту под всей прошлой жизнью и отправляются на Урал, «ко Строгоновым». Описание сибирских деяний Ермака и его дружины включает в себя вымышленный эпизод приёма царём Иваном Васильевичем не посланцев Ермака в Москву с известием о покорении Сибири, а самого Ермака, представшего перед царём, повинившегося за себя и всю свою дружину. Этот эпизод создаёт экспрессию, необходимую для дальнейшей реализации мотива восстановления чести: «Втапоры Ермак пред грозным царем на колени пал ... говорил таковыя слова: “Гой еси, вольной царь, царь Иван Васильевич! || Приношу тебе, асударь, повинность свою: гуляли мы, казаки, по морю синему ... и в то время годилось мимо идти послу персидскому ... со своими солдаты и матрозами; и оне напали на нас своею волею и хотели от нас поживитися ... и тут персидскова посла устукали со теми ево солдаты и матрозами”. И на то царь-государь не прогневался, ноипаче умилосердился, приказал Ермака жаловати» [5, с. 70-71]. В то время как у Карамзина читаем: «Восхищённые вестию Атаманов, Строгановы спешили в Москву, до-

несли Государю о всех подробностях и молили его утвердить Сибирь за Россиею ... Явились и Послы Ермаковы, атаман Кольцо с товарищами, *бить челом Иоанну царством Сибирским*» [4, с. 392-393]. Историческое повествование нового времени приводит версию, согласно которой даже и атаман Кольцо не сам отправился в Москву, а «послал от себя Савву Болдырю», которому «храбрости было не занимать. А к тому же он был речист и имел умную голову» [8, с. 548].

Фольклорное сознание, используя вымышленную ситуацию, создаёт парадоксальный эффект – не ослабления, а, напротив, усиления исторической достоверности сибирского похода Ермака. «Вымысел» здесь предстаёт как концентрат идеи восстановления чести, личного, без посредников, снятия бесчестия с Ермака Тимофеевича. Напротив, эпизод гибели Ермака народное сознание формулирует в стилистике, очищенной от эмоций, от «цветов воображения», которые могли бы повредить его образу «атаманакнязя», героически погибшего за своих товарищей: «... и билися-дралися с татарами время немалое. И для помощи своих товарищей он, Ермак, похотел перескочити на другую свою коломенку и ступил на переходню обманчивую, правую ногою поскользнулся он, – и та переходня с конца верхнева подымалася и на ево опускалася, росшибла ему буйну голову и бросила ево в тое Енисею-быстру реку. Тут Ермаку такова смерть случилась» [5, с. 71]. Гибель истинного героя – «для помощи своих товарищей» – говорит сама за себя и не требует дополнительных художественных «аргументов».

В романе А. Иванова «Тобол. Много званных» история о Ермаке встроена в сюжеты «творения судьбы российской Азии» [2, с. 4] в период Петровых преобразований. Здесь соотношение «истины» и «вымысла», исторического и романического задаётся авторским определением жанра – роман-пеплум, предполагающего приоритет широкого, масштабного изображения событий той или иной эпохи, не связанного задачей строгой исторической достоверности [7].

Если народное сознание воспроизводит сибирскую историю о Ермаке исходя из принципа выпрямления – очищения её от несущественных деталей – и гиперболизации и концентрации существенного в этом образе, а сознание классической эпохи предлагает стереоскопическое рассмотрение истории глазами как внешнего наблюдателя, так и изнутри сознания самих творцов этой истории (соотнесённость внешнего и внутреннего), то современная жанровая модификация истории о Ермаке строится на принципе контаминации, «врастания» внешнего и внутреннего друг в друга, их преобразования друг в друге. Механизмом такого «врастания» становится история о Ермаке, переживаемая как факт личной биографии одного из первых сибирских «летописцев» – биографов Ермака – Семёна Ульяновича Ремезова. При этом время теряет свою линейную направленность как рассказ о прошлом – история оживает новыми обстоятельствами, она обретает новые очертания, строится на новых надеждах: «Семёна Ульяновича переполняла память о том, чему он никогда не был свидетелем. Таков, видно, был вышний замысел на него. На каждое

слово он знал песню. Потянешь любую ниточку – и в бесконечность катится клубок» [2, с. 378].

Если у Карамзина «летописец» – это внешняя точка зрения, наблюдатель и собиратель фактов, стремящийся к объективности, хотя и не отказывающий себе в возможности оценки этих фактов, то в романе А. Иванова «летописец» – продолжатель истории, от которого зависит инобытие исторического деятеля: «Семён Ульянович не мог объяснить, что же он чувствовал в Ермаке. Была в нём какая-то правда, которая отзывалась в любой честной судьбе человеческой. Ну, как слово Христа в любой душе отзывается»; «Ермак Сибирь для Христа открыл, чем не подвиг? Александр Невский тоже не поклоны бил, а святой» [2, с. 383].

Для себя, внутренне Ремезов сформулировал эту правду как необходимость канонизации Ермака. Судьба самого Ремезова, как героя романа, строится на попытках узаконить эту правду. Ермак «врастает» в судьбу Семёна Ульяновича, он стал «делом» его жизни, о котором Ремезов хлопочет перед церковными властями. Но и память о Ермаке теперь во многом связана с сюжетом жизни его биографа. Мотив восстановления чести реализуется здесь как борьба формально-официозного и интимно-личного отношения к сибирскому атаману. Очередная попытка добиться помощи в канонизации Ермака от владыки Иоанна терпит неудачу, так как, по мнению владыки, недостаточно очевидных признаков святости Ермака – знамений, чудес, явлений святых, нетленности и чудес на могиле, недостаточно только любви народной: «Одной твоей любви для

канонизации мало. От человека потребен подвиг во Христе» [2, с. 383]. И, хотя Ремезов приводит в доказательство святости Ермака множество свидетельств, точку в этом сюжете ставит формальный признак – факт из прошлого: «А Ермак твой – мятежный. Не быть ему святым» [2, с. 386].

Сама жизнь Ремезова в романе представлена как подвиг собирания Сибирской истории, венцом которой могло бы быть Житие Ермака, о чём «радели» и предшественники владыки Иоанна. Свою часть этого «радения» Ремезов облёк в форму сочинённой им повести «История Сибирская», которая совмещает в себе признаки исторического сочинения – летописи, хроники, поскольку для её создания автор работал с историческими источниками: «Ремезов перерыл древлехранилища Воеводского двора, отыскивая старые грамоты и казачьи “сказки”. Он съездил на места, где казаки бились с татарами, чтобы понять, как проходили битвы»; а также признаки сакрального текста – «как в Евангелии»: «Семён Ульянович разбил своё повествование на стихи. Стихов получилось сто пятьдесят четыре ... каждую страницу разделил по высоте пополам, а в каждом столбце написал стих». Повесть имела и визуальную часть – «картинки»: «Ермака, казаков, татар, леса, горы и реки. ... Сибирь не знала книги, подобной ремезовской “Истории”» [2, с. 382-383]. Если у Карамзина совмещение различных жанровых дискурсов осуществляется на уровне сознания различных субъектов – летописца как внешнего наблюдателя и романиста, стремящегося раскрыть внутренние движения деятелей сибирской истории, то в романе А. Иванова

это совмещение переносится в область духовной деятельности подвижника, стремящегося создать универсальный текст, который будет и историческим повествованием, и Житием; он будет открыт и в прошлое, и в будущее, потому что, как понимает сам Ремезов, «не пришло ещё время Ермака»; он будет «для пользы народа и на радость всем, кто жаждет правды» [2, с. 386].

Наконец, «История Сибирская» стала «текстом» жизни самого Ремезова, она «оплачена» жизнью своего создателя: «Никто не заказывал Семёну Ульяновичу этот труд, никто не оплачивал, да почти никто и не читал. ... Иоанн не притронулся к этой книге» [2, с. 383].

Честь Ермака восстановлена радением, оплачена жизнью создателя повести о нём. Роман-пеплум открывает новые жанровые возможности для работы с историческим материалом. Здесь мотив восстановления чести функционирует не только и не столько как рассказ о подвиге, о его мотивации, сколько как продолжение подвига для восстановления «правды». Летописец, рассказчик истории и герой истории прорастают друг в друга, жизнь одного и память о другом обусловлены друг другом. Жизнь Ремезова и его повесть становятся ино-бытием Ермака.

Таким образом, исследование мотива восстановления чести в произведениях, посвящённых истории завоевания Ермаком Сибири, позволяет утверждать, что его функционирование связано с использованием исторического и романтического дискурсов в сочетаниях, определяемых идейными и ценностными приоритетами той или иной эстетической системы. Функционирование этого мотива де-

монстрирует движение в творческом освоении исторического материала от фольклорной концентрации на самом существенном в истории, гиперболизации самого существенного; через стремление писателя классической эпохи сделать внутреннюю мотивацию поступков героев, наряду с внешними обстоятельствами, важным художественным ресурсом жанра исторического повествования; движение к такой жанровой модели, которая позволяет стирать формальные разли-

чия между историческими эпохами и воспринимать большую историю как начало собственной, личной истории, как «клубок», который «катится в бесконечность» – в произведении современного писателя. Это новый уровень соединения внешнего и внутреннего, объективного и субъективного, общего и личного, способный, не исключено, рождать ощущение «особенной прелести» и «удовольствия», которые так ценил в исторических сочинениях Н.М. Карамзин.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глухов В.И. Карамзин-прозаик и жанр романа // Карамзинский сборник. Россия и Европа: Диалог культур. Ульяновск: «Карамзинская лаборатория», УлГПУ, 2001. 352 с.
2. Иванов А.В. Тобол. Много званых: [роман-пеплум]. М.: Издательство АСТ, 2017. 702 с.
3. Карамзин Н.М. Записки старого московского жителя: Избранная проза. М.: Московский рабочий, 1986. 527 с.
4. Карамзин Н.М. История государства Российского / Изданием книгопродавца Смирдина / В типографии вдовы Плюшар с сыном. Санкт-Петербург, 1834. Т. IX.
5. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым/ подгот. А.П. Евгеньева и Б.Н. Путилов. 2-е изд., доп. М.: Издательство «Наука», 1977. 487 с.
6. Лазареску О.Г. Фольклорный элемент в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина // Вестник славянских культур. 2016. Т. 42. С. 135-141.
7. Пеплум (жанр) [Электронный ресурс] // Википедия. Свободная энциклопедия: [сайт]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B5%D0%BF%D0%BB%D1%83%D0%BC_\(%D0%B6%D0%B0%D0%BD%D1%80\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B5%D0%BF%D0%BB%D1%83%D0%BC_(%D0%B6%D0%B0%D0%BD%D1%80)) (дата обращения: 23.08.2017).
8. Скрынников Р.Г. Далёкий век: Иван Грозный; Борис Годунов; Сибирская одиссея Ермака. Исторические повествования. Л.: Лениздат, 1989. 636 с.
9. Старостина Г.В. Проблема жанра в критике Н.М. Карамзина // Карамзинский сборник. Россия и Европа: Диалог культур. Ульяновск: «Карамзинская лаборатория», УлГПУ, 2001. 352 с.

REFERENCES

1. Glukhov V.I. [Karamzin as a writer and the genre of a novel]. In: *Karamzinskij sbornik. Rossija i Evropa: Dialog kul'tur* [Karamzin's collection. Russia and Europe: dialogue of cultures]. Ulyanovsk, "Karamzinskaya laboratoriya", UlGPU Publ., 2001. 352 p.
2. Ivanov A.V. *Tobol. Mnogo zvannyh: roman-peplum* [Tobol. Many are called: a novel peplum]. Moscow, Izdatel'stvo AST Publ., 2017. 702 p.
3. Karamzin N.M. *Zapiski starogo moskovskogo zhitelja: Izbrannaja proza* [Notes of the old Moscow resident: selected prose]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1986. 527 p.
4. Karamzin N.M. *Istorija gosudarstva Rossijskogo* [History of the Russian state]. Saint Petersburg, 1834, vol. IX.

5. A.P. Evgenieva and B.N. Putilov prepared. *Drevnie rossijskie stihotvorenija, sobrannye Kirsheju Danilovym* [Ancient Russian poems collected by Kirsch Danilov]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 487 p.
6. Lazaresku O.G. [Folk element in the "History of the Russian state" by N. Karamzin]. In: *Vestnik slavyanskikh kul'tur* [Bulletin of Slavic cultures], 2016, vol. 42, pp. 135–141.
7. *Peplum (zhanr)* [Peplum (genre)]. In: *Vikipediya. Svobodnaya entsiklopediya* [Wikipedia. The free encyclopedia]. Available at: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B5%D0%BF%D0%BB%D1%83%D0%BC_\(%D0%B6%D0%B0%D0%BD%D1%80](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B5%D0%BF%D0%BB%D1%83%D0%BC_(%D0%B6%D0%B0%D0%BD%D1%80) (accessed: 23.08.2017)
8. Skrynnikov R.G. *Dal'jokij vek: Ivan Groznyj; Boris Godunov. Sibirskaja odisseja Ermaka. Istoricheskie povestvovanija* [The Distant century: Ivan the Terrible; Boris Godunov. The Siberian Odyssey of Ermak. Historical narrative]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1989. 636 p.
9. Starostina G.V. [The problem of genre criticism in N. Karamzin]. In: *Karamzinskij sbornik. Rossija i Evropa: Dialog kul'tur* [Karamzin's collection. Russia and Europe: dialogue of cultures]. Ulyanovsk, "Karamzinskaya laboratorij", UIGPU Publ., 2001. 352 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Лазареску Ольга Георгиевна – доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы, профессор Московского педагогического государственного университета
e-mail: lazarescu@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga Lazaresku – Doctor in Philological Sciences, associate professor at the Department of the Russian Literature, Moscow State Pedagogical University.
e-mail: lazarescu@inbox.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА:

Лазареску О.Г. Сибирь, Ермак и другие: к вопросу об исторических трансформациях литературных жанров, образов и мотивов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 5. С. 122-130
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-122-130

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Lazaresku O. Siberia, Ermak and others: on the question of Historical transformation of Literary Genres, Images and Motifs. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2017, no. 5. pp. 122-130
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-122-130

УДК 821.111.09

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-131-140

РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ ДЖОРДЖА СТЕРЛИНГА В ТВОРЧЕСТВЕ ДЖЕКА ЛОНДОНА

Лунина И.Е.*Московский государственный областной университет**105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются формы и способы рецепции личности американского поэта, прозаика Джорджа Стерлинга в художественном сознании известного писателя Джека Лондона. Анализ характера творческого диалога писателей проведён на материале наиболее репрезентативных произведений Лондона, его эпистолярного наследия. Уделено внимание особенностям автобиографического дискурса, интертекстуальных связей в анализируемых художественных текстах. Проведённое исследование открывает новые стороны в изучении творческой лаборатории известного американского писателя.

Ключевые слова: Джек Лондон, Джордж Стерлинг, литература США, творческая рецепция, творческая лаборатория писателя.

RECEPTION OF CREATIVE PERSONALITY OF GEORGE STERLING IN JACK LONDON'S WORKS

I. Lunina*Moscow Region State University**10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. This article examines the forms and ways of reception of the personality of the American poet and novelist George Sterling in the artistic consciousness of the famous writer Jack London. The analysis of the nature of the creative dialogue between writers was carried out on the material the most representative London's works and his epistolary heritage. In the article, the attention is paid to the peculiarities of autobiographical discourse, the intertextual relation in the texts. The study opens up new aspects in studying the creative laboratory of a famous American writer.

Key words: Jack London, George Sterling, US literature, creative reception, the creative laboratory of the writer.

Изучение творческой лаборатории писателя – одна из актуальных проблем современного литературоведения. Невозможно анализировать художественный мир писателя без понимания особенностей психологии его труда, формирования мировоззренческой позиции, взаимосвязи с творчеством предшественников и современников. Для литературоведа, исследующего творчество писателя, «особый смысл приобретают горизонты его художественных интересов и его

контакты...» [9, с. 98]. В тех случаях, когда речь идёт о роли личных и творческих отношений между писателями, художественно воплощаемыми в литературном произведении, вопрос о рецепции творческой личности получает расширенное толкование: открываются новые возможности анализа творческого диалога, новые подходы к интерпретации идеи, образной системы произведения, что «предполагает проецирование на другого автора своей картины мира и способов его воплощения» [2, с. 309].

Творчество Джека Лондона хорошо знакомо широкому кругу российских читателей и, безусловно, литературоведам. В своём понимании сути творчества, творческого процесса американский писатель исходил из представления о том, что творчество – это, прежде всего, творческая деятельность, созидание нового мира, работа над собой. Он не раз высказывал мысль, что источником творческой оригинальности является изучение жизни, стремление привнести свой личный опыт в произведение, интерес к лучшим образцам мировой литературы при условии, что писатель откажется от слепого отражения «лучшей чужой оригинальности» [4, с. 36]. Широкий круг общения Дж. Лондона, в том числе с близкими по духу, по взглядам людьми, предоставлял ему богатый материал для собственного творчества.

Особое место в окружении писателя занимал поэт Джордж Стерлинг (George Sterling, 1869–1926), слава которого в Северной Калифорнии первой четверти XX в. была безусловной. И. Стоун назвал его одним из тех «редких поэтов, чьи творения исполнены

красоты, нежности и страстной любви к правде» [8, с. 147]. Дж. Стерлинг сыграл важную роль в деятельности артистической колонии в Кармеле, в Богемском Клубе, объединявшем писателей, художников, театральных деятелей и прочих людей из мира искусства. Со Стерлингом Джек Лондон познакомился в 1901 г., на знаменитых «средах открытых дверей», собиравших творческих людей в его, уже ставшего известным писателем, доме. Впечатление, которое производил Стерлинг на окружающих, И. Стоун описывает так: «Среди них выделялся высокий, атлетически сложенный Джордж Стерлинг, человек чрезвычайно тонкой организации, о котором Джек писал: “У меня есть друг, милейший человек на свете”» [8, с. 147]. В лице Стерлинга Лондон обрел не просто друга – единомышленника в социальных, политических, творческих вопросах. Они открыли друг другу незнакомые им прежде стороны жизни: Стерлинг познакомил Джека с миром Богемского Клуба, Лондон Стерлинга – с жизнью «дна» Сан-Франциско.

Отношение Лондона к Стерлингу как человеку, другу, поэту, в котором он высоко ценил незаурядный творческий потенциал, открывается в их переписке. В каждом письме к Стерлингу, деловом, шутилом, повествующем о ярких событиях или напоминающем эссе, Лондон обязательно ведёт речь о литературе: о сотрудничестве с издательствами, о книгах, спрашивает совета относительно своего творчества, анализирует произведения друга. Зачастую отзывы Стерлинга о произведениях Лондона вызвали бурную эпистолярную дискуссию [16, р. 795] или искреннюю благодарность за «весьма

правильную критику» [16, p. 1143] – они служили для писателя стимулом двигаться дальше на пути литературного мастерства. «Преданная дружба» Стерлинга, его «пылкий темперамент и придиричивый зоркий глаз критика во многом помогали Джеку» [8, p. 147], – так оценивает его помощь И. Стоун.

Лондон не раз высказывает критическое отношение к характеру своего друга: нерешительности, двойственности во взглядах, которые мешают ему добиться подлинного успеха. В письме от 11 июля 1903 г. он пишет, что Стерлинг имеет «свою философию жизни», основанную на «разочаровании и утрате иллюзий», и, кажется, не желает подчас думать глубоко и полно; сокрушается, что его друг проживает жизнь «слепо», пребывая в какой-то своей, не подлинной реальности. Завершает письмо Лондон похожей на извинение фразой: «...я не знаю, как смог написать это» [16, p. 374].

Близость взглядов не означала их полного совпадения. Так, Лондон замечает: «Я не могу понять культ богатых людей Джорджа – он ничего не получил от них; обычно он даёт им больше, чем они ему» [16, p. 911]. И в вопросе об отношении к А. Бирсу, которого Стерлинг считал своим учителем, «ментором» [9, с. 110-111], друзьям было трудно прийти к согласию. Критикуя Бирса, Лондон призывает друга быть объективным к литературным достоинствам его произведений и выражает надежду, что им не придётся ссориться из-за несовпадения взглядов [16, p. 578].

Анализируя присланные Стерлингом стихотворения, поэмы, рассказы, Лондон обязательно указывает на то, что ему понравилось, на сильные, как

ему кажется, стороны произведения, не жалея красочных эпитетов; критикуя, он обязательно спрашивает, согласен ли он с его мнением, допускает свою неправоту («...может быть, я не прав» [16, pp. 557-558]).

В сентябре 1907 г. в журнале *Cosmopolitan magazine* была опубликована, пожалуй, самая известная поэма Стерлинга «Вино волшебства» (*Wine of Wizardry*), которая вызвала бурную реакцию по всему континенту, и была поддержана «культурным штурмом», обеспеченным его ментором, А. Бирсом. В статье-отзыве о поэме Стерлинга Бирс отмечал не только то, что Стерлинг «великий поэт – несравненно величайший поэт из всех, кого мы знаем по эту сторону Атлантики», но и то, что эта поэма ставит его в один ряд с Китсом, Колриджем и Росетти [13]. Выражая свой восторг по поводу поэмы, Лондон верно подметил, что Стерлинг-поэт обладает «властью над красотой» [16, p. 712]. Проникновенно отзываясь он о «Сонетах Забвению» (*Three Sonnets of Oblivion*), посвящённых поэтессе Норе Мэй Френч, жившей в Кармеле и незадолго до того покончившей с собой от несчастной любви к их общему другу Дж. Хопперу [16, p. 794]); хвалит поэму «Стезя Портола» (*Path of Portola*) [16, p. 1269].

Более строгой критике в письмах подвергаются рассказы Стерлинга. Довольно жёстко, но, вместе с тем, корректно, отзываясь Лондон об «Алом яйце» (*The Scarlet Egg*): «...тебя там нет ...; необходимо учитывать, для какой аудитории предназначен рассказ. Что намереваешься дать читателям бульварных изданий? ... Всё, что они хотят, – шутки...» [16, p. 1143]. На необходимости выражения в рассказе

авторской позиции настаивает Лондон, анализируя два рассказа Стерлинга, написанные, по его словам, в «непопулярном стиле Бирса» – они «лишены формы и точки зрения, авторской позиции» [16, p. 1542].

Доверие Стерлинга Лондону как другу и писателю было столь значительно, что он передал ему несколько сюжетов, на основе которых Лондон написал рассказы «Первый поэт» (*First poet*) и «Красное божество» (*The Red One*). В письме от 7 марта 1916 г. писатель выражает своё восхищение способностью Стерлинга придумывать сюжеты и удивляется тому, что его друг пишет интересные вещи и отказывается ставить под ними своё имя, сетует по поводу его неуверенности в своих силах, в своём таланте [16, p. 1542].

Дж. Дейл отмечает роль творческой рецепции поэзии Стерлинга, в частности, «образа Сан-Франциско как „Города на море“, „Холодного, серого города любви“» [11], в стихотворениях Лондона и в его романах. Речь идёт о двух стихотворениях Стерлинга – «The City by the Sea» и «Cool, Grey City of Love». О влиянии поэзии Стерлинга на Лондона пишет и автор предисловия к изданию его поэтических сочинений, вышедшему в США в 2014 г. [15].

В 1914 г. вдохновлённый многократными призывами друга, Лондон решает написать для Богемского Клуба музыкальную пьесу (в 1907 г. подобную пьесу, под названием «Лесная пьеса», написал и поставил в театре Клуба Стерлинг) [16, p. 1376]. Идея пьесы «Сеятель желудей» (*Acorn-planter*, 1915) – представить войну как противное человеческой природе и цивилизации действие – созвучна мыслям Стерлинга в сонетах о войне (*War: A Sonnet*

Sequence), разоблачавших грубость и безумие войны [16, p. 1376].

Особого внимания, как нам представляется, заслуживает анализ прозаических произведений Дж. Лондона с точки зрения аллюзий на образы, развёрнутые метафоры в стихотворениях и поэмах Дж. Стерлинга. Так, название романа «Межзвёздный скиталец» (*The Star Rover*, 2015) в связи с раскрытием темы путешествия как путешествия духовного, реализованного в фантастическом сюжете странствий героя по прошлым жизням, может быть свидетельством интертекстуальных связей с поэмой Дж. Стерлинга «Свидетельство небес» (*The Testimony of Suns*, 1903), одним из «наиболее импрессионистичных» [14] произведений Стерлинга. В письме к А. Бирсу поэт высказывал надежды на понимание «интеллектуально подготовленными читателями» того, что поэтически выраженное в поэме заклинание к звездам – «это только аллегория поисков человеком вселенского секрета жизни» [14]. На такого рода аллегорическое прочтение мотива «странствия» рассчитывал и Дж. Лондон, задумывая свой роман: «Ключ к пониманию книги: триумф духа» [16, p. 1315].

В стихотворении «Джордж Стерлинг» Дж. Лондон создаёт романтический образ поэта, остро чувствующего красоту, создающего поэтическим воображением собственный мир, поэта, который «отважился подойти к священному краю». Завершает стихотворение Лондон риторическим вопросом: «Разве Бог будет гневаться на то, с каким пылом он это сделал?» [17]

Стихотворение Дж. Стерлинга «Спиной к спине к грот-мачте» (*Back to back against mainmast*), позже пере-

именованное им в «Пиратскую песню» (*Pirate Song*), Лондон взял в качестве эпиграфа к своему роману «Сердца трёх» (*Hearts of Three*, 1916). Эпиграф играет важную роль в понимании литературного произведения, он «призван раскрыть художественный замысел автора, выразить основную коллизию, тему..., дать авторскую оценку изображаемому, воссоздать обстановку, в которой происходит действие и т. д.» [10, с. 91]. Центральный образ стихотворения – эпиграфа – образ людей, «спиной к спине» отражающих нападения врага, – даёт ключ к пониманию идеи, проблемно-тематического комплекса романа. Тема романтической удали пиратской жизни, основная в стихотворении, трансформируется Лондоном в мотив приключений, реализуемый в контексте художественного воплощения темы духовной преемственности, дружбы, темы денег. В тексте романа звучат строки из стихотворения-эпиграфа, что позволяет автору создать напряжённую, исполненную романтического пафоса атмосферу действия, обнаружить важные для понимания идеи произведения черты характера персонажей. Так, впервые в тексте звучит «Пиратская песня», когда Френсис Морган, примеряет одежду своего деда, которого называет «старым пиратом», ведя мысленный диалог с ним [5, с. 38]. Как раньше пираты спиной к спине сражались против врага, Френсис со своим неожиданно найденным братом противостоит козням врагов. Оба они – внуки старого пирата Генри, унаследовавшие от своего предка силу духа, умение ценить дружбу, любовь. Лейтмотив в романе – строки из стихотворения, звучащие в кульминаци-

онные моменты действия, когда они приходят на выручку друг другу. Тема денег в романе также получает переосмысление: для пиратов Стерлинга добыча («груз и женщины») – основная цель. Клад Моргана, деньги Френсиса, сокровища индейцев Майя, богатство Той, Которая Грезит для героев Лондона, по мере развития сюжета, перестают быть основной целью. Оказавшись в ситуации, когда «деньги не имели цены» [5, с. 114], они делают выбор в пользу нравственных ценностей. Стихотворение Стерлинга в качестве эпиграфа, таким образом, является «выражением авторской позиции», паратекстуальным элементом, имеющим характер «прямого авторского послания» [6, с. 65]. Обращение к «Пиратской песне» как претексту позволяет Лондону реализовать собственные творческие задачи, художественно переосмыслив его образно-тематический ряд.

И.И. Плеханова справедливо замечает, насколько важен поиск прототипов литературных героев: «Поиск литературного прототипа... интересен и для выяснения глубины литературного психологизма, и для определения своеобразия личности художника» [7, с. 141]. Джордж Стерлинг как яркая неординарная личность вдохновил Дж. Лондона на создание столь же ярких, запоминающихся образов в романах «Мартин Иден» (*Martin Eden*, 1909) и «Лунная долина» (*The Valley of the Moon*, 1913).

Герой романа «Мартин Иден» Рэсс Бриссенден, поэт-энтузиаст, предупреждающий Мартина о недопустимости компромиссов в искусстве, – образ, по словам Р. Кингман, собирательный: он соединил в себе черты друзей пи-

сателя Уитейкера, Стоун-Гамильтона, Стерлинга [1, с. 228]. Называя наряду со Стерлингом прототипом Идена Джона Китса, М. де Гузман устанавливает то общее, что объединяло американского и английского поэтов: похожие события в биографии, творческая близость – «мотив поклонения красоте» [12, pp. 108-109], что и нашло воплощение в образе, созданном Лондоном.

Рецепция творческой личности Стерлинга в романе реализуется на нескольких уровнях. Совпадают детали в портрете, внешнем облике, факты биографии (учёба в католическом колледже). Бриссендена Лондон наделяет чертами характера, восхищавшими его в друге: способностью глубоко мыслить, обладанием глубокими знаниями в различных областях науки и искусства, подлинной интеллигентностью – именно эти качества отмечает Иден в своём новом знакомом [3, с. 247]. Он видит в нём «воплощённый идеал мыслителя», самобытного, оригинального, нашедшего «кратчайший путь к истине» человека, «достойного поклонения» [3, с. 248]. Оценка Мартина – это отражение мыслей и чувств Лондона по отношению к Стерлингу. Особенно важно для автора было показать характер отношений Бриссендена и Идена: творческую составляющую (отношение к искусству, к жизни) и личную (дружба – взыскательная, искренняя, настоящая, основанная на честном бескомпромиссном отношении друг к другу). Важную роль при этом играет речевой дискурс эпизодов, воспроизводящих встречи друзей: о чём они спорят, что обсуждают, пафос их речей и т. д. Темы их разговоров, перерастающих в дискуссию, зер-

кально отражают тематику разговоров (устных и письменных) автора романа и его друга: процесс творчества, настоящая литература и литературная подёнщина, деятельность издательств, критики и рецензенты, истинная Красота, политика, социализм. Взгляд на творчество Бриссендена – отражение эстетической позиции и Лондона, и Стерлинга: «Радость поэта в самом творчестве, а не в достигнутом успехе» [3, с. 254]. Проблема творчества как акта проявления личного «я» писателя и объекта общественного воздействия реализуется в мотиве судьбы поэмы Бриссендена «Эфемериды»: восторг Мартина, отказ Бриссендена печататься, опубликование её Мартином после смерти друга и последующее его разочарование в откликах на неё. Все эти сюжетные составляющие мотива в основе своей имеют автобиографические черты (аллюзии на поэму Стерлинга «Вино волшебства»). Таким образом, можно говорить об автобиографическом характере не только образа Бриссендена, но всей сюжетной линии отношений Бриссендена и Идена.

В романе «Лунная долина» также появляется герой, прототипом для которого послужил Дж. Стерлинг. Во второй части романа герои, Билл и Саксон, покинувшие Чикаго, разочаровавшиеся в городской жизни, колесящие по Западу Америки в поиске своей мечты – свободной земли для плодотворного фермерского труда, оказываются в колонии художников, литераторов, театральных деятелей в Кармеле. Для Билла и Саксон знакомство с «тёплой компанией», как называют себя жители деревушки, стало важным этапом саморазвития. Модель отношений в этом сообществе с

фактографической точностью воспроизводит характер отношений между завсегдатаями Кармела и Богемского клуба: дружеское подтрунивание, спортивные занятия, творчество в повседневной жизни, игры, но и серьёзный труд – каждый здесь это, прежде всего, великий труженик.

В коллективном портрете компании выделяется своим авторитетом и масштабом личности Марк Холл, в котором угадываются черты Стерлинга. Холл чувствует себя свободно в Кармеле – это его мир, в который он охотно впускает Билла и Саксон. Холл приглашает новых друзей пожить в его доме. Дом Холла, заполненный книгами, картинами, – место постоянных встреч друзей. Гостеприимство было общим для Лондона и Стерлинга качеством (в доме Стерлинга в Кармеле часто жили Лондон и его жена, Чармиан; не раз гостил у Лондона и Стерлинг) – этим качеством автор наделяет и героя романа. Такого рода совпадений можно найти много. Особое внимание, как и в «Мартине Идене», Лондон уделяет разговорам, спорам в доме Холла, которые интересуют, скорее, Саксон, нежели Билла, – они люди

разного социального происхождения, культурного уровня (да и идейная задача у них в романе разная). Атмосфера в Доме Холла, тематика и характер споров – отражение реальных событий, но сам Холл – это во многом всё же, как и Бриссенден, собирательный образ. Мысли, которые он высказывает, – это мысли и Стерлинга, и самого Лондона. Например, резкая характеристика, которую он даёт отношению американцев к земле, к вопросам демократии, к тому, во что превратилась «американская мечта».

Творческий диалог двух близких по духу, взглядам писателей, Дж. Лондона и Дж. Стерлинга, основанный на личных отношениях и на близости эстетических приоритетов, нашёл отражение в художественном мире их произведений. Анализ эпистолярного наследия, автобиографического дискурса, форм и способов рецепции творческой личности и творчества Дж. Стерлинга в художественном сознании Дж. Лондона позволяет не только приоткрыть новые грани личности известного американского писателя, но и расширить горизонты понимания литературного процесса США начала XX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кингман Р. Иллюстрированная жизнь Джека Лондона / пер. с англ. М.: Искусство, 1998. 368 с.
2. Левакин Н.Н. Художественная рецепция как литературоведческое понятие (к вопросу понимания термина) // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2012. №27. С. 308–310.
3. Лондон Дж. Мартин Иден // Лондон Дж. Собр. соч. : в 13 т. / пер. с англ. М.: Правда, 1976. Т. 7. С. 5–367.
4. Лондон Дж. О писательской философии жизни // Лондон Дж. Собр. соч.: в 2 тт. М.: Терра-книжный клуб, 2001. Т. 1, С. 35–40.
5. Лондон Дж. Сердца трёх // Лондон Дж. Сердца трех: Роман и рассказы. М.: Профиздат, 2005. С. 3–336.
6. Метласова Т.М. Заглавие и эпиграф художественного текста как объект интертекстуального анализа (на примере произведений англоязычной литературы) // Ино-

- странные языки в контексте межкультурной коммуникации. Материалы докладов VI Международной Интернет-конференции. 2014. Саратов: ИЦ «Наука», 2014. С. 65-70.
7. Плеханова И.И. Литературный герой как «прототип» личности писателя; условия «узнавания» и художественные следствия идентификации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 1 (33). С. 139-158.
8. Стоун И. Моряк в седле: Художественная биография Джека Лондона / пер. М.И. Канн. М.: Книга, 1987. 334 с.
9. Танасейчук А.Б. Литературный круг Амброза Бирса в 1890–1900-е гг. // Литература двух Америк. М.: ИМЛИ РАН им. А.М. Горького. 2017. № 2. С. 96-116.
10. Шейранян С.З. Значение эпитафия для понимания художественного смысла текстового целого // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2016. № 1. С. 90-96.
11. Dale G. Jack London, California Cannabis Pioneer. March 2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.canorml.org/history/London-CannabisPioneer.pdf> (дата обращения: 15.08.2017).
12. De Guzman M., Lopez D. Transvaluation in Martin Eden // Jack London: One Hundred Years a Writers / ed. by S.S. Hodson, J.C. Reesman. San Marino, California: Hantington Library, 2002. P. 98–123.
13. Dunn G. George Sterling's "Wine of Wizardry" sparked a clash of critics, 2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sfgate.com/books/article/George-Sterling-s-Wine-of-Wizardry-sparked-a-3299195.php#> (дата обращения: 14.09.2017).
14. Introduction to The Thirst of Satan: Poems of Fantasy and Terror by George Sterling. New York: Hippocampus Press, 2003. [Электронный ресурс]. URL: http://stjoshi.org/intro_thirst.html. (дата обращения: 14.09.2017).
15. Labor E. A natural-born poet // The Complete Poetry of Jack London / Ed. by D.J. Wichlan. Second Edition. New London, CT: Little Red Tree Publishing, LLC, 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://littleredtree.com/the-complete-poetry-of-jack-london/>. (дата обращения: 14.09.2017)
16. Letters from Jack London : in 3 V. / ed. by E. Labor. Stanford: Stanford Univ. Press, 1988. 1657 p.
17. London J. George Sterling // Джек Лондон. Юношеские стихи (пер. с англ. М. Лукашиной) [Электронный ресурс]. URL: <http://bibliogid.ru/pisатели/literaturnyj-salon/714-dzhhek-london-yunosheskie-stikhi-per-s-angl-m-lukashkinoj>. (дата обращения: 10.06.2017)

REFERENCES

1. Kingman R. *Illyustrirovannaya zhizn' Dzheka Londona* [The illustrated life of Jack London]. Moscow, Iskustvo Publ., 1998. 368 p.
2. Levakin N.N. [Artistic reception as a literary concept (understanding of the term)]. In: *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo. Gumanitarnye nauki*. [News of Belinsky Penza State Pedagogical University. Humanities], 2012, no 27, pp. 308–310.
3. London J. [Martin Eden]. In: *London J. Collected works.*, vol. 7. Moscow: Pravda, 1976. pp. 5–367.
4. London J. [On writer's philosophy of life]. In: *London J. Collected works*, vol. 1. M.: Terraknizhnyi klub, 2001. pp. 35–40.
5. London J. *Serdtsa trekh: Roman i rasskazy* [Hearts of three: a novel and stories]. Moscow, Profizdat Publ., 2005. pp. 3–336.

6. Metlasova T.M. [The title and epigraph of a literary text as an object of intertextual analysis (on the example of works of English literature)]. In: *Inostrannyye yazyki v kontekste mezhkul'turnoi kommunikatsii. Materialy dokladov VI Mezhdunarodnoi Internet-konferentsii* [Foreign languages in the context of intercultural communication. Proceedings of the VI International Internet conference]. Saratov, Nauka Publ., 2014. pp. 65–70.
7. Plekhanova I.I. [Literary character as a “prototype” of the writer’s personality; the terms of “recognition” and the artistic investigation of identification]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal. Philology], 2015, no. 1 (33), pp. 139–158.
8. Stone I. *Moryak v sedle: Hudozhestvennaya biografiya Dzheka Londona* [Sailor on horseback: the artistic biography of Jack London]. Moscow, Kniga Publ., 1987. 334 p.
9. Tanaseichuk A.B. [Literary circle of Ambrose Bierce in 1890–1900s]. In: *Literatura dvukh Amerik* [Literature of the Americas]. Moscow, IMLI RAN im. A.M. Gor'kogo, 2017, no. 2, pp. 96–116.
10. Sheiranyan S.Z. [The value of the epigraph for understanding the artistic meaning of the whole text]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'* [Buletting of RUDN. Series: Language Education and Translingual Practices]. M.: RUDN, 2016, no. 1, pp. 90–96.
11. Dale G. Jack London, California Cannabis Pioneer. March 2005. Available at: URL: <http://www.canorml.org/history/London-CannabisPioneer.pdf> (accessed: 15.08.2017).
12. De Guzman M., Lopez D. [Transvaluation in Martin Eden]. In: *Jack London: One Hundred Years a Writers*. San Marino, California: Hantington Library, 2002. P. 98–123.
13. Dunn G. George Sterling’s “Wine of Wizardry” sparked a clash of critics, 2007. Available at: URL: <http://www.sfgate.com/books/article/George-Sterling-s-Wine-of-Wizardry-sparked-a-3299195.php#> (accessed: 14.09.2017).
14. Introduction to *The Thirst of Satan: Poems of Fantasy and Terror by George Sterling*. New York: Hippocampus Press, 2003. Available at: URL: http://stjoshi.org/intro_thirst.html. (accessed: 14.09.2017).
15. Labor E. [A natural-born poet] In: *The Complete Poetry of Jack London*. New London, CT: Little Red Tree Publishing, LLC, 2014. Available at: URL: <http://littleredtree.com/the-complete-poetry-of-jack-london/>. (accessed: 14.09.2017).
16. Labor E., ed. *Letters from Jack London*. Stanford: Stanford Univ. Press, 1988. P. 1657.
17. London J. George Sterling. Available at: URL: <https://americanliterature.com/author/jack-london/poem/george-sterling>. (accessed: 10.06.2017)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лунина Ирина Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой истории зарубежных литератур Московского государственного областного университета;
e-mail: lounir_odin@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina Lunina – doctor in Philological Sciences, professor, the head of the Department of the History of foreign literature in Moscow Region State University
e-mail: lounir_odin@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лунина И.Е. Рецепция творческой личности Джорджа Стерлинга в творчестве Джека Лондона // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 5. С. 131-140

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-131-140

FOR CITATION

Lunina I.Y. Reception of creative personality of George Sterling in Jack London's works. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2017, no. 5, pp. 131-140

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-131-140

УДК 821.161.1.09Вересаев В.В.

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-141-148

РОМАН В.В. ВЕРЕСАЕВА «В ТУПИКЕ»: ЛЕТОПИСЬ «ХАМСКОГО» ЦАРСТВА РЕВОЛЮЦИИ

Новичкова Д.А.

Московский государственный областной университет

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена исследованию взглядов русского писателя В.В. Вересаева на итоги революции 1917 г. На основе анализа содержания романа «В тупике», посвящённого описанию гражданской войны в Крыму, и сопоставления его с произведениями значимых русских писателей изучаемого периода сделана попытка представить мнение В.В. Вересаева относительно причин и последствий произошедшего переворота. Подчёркивается сложность и неоднозначность взглядов русской интеллигенции на революцию, зоркость наблюдений и оценок событий В.В. Вересаевым и его персонажами.

Ключевые слова: революция 1917, гражданская война, русская интеллигенция, литературный контекст начала XX в., В.В. Вересаев, сопоставление.

V. VERESAEV'S NOVEL «AT THE DEAD END»: THE CHRONICLE OF «BOORISH» KINGDOM OF REVOLUTION

D. Novichkova

Moscow Region State University

10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to views of V. Veresaev on the outcome of the revolution of 1917. Based on the analysis of the content of the novel "At the dead end", devoted to the description of the civil war in Crimea, and matching it with the works of important Russian writers of the studied period, an attempt is made to represent the opinion of V. Veresaev about the causes and consequences of the coup. We emphasize the complexity and ambiguity of attitudes of the Russian intelligentsia to the revolution, including V. Veresaev.

Key words: the revolution of 1917, the civil war, the Russian intelligentsia, the literary context of the early 20th century, V. Veresaev, comparison.

«Жизнь катилась, шумя и бурля, – дикая, жестокая и жуткая, сбросившая с душ все сдержки, разнуздавшая самые тёмные страсти» [6, с. 420].

Русский мыслитель Иван Ильин в книге «О сопротивлении злу силою» писал о революции 1917 г.: «Грозные и судьбоносные события, постигшие нашу чудесную и несчастную родину, проносятся опаляющим и очистительным огнём в наших душах» [7, с. 3]. Оценка происходящих событий, сложных и противоре-

чивых, осознание собственной вины каждого человека, его места и назначения в новой жизни явилось центральной темой для представителей культуры XX в. Писатели живо реагировали на изменения, происходившие в государстве и в умах людей. Исторический процесс воспринимался ими и воплощался в произведениях, в которых конкретные судьбы и события отражались через поведение и поступки персонажей, имевших прототипы, и вымышленных [11, с. 188].

У каждого мыслителя и художника был свой взгляд на проблемы, которые подняла революция в русском обществе. О надеждах на светлое будущее после переворота, о разочаровании в них, о трудностях гражданской войны, страданиях человека в этом историческом хаосе писали А. Блок, М. Волошин, М. Горький, И. Бунин, В. Маяковский, М. Булгаков, А. Фадеев, М. Шолохов, Вс. Иванов, Артём Весёлый... Этот ряд можно продолжить, присоединяя к нему деятелей русского зарубежья.

Некоторые поэты поддерживали переворот, возлагая надежды на изменение жизни общества к лучшему. Маяковский славил революцию, призывал всех до единого шагать к будущему, где «за горами горя солнечный край непочатый», сознавая, что путь этот сопровождается отнюдь не гуманными идеями, требовал единения: *«Крепи / у мира на горле / пролетариата пальцы! / Флагами небо оклеивай!»* [9, с. 6]. Александр Блок писал матери 20 марта 1917 г., т. е. после Февральской революции: «Всё происшедшее меня радует. – Произошло то, чего никто ещё оценить не может, ибо таких масштабов история ещё не знала. Не

произойти не могло, случиться могло только в России. ... Все мои пока немногочисленные дорожные впечатления от нового строя – самые лучшие, думаю, что все мы скоро привыкнем к тому, что чуть-чуть «шокирует»» [2, с. 479].

Со временем прозаики и поэты поняли, что 1917 г. – это всего лишь начало нового периода в жизни России, который сулил продолжение кровопролития, иностранной агрессии и междоусобицы. И. Бунин размышлял: «Кончился этот проклятый год. Но что дальше? Может, нечто ещё более ужасное» [5, с. 277]. М. Булгаков в фелетоне «Киев-город» констатировал: «... Были времена легендарные, те времена, когда в садах самого прекрасного города нашей Родины жило беспечальное, юное поколение. Тогда-то в сердцах у юного поколения родилась уверенность, что вся жизнь пройдёт в белом цвете, тихо, спокойно, зори, закаты ... И вышло совершенно наоборот. / Легендарные времена оборвались, и внезапно, грозно наступила история» [4, с. 307].

Одно из первых произведений художественной литературы, в котором обнажены разные стороны революции, по мнению некоторых литературоведов, принадлежит В.В. Вересаеву¹ [10, с. 127]. Писатель-врач в молодые годы увлекался народничеством, затем поверил в марксизм, в необходимость революции, но уже в 1905 г., после первых митингов и поражений, осознал

¹ В 2017 г. исполнилось 150 лет со дня рождения писателя. Юбилей сопровождался научными конференциями, публикациями статей, выпуском специальных телевизионных программ, что стимулировало возобновление интереса к Вересаеву и новое осмысление его творческого наследия.

сложность и отрицательные перспективы грядущего переворота. Он на себе испытал многочисленные беды, обрушившиеся на людей вследствие революционных преобразований.

В 1918 г. Вересаев с женой уехали на дачу в Коктебель и пробыли там 3 года, по сути, в центре гражданской войны. В автобиографической записке автор вспоминал, что «за это время Крым по несколько раз переходил из рук в руки». Нескладно протекала его собственная жизнь в эти годы: «Шесть раз был ограблен, больной испанкой в 40 градусов мороза полчаса лежал под револьвером пьяного красноармейца, через два дня расстрелянного. Неоднократно арестовывался белыми. Болея цингой...» [10, с. 131] Пребывание в зоне политических страстей было крайне тяжёлым, но Вересаев проявил силу и терпение. Будучи врачом, он смог помогать нуждающимся, получая за свою работу еду – яйца и сало.

В 1921 г. Вересаев вернулся в Москву, где начал работать над романом «В тупике» (1920–1923), обнажил в нём противоречивость революционных обстоятельств и событий, абсурдных и жестоких. Исследователь Ф. Кулешов в статье «Подвижник» заметил: «Цель, поставленная в романе «В тупике» Вересаева, – изобразить революцию и гражданскую войну без прикрас, без малейшего налёта лжи и лака, сказать чистую правду о той героической и кровавой эпохе, – блестяще достигнута» [8, с. 16].

Событийный план романного сюжета развёртывается в Крыму, где собрались люди с разными убеждениями. В центре повествования – семья ссыльного врача Ивана Ильича Сартанова. Многие исследователи подчёр-

кивают родственность черт характера этого персонажа автору. Интеллигентность, благородство, принципиальность, собственное мнение, которое отстаивает Иван Ильич при любой власти, – эти качества проявлял и сам Вересаев в эти годы.

Сартанов, революционер по духу, бесстрашно выражавший своё отношение к перегибам царской власти, остаётся честным и в новое время – он не смог принять «гримас», которые принесла революция. Прежний мир рухнул, а в новом мире врачу-интеллигенту места нет. Сартанов признался: «Мы морально разбиты, революция заплевана, стала прибыльным ремеслом хама, сладострастной утехой садиста. И на это всё смотреть, это всё видеть – и стоять, сложив руки на груди, и осознавать, что нечего тебе тут делать. И что нет тебе места...» [6, с. 374]. В итоге герой разочаровывается в жизни, не видит смысла в дальнейшем пребывании среди мира нелепостей. Он предлагает дочери Кате уйти в «царство теней» (вероятно, отправиться в эмиграцию), но она не может принять такой позорный выход – сбежать, сдаться.

Советские критики считали, что название романа относится в первую очередь к Сартанову. Именно люди его типа (либеральная интеллигенция) оказались в тупике. Они отреклись от монархии, были поборниками переворота, но не смогли принять путей достижения власти мятежниками, их нравственное чувство не принимало жертв, которые плодил переворот.

Революционная действительность обнажила проблемы, которые в какой-то мере были страшнее, глубже тех, которые имели место до разрушения

монархического государства. Младшая дочь Сартанова Катя, оказавшись в камере с арестованными контрреволюционерками, восклицала: «Когда же кончится это хамское царство!» [6, с. 439]. Сопоставление прошлого и настоящего приводит её к печальному обобщению: «Я сидела в царских тюрьмах, меня допрашивали царские жандармы. И никогда я не видела такого зверского отношения к заключённым, такого топтания человеческой личности, как у вас...» [6, с. 443]. Она во многом унаследовала нравственные принципы отца – честна, открыта. Столкнувшись с произволом, насмешками рабочих и солдат над тем, что теперь и она находится на одной ступени с ними, Катя пыталась вразумить их, осуждала злобу, жестокость, искажённое понимание реальности.

С приходом советской власти, в отличие от отца, Катя вышла на работу в отдел образования и просвещения, но оставалась верна себе в любой ситуации. Многие «несогласные» в её окружении подстраивались под новую власть, чтоб «новая» жизнь для них по комфорту не сильно отличалась от прежней. Вересаев называет это «сделкой с совестью» [6, с. 505]. Но Катю ещё более, нежели приспособленчество «бывших» интеллигентов, огорчало всеобщее «озверение» и нравственное падение народа [6, с. 385]. Особенно ярко изображён в романе произвол людей, получивших власть. Грабежи, прикрытые законными основаниями, обыски, действия «чрезвычайки», расстрелы, разбой, пьянство, взятки, бумажная волокита, бездействие руководителей отделов – всё это угнетало людей, усугубляло и без того сложную ситуацию. Катя возмущалась: «Почему

не арестовываете людей вроде этого вашего Зайдберга или Искандера? Они своими действиями ещё больше подрывают авторитет вашей власти, чем всякие контрреволюционные пропаганды» [6, с. 443].

Молодой человек Дмитрий, к которому Катя была дружески расположена до начала революционных событий, после того как ушёл к добровольцам, подвел итог своим наблюдениям: «Происходит новое нашествие варваров. Ведь, по существу, это война против культуры, против всех высших духовных ценностей. ... Культура гибнет, кругом всё разрушают, жгут, разваливают. ... А главное, я и в народ потерял всякую веру. Теперь он открыл свой лик – тупой, алчный, жестокий» [6, с. 353-354]. Подобные оценки высказывают многие герои на протяжении романа. Изыщно одетый адвокат Мириманов так характеризовал нравственный облик новых хозяев: «Всё портят, ломают, загаживают. Ни в чём никакого творчества, какое-то сладострастное разрушение всего, что попадает на глаза. И какое топтание личности, какое неуважение к человеку!..» [6, с. 420] Намерения большевиков вызывают у него недоумение: «С гуннами вздумали устраивать социалистический рай!» [6, с. 420]

Тему кризиса культуры, поругания традиций и настоящих ценностей русского народа освещали в те годы многие писатели. Александр Блок в статье «Крушение гуманизма» подметил: «Я утверждаю, наконец, что исход борьбы решён и что движение гуманной цивилизации сменилось новым движением...; теперь оно представляет из себя бурный поток, в котором несутся щепы цивилизации...» [1, с. 115]

М. Булгаков этой проблеме посвятил немало произведений, в том числе рассказ «Ханский огонь» (1922), в котором герой рассказа, потомок дворянского рода, становится свидетелем грубого осмеяния «новыми людьми» его матери, предков, истории рода и поджигает усадебный дом, в котором вырос.

Иван Шмелёв в романе «Солнце мёртвых» также описывает разруху, наступившую в «новом» времени: «Заброшены сады. Опустошены виноградники. Обезлюжены дачи. Бежали и перебиты хозяева, в землю вбиты! – и новый хозяин, недоуменный, выбил стёкла, повырывал балки... повыпил и повыпил глубокие подвалы, в кровине поплавал, а теперь, с праздничного похмелья, угрюмо сидит у моря, глядит на камни» [12, с. 15].

После выхода романа «В тупике» он получил репутацию контрреволюционного, но это было слишком категоричное определение, так как писатель не идеализировал ни одну из враждующих сторон, объективно показывая суровую картину эпохи. Вересаев изобразил десятки персонажей: крестьян, рабочих, солдат, дворян, профессоров, актёров, певцов переставших существовать императорских театров... В обществе всё перемешалось, утратилось былое разумное устройство. В «новом мире» ключевое отличие между людьми стало определяться их социальными взглядами и приверженностью к одной из противоборствующих сторон.

Члены семьи Сартановых также оказались в этом водовороте идейных и политических разногласий. Старшая дочь Ивана Ильича Вера перешла на сторону красных. Она жила в Петро-

граде, отличалась беспредельной верностью делу революции, энтузиазмом, выдержкой. Потом работала в ревкоме в Москве, была направлена в Крым. Сартанов порвал отношения с Верой, категоричность позиций навсегда развела отца и дочь по разные стороны баррикад. Белогвардейцы, оттеснившие красных, учинили расправу над коммунистами «на тех же свалках, где они сами расстреливали» [6, с. 542], погибла вместе с другими и Вера.

Тема обывательской «мести» с обеих враждующих сторон проходит через весь роман. Вопрос Сартанова: «Что такое большевизм?» – находит простодушный ответ молодой крымчанки: «Дачи грабить» [6, с. 345]. Негодование и смех старого врача не смутили девушку, ведь, по её мнению, есть весомое объяснение разбою: «Мы работаем. А дачники всё лето на берегу лежат ...» [6, с. 345] Стоит заметить, что тот же образ возникает в конце романа, когда белые возвращают власть снова в свои руки. После перенесённых ужасов, тяжестей и лишений дачники, не вынеся уроков из пережитого, «опять голые на песке лежат» [6, с. 542], – как прежде, будто ничего не произошло, ходят барышни в шляпках и мужчины в сюртуках, но продолжают расстрелы, грабежи, хаос и при белой власти.

Возвращение белогвардейцев принесло новое разочарование. Ведь, по мнению героя Вересаева, у бывших интеллигентов «была только неистовая злоба к большевикам, сквозь которую откровенно пробивалась ненависть к пробудившемуся народу и страх за потерю привычных удобств и выгод» [6, с. 370]. А большевики осуждали мягкотелость и недалёковидность выс-

шего общества. Леонид, племянник Сартанова, рассуждал: «Хамы делают революцию, льют потоками чужую кровь – да! Но ещё больше льют свою собственную. А благородные интеллигенты, “истинные революционеры” только смотрят и негодуют» [6, с. 379].

Изображённая Вересаевым семья Сартановых, в которой оказались рядом люди взаимоисключаемых мировоззрений, отражала состояние обаятой мятежом России. Все главные персонажи оказались «в тупике»: старый врач Сартанов, потеряв цель существования, ушёл из жизни, обесиленный цингой; его жену убили случайно пьяные дебоширы-казаки; Веру расстреляли белогвардейцы; Катя после похорон отца уехала в неизвестном направлении, поскольку не смогла продолжить борьбу, убедившись, что люди «сражаются за ненужное» [6, с. 359].

В романе Вересаева показано множество ситуаций, в которых человек вынужден выбирать между нравственным долгом и меркантильно толкуемой свободой. Например, маленькая зарисовка диалога двух женщин. Одна сообщает, что её муж пропал без вести, – два месяца нет писем от него. Она вышла замуж за другого, оправдываясь, что «молодой без мужчины скучно». Не случайно следующий абзац начинается словами: «Крутился вихрь – какая-то сумасшедшая смесь гордо провозглашаемых прав и небывалого уничтожения личности ... Мелькали клочья растерзанных понятий о собственности, тени обесцененных человеческих жизней, осмеянные образы обезбоженных христов и богородиц ..., обрывки разорванных брачных цепей, выброшенные яти и

еры, спутавшиеся числа календарных стилей» [6, с. 504].

Сопоставление двух небольших, контрастных по эмоциональному наполнению «картин», лаконично изображённых Вересаевым, помогает ощутить дух того времени. Сменяющие друг друга небольшие фрагменты текста, отражающие конкретную сцену, записи разрозненных наблюдений отделены друг от друга небольшим пробелом в тексте. Здесь явно обнаруживает себя следование традициям В.В. Розанова, с его «коробами» «Опавших листьев». Форма повествования в романе «В тупике» напоминает мазки красок, сочетание и контраст которых создаёт целостную картину. Исследователи отмечали эту жанровую особенность произведений Вересаева. В повести «К жизни» (1908), также посвящённой революции, писатель уже активно использовал «коллажное» изображение событий. В позднем литературоведческом труде «Пушкин в жизни» этот приём станет структурообразующим принципом повествования.

Система зарисовок, включённых в роман «В тупике», поэтика их целостного звучания должна стать самостоятельной научной задачей. Эмоциональное восприятие доведено здесь до крайнего предела, а каждый «стык» имеет своё значение. Например, небольшая сюжетная картина, описывающая возвращение дам в шляпах и мужчин в панамах на улицы Крыма после оттеснения красных, заканчивается словами: «О, они – они опять голые на песке лежат!» [6, с. 542] А в следующей картине описывается камера, в которую были помещены женщины из высшего общества. Вересаев наме-

кает, как дорого они заплатили за беспечность.

После описания расстрела белыми захваченных в плен красных следует изображение дачки, на которой живут муж и жена, измождённые от «бешеной и неумелой работы», с «очумелыми глазами, полными отчаяния» [6, с. 546]. Их ссора по поводу полива абрикосов иронически напоминает о столкновении противоборствующих социальных сил. Эта семейная пара уже появлялась в начале романа, но так и не смогла разобраться в своём хозяйстве. Вересаев в романе запечатлел поведение людей, оказавшихся

участниками классовой борьбы. Он запечатлел и среди белых, и среди красных людей благородных, честных, искренне заблуждающихся, а также и проходимцев, для которых переворот стал способом обогащения и захвата власти. На последних страницах романа заключительным аккордом звучат слова Ивана Ильича Сартанова: «Революция превратилась в грязь. Те ли одолеют, другие ли, – и победа не радостна, и поражение не горько» [6, с. 548]. Столкнувшиеся в огне гражданской войны люди разных взглядов, возрастов, нравственных установок – все в трагическом водовороте истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блок А. Крушение гуманизма // Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 6. М.; Л., 1962. С. 93–115.
2. Блок А. Переписка // Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. 1963. 772 с.
3. Булгаков М.А. Собачье сердце. Жизнь господина де Мольера. Повести. Рассказы / Михаил Булгаков. М.: Эксмо, 2015. 640 с.
4. Булгаков М.А. Собр. соч.: в 5 т. Т. 2. М.: «Художественная литература», 1992. 752 с.
5. Бунин И.А. Тёмные аллеи. Окаянные дни. Повести и рассказы. М.: Эксмо, 2015. 640 с.
6. Вересаев В.В. К жизни: Повести, роман, рассказы / сост., вступ. ст. и коммент. Ф.И. Кулешова. Минск: Маст. лит., 1989. 605 с.
7. Ильин И.А. О сопротивлении злу силой. Изд. 5. М.: ДАРЪ, 2014. 480 с.
8. Кулешов Ф. Подвижник // Вересаев В.В. К жизни: Повести, роман, рассказы / Сост., вступ. ст. и коммент. Ф.И. Кулешова. Мн.: Маст. лит., 1989. 605 с.
9. Маяковский В.В. Стихотворения. Поэмы. М.: Просвещение, 1986. 224 с.
10. Нольде В.М. Вересаев. Жизнь и творчество. Тула: Приокское книжное изд-во, 1986. 196 с.
11. Песоцкий В.А. Основные функции художественной литературы в их философском представлении // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философия. 2011. № 1. С. 84–209.
12. Шмелёв И.С. Солнце мёртвых; Солдаты: романы. М.: Вече, 2017. 384 с.

REFERENCES

1. Blok A. [The collapse of humanism]. In: *Blok A.A. Sobr. soch. T. 6* [Block A. Collected works. Vol. 6]. Moscow; Leningrad, 1962. pp. 93–115.
2. Blok A. [Correspondence]. In: *Blok A.A. Sobr. soch. T. 8* [Block A. Collected works. Vol. 8]. Moscow, Leningrad, 1963. 772 p.
3. Bulgakov M.A. *Sobach'ye serdtse. Zhizn' gospodina de Mol'yera. Povesti. Rasskazy* [Heart of a dog. The life of Mr. de Moliere. Novels. Stories]. Moscow, Eksmo Publ., 2015. 640 p.
4. Bulgakov M.A. *Sobranije sochinenij T. 2* [Collected works. Vol. 2]. Moscow, «KHudozhestvennaya literatura» Publ., 1992. 752 p.
5. Bunin I.A. *Temnye allei. Okayannye dni. Povesti i rasskazy* [The dark alleys. Cursed days. Novels and stories]. Moscow, Eksmo Publ., 2015. 640 p.

6. Veresaev V.V. *K zhizni: Povesti, roman, rasskazy* [To life: Stories, a novel, short stories]. Minsk: Mast. lit, 1989. 605 p.
7. Il'in I.A. *O soprotivlenii zlu siloy* [On resistance to evil by force]. Moscow, DAR' Publ., 2014. 480 p.
8. Kuleshov F. *Podvizhnik* [Ascetic]. In: Veresaev V.V. *K zhizni: Povesti, roman, rasskazy* [Veresaev V. To life: Stories, a novel, short stories]. Minsk: Mast. lit, 1989. 605 p.
9. Mayakovskii V.V. *Stikhotvoreniya; Poemy* [Verses; Poems]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1986. 224 p.
10. Nol'de V.M. *Veresaev. Zhizn' i tvorchestvo* [Veresaev. Life and work]. Tula, Priokskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1986. 196 p.
11. Pesotskii V.A. [The main functions of literature in their philosophical view]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series Philosophy], 2011, no. 1. pp. 84–209.
12. Shmelev I.S. *Solntse mertvykh; Soldaty: romany* [The sun of the dead; Soldiers: novels]. Moscow, Veche Publ., 2017. 384 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Новичкова Дарья Александровна – аспирант кафедры русской литературы XX века факультета русской филологии Московского государственного областного университета;
e-mail: da.novichkova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Daria Novichkova – postgraduate student at the Department of the literature of the 20th century, Moscow Region State University;
e-mail: da.novichkova@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Новичкова Д.А. Роман В.В. Вересаева «В тупике»: летопись «хамского» царства революции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 5. С. 141–148
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-141-148

FOR CITATION

Novichkova D.A. V. Veresaev's novel «At the dead end»: the chronicle of «boorish» kingdom of revolution In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2017, no. 5, pp. 141–148
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-141-148

УДК 801.82

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-149-157

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РЕЦЕПЦИИ РУССКОЙ ЛАГЕРНОЙ ПРОЗЫ СРЕДСТВАМИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Харитонов Е.В.*Северо-Восточный государственный университет**068500, г. Магадан, ул. Портовая, д. 13, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена изучению истории переводов русской лагерной литературы на английский язык. Автор прослеживает становление и развитие русской лагерной прозы как отдельного тематического направления в русской литературе XX в., а также определяет основные этапы освоения русской лагерной литературы средствами английского языка: начальный (1926–1962), основной (1963–1989) и новейший (с 1990 г. по настоящее время). В работе анализируются отличительные особенности и характерные черты выделенных этапов.

Ключевые слова: лагерная проза, перевод, история, этапы.

HISTORY OF TRANSLATION OF RUSSIAN CAMP PROSE INTO ENGLISH

E. Kharitonova*North-Eastern State University**13, Portovaya st., Magadan, 068500, Russian Federation*

Abstract. The article deals with the history of Russian camp prose translation into English. The author examines the formation and the development of Russian camp prose as a separate theme of the Russian literature of the 20th century and determines the main stages of Russian camp literature reception in English: the initial (1926–1962), the main (1963–1989) and the latest (since 1990s till present days). The author also analyzes the characteristic features of the selected stages.

Keywords: camp prose, translation, history, stages.

Художественная литература – живой, развивающийся организм. Её жанры и художественные средства изображения постоянно эволюционируют. Меняются и темы, к которым обращаются писатели. Одним из тематических направлений русской литературы XX в. выступила так называемая «новая проза» или «проза живой жизни» [15, с. 101], которую впоследствии стали именовать «лагерной прозой» [5, 6, 10: passim]. В нашей работе понятие «лагерная проза» используется не в качестве родового, как это принято в работах выше названных исследователей, а в качестве видового – для обозначения прозаических работ авторов, написанных в русле лагерной тематики, поскольку лагерная тема может воплощаться в различных литературных родах и жанрах.

Большинство исследователей лагерной литературы сходятся во мнении о тематическом принципе определения лагерной прозы. Действительно, несмотря на отдельные попытки выделить различные направления в лагерной прозе XX в.¹, в контексте литературы и истории возник «феномен восприятия лагерной литературы как однородного целого», о чём убедительно пишет в своей статье Е. Михайлик [7]. В работах исследователей лагерная проза трактуется как «тематическое направление» [11, с. 173] или «тематическое ответвление (течение)» [10, с. 49] в русской литературе XX века, объединившее произведения писателей, повествующих о мире ГУЛАГа, и характеризующееся такими чертами, как документальность, историзм, психологизм, автобиографизм, авторская рефлексия и др. (подробнее о характерных чертах лагерной прозы см.: [11, с. 173]).

Особенно следует отметить тот факт, что лагерная литература – это специфический сегмент *национальной* литературы. Уникальность лагерной прозы заключается в том, что её появление оказалось исторически обусловлено преимущественно в двух

странах – в СССР и Германии (хотя отдельные произведения лагерной литературы создавались и публиковались во многих странах мира).

Уже анализ заглавий книг из корпуса лагерной литературы в обеих странах показывает, что лагерная проза объединила произведения самых разнообразных жанровых форм: дневники (Н. Луговская «Хочу жить...». Из дневника школьницы: 1932–1937. По материалам следственного дела семьи Луговских», R. Laqueur «Schreiben im KZ. Tagebücher 1940–1945»), записки (В. Чернавин «Записки вредителя», Д. Панин «Записки Сологдина»), воспоминания (А. Сандлер, М. Этлис «Современники ГУЛАГа: Книга воспоминаний и размышлений»; М. Ильясова «Воспоминания», И. Ковальчук-Коваль «Свидание с памятью», K. Friedrich «Im GULAG der Frauen», P. Epp «Obtausendfallen...»), автобиографии (Н. Заболоцкий «История моего заключения») и другие.

Вместе с тем, несмотря на универсальный характер жанров, в рамках которых представлена лагерная литература, необходимо подчеркнуть, что все тексты данной тематики наполняются столь специфическим содержанием, что они переходят в разряд национально-маркированных, неэквивалентных текстов, представляющих особую сложность в процессе их перевода на другие национальные языки. В этой связи изучение истории и характера рецепции русской лагерной прозы средствами английского языка представляет особый интерес, поскольку в англоязычной культуре никогда не существовало системы, подобной ГУЛАГу в СССР и концлагерям в Германии, а значит, переводчику приходилось

¹ Д. Лекух, автор статьи «Ад – это мы сами», пишет о том, что в отличие от тематики классической русской литературы («каторги», «темы греха и искупления»), в современной лагерной прозе «на передний план вышли иные авторские установки, суть которых, несмотря на их множественность, в основном сводится к двум путям решения: «реально-историческому» и «экзистенциальному»... Не будет большой новостью сказать, что родоначальником реально-исторического направления лагерной прозы является Солженицын... Начало иному, экзистенциальному направлению положил другой писатель – Варлам Тихонович Шаламов» [4, с. 10].

сталкиваться с проблемой передачи лагерного социолекта – специфического фрагмента некодифицированного русского языка.

Историография переводов русской лагерной прозы на английский язык насчитывает уже около века. В работах многих исследователей утверждается, что лагерная проза как тематическое направление возникла в конце 50-х гг. XX в. [11, с. 173], во времена «хрущёвской оттепели» [10, с. 49]. Иными словами, за точку открытия темы, как правило, принимается выход в свет повести А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» [1, с. 57]. Мы полагаем, что история лагерной литературы началась гораздо раньше. В исследовании Л. Зорина, опубликованном в 1980 году в США, приводятся данные о том, что на Западе за период до 1937 года было издано более пятидесяти произведений, описывающих советскую лагерную действительность [9, с. 518].

Отправной точкой в истории переводов лагерной литературы на английский язык можно, на наш взгляд, считать издание в 1926 г. в Лондоне книги С.А. Мальсагова о Соловецком лагере: «Соловки»: S.A. Malsagof *An Island Hell: A Soviet Prison in the Far North*. Незадолго до этого, в ноябре-декабре 1925 г., под названием «Соловки. Остров пыток и смерти (Записки бежавшего с Соловков офицера С.А. Мальсагова)» его свидетельство о лично пережитом было опубликовано на русском языке в эмигрантской газете «Сегодня», издававшейся в Риге. Несколько позднее, в 1929 г., на английском языке были опубликованы воспоминания Ю.Д. Безсонова, бежавшего с Соловков вместе с А.С. Мальсаговым: D. Bez-

sonov *My twenty-six prisons and my escape from Solovetsky*.

В 1934 г. в Париже газетой «Последние новости» были напечатаны книги Т. Чернавиной «Жена „вредителя“» и её мужа В. Чернавина «Записки „вредителя“». В этом же году книга Т. Чернавиной была издана по-английски под заглавием *Escape from the Soviets*, а в следующем была опубликована и книга её мужа – *I speak for the silent*.

В январе 1935 г. газета «Последние новости» начинает публикацию целой серии очерков И. Солоневича под общим названием «Россия в концлагере». Одновременно с окончанием печатания очерков в «Последних новостях» в марте 1936 г. «Россия в концлагере» выходит отдельным изданием сначала на чешском, а затем и на русском языке. На английском языке книга издаётся в Лондоне в двух томах в 1938 г.: *Russia in chains: a record of unspeakable suffering* и *Escape from Russian chains*. В этом же году первый том «России в концлагере» публикуется в США под названием *The Soviet paradise lost*. Переводчиком на английский язык выступил Э. Хэрроу.

Таким образом, мы полагаем, что лагерная литература, как отдельное тематическое направление, возникла за десятилетия до эпохи «оттепели», хотя публикация работ в рамках данной темы была возможна только за рубежом. Расцвет лагерной литературы наступил после XX съезда КПСС, когда в СССР была официально разрешена критика культа личности Сталина. В 1963 году, спустя лишь несколько месяцев после публикации рассказа А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» в «Новом мире» в ноябре 1962 г., в США было издано сразу че-

тыре перевода повести, выполненные Б. фон Блок, М. Хейуордом и Р. Хингли, Т. Уитни, а также Р. Паркером.

Многие вышедшие на свободу узники ГУЛАГа, вдохновлённые публикацией рассказа Солженицына в «Новом мире», начали работу над своими воспоминаниями. Интернет-сайт «Воспоминания о ГУЛАГе» содержит более 1500 текстов книг, статей, интервью тех, кто прошёл через систему концлагерей. Разумеется, далеко не все из них были переведены на иностранные языки и лишь немногие становились объектами перевода повторно (исключениями стали произведения А.И. Солженицына, В.Т. Шаламова, Е.С. Гинзбург).

Характеризуя литературный процесс в России в XX веке, исследователи отмечают, что начиная с 1920-х гг. русская литература перестаёт существовать как единая национальная литература. Она вынужденно разделяется на три потока: советская; литература русского зарубежья (эмигрантская) и так называемая «задержанная литература», то есть не имеющая выхода к читателю по цензурным соображениям [2, с. 158]. Лагерная литература разделила судьбу задержанной литературы. Однако большая часть произведений лагерной прозы была издана благодаря разветвлённой индустрии так называемого тамиздата. Книги выходили на страницах журналов и газет, издававшихся за рубежом («Новый журнал» (Нью-Йорк), «Грани», (Франкфурт/М), «Сегодня» (Рига) и др.) или печатались в издательствах, расположенных за пределами СССР («ИМКА-пресс», «Посев», издательство имени Чехова в Нью-Йорке и т. д.), сопровождаясь за-

частую формулой «печатается без ведома и согласия автора».

Исторический выход одиннадцатого номера «Нового мира» с повестью Солженицына на родине писателя, к сожалению, оказался редким исключением издания подобной литературы на территории СССР. Доказательством может послужить история публикации повести Л. Чуковской «Софья Петровна». В 1962 г. автор предложила рукопись в издательство «Советский писатель». Несмотря на то что рукопись получила одобрение, в 1963 г. руководство издательства сообщило автору, что принятая к публикации повесть напечатана быть не может, поскольку страдает «идейными недостатками». В 1965 г. «Софья Петровна» была опубликована в Париже (под названием «Опустелый дом»), после чего была переведена на многие иностранные языки, в том числе на английский. В СССР повесть была издана только в 1988 г. [13].

Подобная судьба ожидала рукописи многих «лагерных» авторов. На четверть века была отодвинута публикация на родине автора «Колымских рассказов» В.Т. Шаламова. Как и многие другие произведения авторов «задержанной литературы», первая часть хроники Е.С. Гинзбург «Крутой маршрут» впервые была опубликована за границей в 1967 г., в СССР она появилась значительно позднее, издаваясь по частям в литературно-художественном журнале Даугава в 1988–1989 гг. По мнению самой Е.С. Гинзбург, причина, по которой рукопись отклонили в редакциях двух популярнейших толстых журналов – «Новом мире» и «Юности», заключалась в изменении политической ситуации в стране. В эпилоге к хронике автор пишет: «Все

яснее становилось, что на тему наложено табу» [3, с. 596].

Публикация произведений на лагерную тему на Западе, с одной стороны, делала их неподцензурными: то, что невозможно было осуществить в России, реализовывалось за её границами. С другой стороны, дальнейшая судьба книг оказывалась вне власти их создателей, что зачастую сказывалось и на качестве переводов. Необходимость соблюдения строжайшей конспирации при работе над переводом готовящихся изданий, отступление от которой грозило повлечь за собой репрессии в отношении авторов со стороны официальных властей, и изоляция таких писателей в Советском Союзе вынужденно создали ситуацию, при которой авторы были лишены возможности осуществлять текущий контроль над качеством переводов. Примером может послужить история английских переводов книг А.И. Солженицына. В работе «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов» писатель даёт очень резкую негативную оценку качества перевода «В круге первом» [12, с. 120].

Кроме того, официальный запрет на публикацию произведений лагерной тематики зачастую приводил к ситуации, когда переводы появлялись до издания самих оригиналов. Так, повесть И. Ратушинской «Серый – цвет надежды» была издана на английском языке в 1988 г.: I. Ratushinskaya. *Grey is the colour of hope*, и лишь через год книга была опубликована на русском языке: Ратушинская И.Б. *Серый – цвет надежды*. = *Grey is the colour of hope*. London, 1989. В некоторых случаях книга на русском языке за рубежом так и не издавалась, как например, роман

Н. Щаранского «Не убоюсь зла», перевод которого *Fear No Evil* был опубликован в 1988 году, а на языке оригинала книга вышла в Москве в 1991. В отдельных случаях книги выходили только на языке перевода. Примером может послужить книга А. Эфрон и А. Федерольф «Непринудительные работы», изданная на английском языке переводчиком-составителем Д. Немец-Игнашевой *Unforced Labors: The Memoirs of Ada Federolf and Selected Prose of Ariadna Efron*.

Предпринятый нами анализ истории переводов и публикаций произведений русской лагерной литературы на английский язык показывает, что рецепция русской лагерной прозы в рамках англоязычной лингвокультуры была довольно неоднородной и происходила бессистемно. На первом этапе освоения лагерной литературы средствами английского языка, начало которого мы датируем 1926 г., когда в Лондоне был издан перевод книги С.А. Мальсагова «Адский остров. Советская тюрьма на далёком севере», лагерная проза в английских переводах представлена достаточно фрагментарно. Нельзя не обратить внимания на тот факт, что переводы тех немногих произведений на лагерную тему, которые публиковались на Западе в этот период, появлялись достаточно быстро – «Адские острова» С. Мальсагова опубликованы в Риге на русском языке в 1925 г., перевод книги издан в Лондоне спустя лишь год, воспоминания Т. Чернавиной «Побег из ГУЛАГа» вышли на русском и английском языке практически одновременно – в 1934 г. Оперативность публикации переводов лагерной литературы, выполненных на начальном этапе, свидетельствует

о зарождающемся интересе к лагерной теме на Западе.

Как мы отмечали выше, переломным годом в освоении лагерной темы на Западе следует считать 1963-й, когда практически одновременно публикуются сразу четыре перевода рассказа Солженицына «Один дня Ивана Денисовича». С этого года начинается практика повторных переводов уже известных западному читателю произведений и перепечатки переводов не самого высокого качества. Так, в 1971 г. был издан пятый перевод «Одного дня Ивана Денисовича», выполненный Г. Айткеном, и значительно позднее, уже в 1991 г., появился ещё один, шестой, перевод Г. Уиллетса, одобренный А.И. Солженицыным. Несмотря на то что переводы рассказа (за исключением перевода Г. Уиллетса), по мнению исследователей, оказались весьма посредственными, неспособными передать речевой колорит среды и стиль подлинника (см., например, [14, с. 165-187; 17, р. 1-31]), многие из них многократно перепечатывались в дальнейшем. Среди переводчиков этой поры следует особенно выделить Т. Уитни, Г. Уиллетса, М. Хейуорда, М. Скэммелла, Дж. Глэда.

С начала 90-х годов начинается новейший этап рецепции лагерной литературы на Западе. Во-первых, в перестроечные годы происходит «возвращение» лагерной литературы в Россию. По образному выражению М. Райзмана, в конце 80-х – начале 90-х гг. задержанная литература «пережила своё второе рождение» [8, с. 11]. Вместе с тем на Западе, наоборот, наблюдается некоторое ослабление интереса к теме советских лагерей. Отличие этого периода от предшествующих со-

стоит в том, что существенно увеличиваются интервалы между появлением оригиналов и их переводов. По свидетельству Э. Эпплбаум, в 1960-е–70-е гг. тема лагерей бурно обсуждалась, а художественные свидетельства на эту тему, такие как «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына, совершили в некоторых странах своего рода «интеллектуальную революцию», однако сегодня «куда более обычная реакция на сталинский террор – скука и безразличие» [16, с. 16]. На наш взгляд, подобная оценка не вполне объективна. О том, что и сегодня, почти через столетие после появления первых переводов русской лагерной прозы на английский язык, интерес к данной теме не угасает, говорят переводы, опубликованные совсем недавно: в 2010 был издан перевод воспоминаний Т. Петкевич «Жизнь – сапожок непарный» *Memoir of a Gulag Actress*, в 2011 на английском языке вышла книга С.С. Виленского и К. Фриерсона «Дети ГУЛАГа» *Children of the Gulag*, в этом же году был опубликован английский перевод воспоминаний О. Адамовой-Слиозберг «Путь» *My Journey: How One Woman Survived Stalin's Gulag*, в 2015 были переведены рассказы Г. Демидова «Чудная планета» *Five Fates from a Wondrous Planet*. Кроме того, сегодня продолжают активно вестись исследования, цель которых – обобщить данные и составить полную библиографию русской лагерной прозы, переведённой на английский язык [18]).

Таким образом, в истории рецепции русской лагерной прозы средствами английского языка можно выделить три основных этапа: начальный (1926–1962), основной (1963–1989) и новейший (с 1990 по настоящее вре-

мя). Мы полагаем, что наблюдаемый и представляется, что данная тема ещё сегодня на Западе спад интереса к лагерной тематике вполне закономерен, ждёт своего дальнейшего описания и изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева О.В. Эволюция лагерной темы и её влияние на русскую литературу 50–80-х годов // Вестник Санкт-Петербургского университета. 1996. Сер. 2. Вып. 4 (№ 23). С. 54–63.
2. Вознесенская Т.И., Сушилина И.К., Щепанова Т.А. Русская литература XIX–XX веков: Конспективное изложение программных тем. М.: Изд-во МГУП, 2000. 261 с.
3. Гинзбург Е.С. Крутой маршрут. Хроника времён культа личности. М.: Советский писатель, 1990. 608 с.
4. Лекух Д. Ад – это мы сами. Тюрьма и лагерь в современной прозе // Литературная газета. 1991. № 49. С. 10.
5. Малова Ю.В. Становление и развитие «лагерной прозы» в русской литературе XIX–XX вв.: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саранск, 2003. 24 с.
6. Минералов А.Ю. «Каторжно-лагерная» сюжетно-образная традиция в русской прозе XX в. // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 18. С. 106–112.
7. Михайлик Е. В контексте литературы и истории [Электронный ресурс]. URL: <https://shalamov.ru/research/50/> (дата обращения: 10.09.2017).
8. Райзман М.И. Задержанная литература: учеб. пособие. Магадан: Изд. «Охотник», 2009. 108 с.
9. Росси Ж. Справочник по ГУЛагу. Исторический словарь пенитенциарных институций и терминов, связанных с принудительным трудом. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1987. 546 с.
10. Сафронов А.В. Жанровое своеобразие русской художественной документалистики (очерк, мемуары, «лагерная» проза): учебно-методическое пособие. Рязань: Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, 2012. 108 с.
11. Старикова Л.С. «Лагерная проза» в контексте русской литературы XX века: понятие, границы, специфика // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2 (62). Т. 4. С. 169–174.
12. Харитоновна Е.В. Перевод русской лагерной лексики на английский язык: семантико-стилистические и лингвокультурологические аспекты (на материале американского и британского переводов «Архипелага ГУЛАГ» А.И. Солженицына): дисс. ... канд. филол. наук. Магадан, 2007. 257 с.
13. Чуковская Л. «Софья Петровна» – лучшая моя книга». Из дневника: Попытки напечатать повесть. Публикация, подготовка текста, предисловие и примечания Е. Чуковской [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2014/6/11chu.html (дата обращения: 1.09.2017)
14. Чуковский К.И. Высокое искусство. Принципы художественного перевода. СПб.: Авалонъ, Азбука-классика, 2008. 448 с.
15. Шаламов В.Т. Всё или ничего: Эссе о поэзии и прозе. СПб: Лимбус Пресс, ООО «Изд-во К. Тублина», 2016. 522 с.
16. Эпплбаум Э. ГУЛАГ. Паутина Большого террора. М.: Московская школа политических исследований, 2006. 608 с.
17. Klimoff A. One Day in the Life of Ivan Denisovich: a Critical Companion. Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 1997. 128 p.

18. Young S.J. Gulag narratives: a bibliography and metadata project [Электронный ресурс]. URL: <http://sarahjyoung.com/site/2016/09/05/gulag-narratives-a-bibliography-and-metadata-project-version-1/> (дата обращения: 17.09.2017).

REFERENCES

1. Vasil'eva O.V. [The evolution of camp themes and its influence on the Russian literature of the 50-80s]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Bulletin of Saint Petersburg University], 1996. Ser. 2, iss. 4 (no. 23). pp. 54–63.
2. Voznesenskaya T.I., Sushilina I.K., Shchepakova T.A. *Russkaya literatura XIX–XX vekov: Konspektivnoe izlozhenie programmnyh tem* [The Russian literature of the 19–20th centuries: a summary presentation of the program topics]. Moscow, MGUP Publ., 2000. 261 p.
3. Ginzburg E.S. *Krutoj marshrut. Hronika vremen kul'ta lichnosti*. [Steep route. Chronicle of the cult of personality]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1990. 608 p.
4. Lekukh D. [Hell is us. The prison and labor camp in modern prose]. In: *Literaturnaya gazeta* [Literary Newspaper], 1991, no. 49, pp. 10.
5. Malova YU.V. *Stanovlenie i razvitie «lagernoj prozy» v russkoj literature XIX–XX vv.: avtoref. ... dis. kand. filol. nauk* [The formation and development of „camp prose“ in Russian literature of the 19–20 centuries: abstract of PhD thesis in Philological sciences]. Saransk, 2003. 24 p.
6. Mineralov A.YU. [“Convict camp” narrative-figurative tradition in Russian prose of the twentieth century]. In: *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2012, no. 18, pp. 106–112.
7. Mikhailik E. *V kontekste literatury i istorii* [In the context of the literature and history]. Available at: <https://shalamov.ru/research/50/> (accessed: 10.09.2017)
8. Raizman M.I. *Zaderzhannaya literatura: ucheb. posobie* [Arrested literature: textbook]. Magadan: Publishing House. “Hunter”, 2009. 108 p.
9. Rossi J., *The GULAG Handbook. A Historical Dictionary of Soviet Penitentiary Institutions and Terms Related to the Forced Labour Camps*. London: Overseas Publications Interchange Ltd Publ., 1987. 546 p.
10. Safronov A.V. *Zhanrovoe svoeobrazie russkoj hudozhestvennoj dokumentalistiki (ocherk, memuary, «lager'naya» proza): uchebno-metodicheskoe posobie* [Genre peculiarity of the Russian art of documentary (essay, memoir, “camp” prose): educational-methodical manual]. Ryazan, Ryazan State University named for S. Yesenin, 2012. 108 p.
11. Starikova L.S. [The “camp prose” in the context of Russian literature of the twentieth century: the concept, boundaries, specificity]. In: *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 2015, no. 2 (62). Vol. 4, pp. 169–174.
12. Kharitonova E.V. *Perevod russkoj lagernoj leksiki na anglijskij yazyk: semantiko-stilisticheskie i lingvokul'turologicheskie aspekty (na materiale amerikanskogo i britanskogo perevodov «Arhipelaga GULAG» A.I. Solzhenicyna): diss. ... kand. filol. nauk* [Translation of the Russian camp vocabulary into English language: the semantic-stylistic and linguocultural aspects (based on the American and British translations of „The GULAG Archipelago” by A. Solzhenitsyn): PhD thesis in Philological sciences]. Magadan, 2007. 257 p.
13. Chukovskaya L. «„Sof'ya Petrovna” – luchshaya moya kniga». *Iz dnevnika: Popytki napechatat' povest'. Publikatsiya, podgotovka teksta, predislovie i primechaniya E. Chukovskoi* [„Sofia Petrovna” is my best book». From the diary: Attempts to print the story. Publication, preparation of text, introduction and notes by E. Chukovskaya]. Available at: URL: http://magazines.russ.ru/novyj_mi/2014/6/11chu.html (accessed: 1.09.2017)

14. Chukovskii K.I. *Vysokoe iskusstvo. Principy hudozhestvennogo perevoda* [High art. Principles of literary translation]. St. Petersburg, Avalon, Azbuka-klassika Publ., 2008. 448 p.
15. Shalamov V.T. *Vse ili nichego: Esse o poezii i proze* [All or nothing: Essays on poetry and prose]. St. Petersburg, Limbus Press, Izdatel'stvo K. Tublina Publ., 2016. 522 p.
16. Epplbaum E. *GULAG. Pautina Bol'shogo terrora* [The GULAG. The web of the Great terror]. Moscow, Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy Publ., 2006. 608 p.
17. Klimoff A. *One Day in the Life of Ivan Denisovich: a Critical Companion*. Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 1997. 128 p.
18. Young S.J. *Gulag narratives: a bibliography and metadata project*. Available at: URL: <http://sarahjyoung.com/site/2016/09/05/gulag-narratives-a-bibliography-and-metadata-project-version-1/> (accessed: 17.09.2017)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Харитоновна Елена Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной филологии Северо-Восточного государственного университета;
e-mail: eharitonova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena Kharitonova – PhD in Philological sciences, associate professor at the Department of Foreign Philology, North-Eastern State University;
e-mail: eharitonova@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Харитоновна Е.В. Основные этапы рецепции русской лагерной прозы средствами английского языка // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 5. С. 149-157
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-149-157

FOR CITATION

Kharitonova E.V. History of translation of Russian camp prose into English. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2017, no. 5, pp. 149-157
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-149-157

УДК 831.161.1.09 Булгаков.

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-158-165

РАЗРУШИТЕЛЬНОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ ЛИЧНОСТИ И ВОЙНЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М.А. БУЛГАКОВА И Л.Н. АНДРЕЕВА

Чупкова О.В.

Московский государственный областной университет

105005, Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу проблемы отношения человека к гражданской войне и переживаний из-за несоответствия нравственных идеалов и исторических реалий. В творчестве М.А. Булгакова это было отражено в рассказе «Красная корона». Таким же идейно-нравственным посылом обладает рассказ Л.Н. Андреева «Красный смех». Оба писателя проводят исследование состояния души человека под влиянием смертельной опасности и чувства вины за происходящие кровопролития. Позднее в пьесе «Бег» Булгаков показал нравственные мучения генерала, осознавшего свою вину за причинённое людям зло. Через сравнительно-сопоставительный анализ рассказов и пьесы автором статьи формируется вывод об отношении двух русских писателей к разрушительным последствиям войны.

Ключевые слова: противоречия, рассказ от первого лица, лейтмотив, антитеза, деталь, символ.

DESTRUCTIVE COLLISION OF PERSONALITY AND WAR IN THE WORKS OF M. BULGAKOV AND L. ANDREEV

O. Chupkova

Moscow Region State University

10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the analysis of the problem of the attitude of a person to the Civil War and drama caused by the discrepancy between moral ideals and historical realities. In the works of M. Bulgakov, this was reflected in the story "The Red Crown". The same ideological and moral message has the story of L. Andreev "The Red laughter". Both writers study the state of the human soul under the influence of mortal danger and guilt for the ongoing bloodshed. Later in the play "The Run" Bulgakov showed the moral torment of a general, who realized his guilt for the evil he caused to people. Through comparative analysis of stories and plays by the author of the article, a conclusion is drawn about the attitude of the two Russian writers to the destructive consequences of the war.

Key words: contradictions, first-person narrative, leitmotif, antithesis, detail, symbol.

В своих ранних рассказах Булгаков показывает героев, которым до участия в военных действиях не приходилось сталкиваться с суровой реальностью всераз-

рушающих противоречий. Столкновение с жестокостью войны обнаруживает, что человека очень легко сломить, если отнять у него идеалы и мечты. Казалось бы, высшие нравственные понятия, в частности гуманность и следование чувству долга, губят двух героев из рассказа «Красная корона» (1922). Произведение, написанное от первого лица, можно назвать дневником человека, пережившего страшное потрясение, которое уничтожило его рассудок. Этот дневник адресован безымянному генералу, который посылал на смерть юношей сражаться за утопическую идею.

Можно предположить в названии рассказа аллюзию на рассказ Л.Н. Андреева «Красный смех» (1904), посвящённый событиям русско-японской войны. В письме к Горькому Андреев писал: «Война сумасшедших с сумасшедшими – достояние отчасти настоящего, отчасти близкого будущего. Моя тема: безумие и ужас» [1, с. 317]. Подобный ракурс авторской позиции, преломляемый через образ безумного героя-повествователя, становится лейтмотивом повести И. Шмелёва о Первой мировой войне «Это было» (1919). Он открывает читателю своё болезненное состояние: «Пьяная смерть разделявала надо мной канкан. Я приходил то в отчаяние, то в безумный ужас ... пытался задавиться на ремешке от брюк и терял сознание ... проклинал и молился ...» [12, с. 4], но война продолжала неумолимо терзать его поверженный рассудок.

Перед читателями «Красной короны» предстаёт образ безымянного сумасшедшего, который плохо ориентируется в перипетиях окружающего мира, но осознаёт одно: ему не уйти от

себя, от отголосков боя, которые преследуют его с навязчивостью мании. Не случаен медицинский подзаголовок, который дан в скобках, – «История болезни». В статье Н.Н. Богданова «Михаил Булгаков как психолог» читаем: «Врач по образованию и, осмелюсь утверждать, по всему образу своих мыслей, он позволяет себе оригинальный, чтобы не сказать большего, способ раскрытия своих героев: ставит их в условия жестокого стресса – стресса уже не психологического, а прямо-таки физиологического» [3, с. 17]. Причиной заболевания героя-рассказчика стало осознание невыполненного долга, подавленность от беспомощности перед суровой реальностью.

В рассказе Булгакова, как и в «Красном смехе», сумасшедшего преследует образ погибшего брата Коли. Постепенно повествователь утрачивает смысл существования в мире, где всё погрязло в жестокости. Испуганный человек плохо ориентируется в реальности, все ценности мира вызывают у него только неприязнь: «Больше всего я ненавижу солнце, громкие человеческие голоса и стук» [4, с. 443]. Его не оставляет стыд за собственное малодушие, отсутствие отваги и решительности, вдохновлявшие его младшего брата.

Главный герой «Красной короны» неизлечимо болен и знает об этом. Но безумец нашёл в болезни утешение: «Никто не имеет права меня взять» [4, с. 443] – заставить воевать, убивать. Позже в inferнальной пьесе «Бег» (1926–1928) генерал Хлудов говорит, что у него в связи с безумием устранилась ответственность перед самим собой, притупилось осознание вины: «Я больше никому не смогу причинить

вреда» [5, с. 274]. А.Н. Варламов писал, что в «Беге» «показан безо всякого героизма и ссылок на петлюровцев крах белой и превосходство красной силы. Здесь прозвучала во весь голос тема жестокости белогвардейцев» [6, с. 99].

Безумец в «Красной короне» панически боится перемен, смены власти, изменений в оформлении документов, поскольку во время гражданской войны власти менялись часто, и какая-нибудь справка то помогала уйти от казни, а то, наоборот, вела к жестокой расправе.

Первое, что увидел герой Булгакова в Бердянске, – фонарь с повешенным рабочим. Возле фонаря герой-резонёр Андреева узнал, что несколько тысяч человек погибли в ходе боевых действий. Фонарь – не просто причина страха героя «Красной короны» за свою жизнь, это полное отсутствие ориентиров в кромешном хаосе гражданской войны: «В сущности, ещё раньше Коли со мной случилось что-то. Я ушёл, чтоб не видеть, как человека вешают, но страх ушёл вместе со мной на трясущихся ногах» [4, с. 443]. Б.В. Соколов заметил: «К помешательству героя рассказа приводит малодушие, проявленное тогда, когда он не сумел воспротивиться генералу-вешателю, не выступил против казни рабочего в Бердянске ... протест против насилия – моральный долг всякого интеллигентного человека» [9, с. 20]. Булгаковский интеллигент восстаёт против жестокости открыто только в состоянии сумасшествия: «Теперь я смело бы сказал: “Господин генерал, вы – зверь! Не смейте вешать людей”» [4, с. 444]. В пьесе «Бег» Серафима осмелилась сказать генералу то, чего не решился произнести безымянный сумасшедший:

«Сидит на табуретке, а кругом висят мешки. Мешки да мешки!.. Зверюга! Шакал!» [5, с. 235]. В третьем действии пьесы обезумевший Хлудов замечает: «Дорого мне обошлась эта станция» [5, с. 263], – место, где он приказал повесить людей, подозревая в них красных, и правдивого вестового. А в финале четвёртого действия и генерал-майор Чарнота жестоко осуждает поступки генерала Хлудова: «Я, Рома, обозы грабил? Да! Но фонарей у меня в тылу нет! ... Империю Российскую ты проиграл, а в тылу у тебя фонари!» [5, с. 277]. Сам Хлудов понимает, что от самобичевания ему не спастись: «Я помню армии, бои, снега, столбы, а на столбах фонарики... Хлудов пройдёт под фонариками!» [5, с. 275]

В рассказе Булгакова, как и в пьесе, присутствует идея очищения через страдание, но автором подчёркивается, что осознание непомерной вины обесценивает жизнь, приводит героев к мысли о самоубийстве: «Я сам застрелюсь, и это будет скоро, потому что Коля доведёт меня до отчаяния» [4, с. 444]. Здесь находят отражение чувства самого Булгакова, тревожившегося за судьбу младших братьев во время гражданской войны.

Подобные эмоции испытывал и безымянный герой «Красного смеха»: «Куда бы вы ни стреляли, мне всё попадает в мозг» [1, с. 146]. В рассказе Андреева в качестве яркой антитезы «до» и «после» войны выступает образ кабинета, где на столе стоит нетронутый пыльный графин с водой – как символ непрожитой жизни, уничтоженной войной. У Булгакова в «Красной короне» – это воспоминание об уютной комнате, весёлом голосе Коли и партитуре «Фауста» на рояле, то есть

о родительском доме, в котором всё сохранилось, «как до проклятых дней» [4, с. 447]. Здесь выражена мысль о том, что война касается всех. П. Фокин писал: «Фактически гражданской войной были охвачены не только противоборствующие политические силы и ведомые ими войска, но и мирные граждане, обыватели всех мастей и сословий» [11, с. 8].

Для героя «Красной короны» вечерний кошмар выражается через влияние рассеянного света: «Сумерки – страшное и значительное время суток. Всё гаснет, всё мешается» [4, с. 444]. Хлудов также боится вечерней поры: «У нас – мгла и шуршание» [5, с. 245], – с печальной иронией ожидает он прихода ночной тьмы, приносящей с собой кошмары.

Разделённых вихрем гражданской войны двух братьев соединяет материнская любовь. В порыве отчаяния и тоски по младшему сыну мать требует от старшего невозможного: спасти Колю от самого себя, то есть от принятого им нравственного выбора: «Я вижу – безумие. Ты старший, и я знаю, что ты любишь его. Верни Колю. Верни. ... Ведь всё равно его убьют. Ведь жалко? Он – мой мальчик. Кого же мне ещё просить? Ты старший» [4, с. 444–445]. Эта клятва стала проклятием для главного героя – началом разрушения его сознания. Повествователя обижает горячая забота матери о младшем сыне и почти что чёрствое невнимание к нему самому (ведь он тоже её сын). Сосредоточенный на собственных переживаниях, герой-повествователь упрекает несчастную женщину: «Мать малодушна» [4, с. 445]. Он изначально чужд любому кровопролитному действию, но, дав слово матери, спешит

в самую гущу сражения. Рассказчик до этого не брал в руки оружия, он не умеет и не хочет учиться воевать, он уверен, что любая война – это зло и потеря близких людей, поэтому панически боится приближаться к готовому начать сражение эскадрону.

В рассказе Л. Андреева читаем: «Я не понимаю войны и должен сойти с ума, как брат, как сотни людей. ... Потеря рассудка мне кажется почётной, как гибель часового на посту» [1, с. 168]. Л.Н. Толстой в письме автору от 17.11.1904 писал: «В рассказе очень много сильных картин и подробностей, недостатки же его в большой искусственности и неопределённости» [10, с. 245]. Нельзя не согласиться с мнением Э.С. Афанасьева, который замечает в творческом методе Л. Андреева «повышенную экспрессивность стиля и преднамеренную условность образов и ситуаций» [2, с. 11]. Герой-повествователь у Булгакова словно продолжает путь героя Андреева: «Господин генерал, я согласен, что я был преступен не менее вас, я страшно отвечаю за человека испачканного сажеей, но брат здесь ни при чём. Ему девятнадцать лет» [4, с. 445]. Обращение безумного героя «Красной короны» к генералу красной нитью проходит через рассказ. Но и генералу хотелось бы найти себе оправдание. Старший брат обращается к генералу, а генерал – к главнокомандующему: «Вы понимаете, как может ненавидеть человек, который знает, что ничего не выйдет, и который должен делать? Вы стали причиной моей болезни! ... Мы оба уходим в небытие» [5, с. 245]. Тупики исторических событий оборачиваются нравственной мзкой и безмерной душевной болью для их участников. Ав-

тор делится с читателем своими тревогами и выражает сострадание к людям своего поколения.

Описывая место схватки, Булгаков показывает, что прелесть летнего дня резко контрастирует с происходящим вокруг, а тревожное состояние человека и событий противоположно окружающему пейзажу: «Необыкновенно был яркий день» [4, с. 445]. В рассказе Андреева, наоборот, пейзаж иллюстрирует состояние героя: «Солнце было так огромно, так огненно и страшно, как будто земля приблизится к нему и скоро сгорит в этом беспощадном огне» [1, с. 136].

Главный герой рассказа Булгакова не хотел понимать, что привело младшего брата на войну, просто попытался распорядиться его судьбой: «Лишь только из деревни вернёшься, едешь со мной в город. И немедленно отсюда, и навсегда» [4, с. 445]. В этой сцене прослеживается осознание inferнальности происходящего: «В первой шеренге с краю он ехал, надвинув козырёк на глаза. Всё помню: правая шпора спустилась к самому каблуку. Ремешок от фуражки тянулся по щеке под подбородок» [4, с. 445]. Старший брат был счастлив, что нашёл младшего, но не осознал, что он пришёл к воину, чтобы запретить ему исполнить долг. Яркая антитеза характеров братьев, их взглядов на жизнь говорит о том, что они, вероятно, не были близки и дружны прежде. Старший не просто держит слово, данное матери, – он оберегает в себе иллюзорную надежду, что от гражданской войны можно спрятаться за стенами родительского дома. Выстрелы и крики людей кажутся герою-повествователю чем-то нереальным, странным, изматывающим

душу. А юноша-воин уверен, что творит судьбу будущего мира. Младший брат, подобно мифологическому персонажу, мчится на коне в самую гущу сражения, а старший ожидает окончания боя на безопасном расстоянии: «Что может случиться за один час? Придут обратно. И я стал ждать у палатки с красным крестом» [4, с. 446]. Беспечная мечта о том, что всё встанет на свои места, подвергнута сомнению: старший брат стоит возле палатки с красным крестом, что символизирует искупительную Жертву.

Трагизм происходящего передан через цветочные символы: «Странный маскарад. Уехал в серенькой фуражке, вернулся в красной. И день окончился. Стал чёрный щит, а на нём цветной головной убор» [4, с. 446]. По экспрессионистическому накалу повествования Булгакова напоминает о космических ассоциациях Л. Андреева: «Во вселенной произошла какая-то катастрофа ... исчезли голубой и зелёный и другие привычные и тихие цвета, а солнце загорелось красным бенгальским огнём» [1, с. 143]. Осколок гранаты, убивший во время сражения младшего брата, уничтожил и жизнь старшего, который не воевал, а только ожидал исхода боя. Красным ореолом война короновала братьев: одного – смертью, другого – безумием. Каждую ночь «коронованный» Коля стал являться в кошмарах автору дневника: «Стой. Стой здесь. ... Я не могу оставить эскадрон» [4, с. 445], – последние слова младшего брата навсегда врезались в память старшему, ранили его рассудок.

Герой Андреева, беседуя с братом, находит определение случившемуся аду: «Красный смех» [1, с. 163]. Оба

писателя в разные годы открывали для себя печальную истину: война – кровавая насмешка над человеком, над его способностью мыслить и понимать. Персонаж Андреева постепенно сходит с ума от осознания катастрофы, которая произошла с цивилизацией: «Что-то огромное, красное, кровавое стояло надо мною и беззубо смеялось» [1, с. 176]. В.В. Вересаев, который участвовал в русско-японской войне, писал о рассказе Андреева: «... Упущена из виду самая страшная и самая спасительная особенность человека – способность ко всему привыкать. “Красный смех” – произведение большого художника-неврастеника, больно и страстно переживавшего войну через газетные корреспонденции о ней» [7, с. 384]. Но автор «Записок врача» не учёл, что Андреев склонен к экзальтации, что несвойственно военным.

В тексте рассказа «Красная корона» не упоминается о том, что пришлось испытать Коле на войне. Свои переживания обнажает только старший брат. Война вынесла смертельный приговор младшему, а врачи старшему – «безнадёжен». Он и не спорил, потому что «не тает бремя» [4, с. 448] вины. Каждую ночь он говорит с погибшим: «Зачем ты ходишь? Я всё осознаю. С тебя я снимаю вину на себя, за то, что послал тебя на смертное дело» [4, с. 447-448]. Сумасшедший понимает, что преждевременная смерть людей нарушает равновесие бытия и сурово винит себя в непоправимых событиях.

Но больше всего герой винит генерала, пославшего необстрелянных юношей на изначально проигранную войну. Он желает ему увидеть подобный кошмар, осознать ответственность за погибших и на поле битвы, и на

площадях, где казнили рабочих: «Кто знает, не ходит ли к вам тот грязный, в саже, с фонаря в Бердянке? ... Помогать вам повесить я послал Колю, вешали же вы. По словесному приказу, без номера» [4, с. 448]. Логично, что в пьесе «Бег» Булгаков показывает генерала, увидевшего призрак повешенного, говорившего с ним. Сначала он обвинял главнокомандующего, который сделал его палачом: «Кто бы вешал? Вешал бы кто? Ваше превосходительство» [5, с. 233]; а потом и самого себя: «Пойми, что ты просто попал под колесо, и оно тебя стёрло, и кости твои сломало. ... Ведь ты был не один. О нет, вас много было! ... Войну проиграли. И выброшены. А почему проиграли? ... (Таинственно указывая себе за плечо). Мы-то с ним знаем!» [4, с. 247-248, 273-274]. Л.М. Яновская отметила, что «Хлудов, с его трагическим желанием смотреть правде в глаза, с его солдатской готовностью держать ответ за содеянное» [13, с. 16], выступает в роли обвинителя и палача для самого себя.

Рассказ «Красная корона» по жанровому своеобразие не просто очерк или дневник – это публичная исповедь человека, обличающего несовершенство и бездушие цивилизации XX в.

Значимость для Булгакова образа красной короны подчёркивает упоминание о нём в романе «Белая гвардия» – квинтэссенции размышлений писателя о разрушительной роли гражданской войны в судьбе поколения. Булгаков запечатлел красную корону на Николке в мистическом пространстве сна-предупреждения, который увидела «золотая» Елена. Творческий метод Булгакова сложился «во время разломное, коренное для эпохи,

историческое в своих ускользающих мгновеньях. ... Золотым запасом жизненных впечатлений Булгакова стала гражданская война» [8, с. 5], – писал В.Я. Лакшин. Гражданская война встревожила его душу видением красной короны, дала писателю горький опыт страданий, осознание гуманистических ценностей и онтологической истины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев Л.Н. Избранное. М.: Олимп, 2003. 413 с.
2. Афанасьев Э.С. Повесть Л.Н. Андреева «Иуда Искарот»: «Психология предательства» // Литература в школе, 2016. № 2. С. 11-15.
3. Богданов Н.Н. Михаил Булгаков как психолог // Литература в школе, 2015. № 8. С. 14-18.
4. Булгаков М.А. Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1990. 702 с.
5. Булгаков М.А. Собр. соч.: в 5 т. Т. 3. Пьесы. М.: Художественная литература, 1990. 704 с.
6. Варламов А.Н. Михаил Булгаков. М.: Молодая гвардия, 2012. 848 с. [Серия ЖЗЛ]
7. Вересаев В.В. Леонид Андреев // Вересаев В.В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М.: Правда, 1985. 448 с.
8. Лакшин В.Я. Мир Михаила Булгакова. М.: Художественная литература, 1989. 112 с.
9. Соколов Б.М. Михаил Булгаков: загадки судьбы. М., 2008. 92 с.
10. Толстой Л.Н. Собр. соч. : в 6 т. Т. 6. М., 1982. 626 с.
11. Фокин П.Е. Булгаков глазами современников. СПб.: Амфора, 2016. 415 с.
12. Шмелёв И.С. Это было // Шмелёв И.С. Собр. соч. : в 5 т. Т. 7 (дополнительный). М.: Русская книга, 1999. 592 с.
13. Яновская Л.М. Записки о Михаиле Булгакове. М., 2007. 79 с.

REFERENCES

1. Andreev L.N. *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow, Olimp Publ., 2003. 413 p.
2. Afanas'ev E.S. [Novel "Judas Iscariot" by L. Andreev: "Psychology of betrayal"]. In: *Literatura v shkole* [Literature in school], 2016, no. 2, pp. 11–15.
3. Bogdanov N.N. [Mikhail Bulgakov as a psychologist]. In: *Literatura v shkole* [Literature in school], 2015, no. 8, pp. 14–18.
4. Bulgakov M.A. *Sobranie sochinenij. T. 1* [Collected works. Vol. 1]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990. 702 p.
5. Bulgakov M.A. *Sobranie sochinenij. T. 3. P'esy* [Collected works. Vol. 3. Plays]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990. 704 p.
6. Varlamov A.N. *Mikhail Bulgakov* [Mikhail Bulgakov]. Moscow, Molodaja gvardija Publ., 2012. 848 p.
7. Veresaev V.V. [Leonid Andreev]. In: *Veresaev V.V. Sobranie sochinenij. T. 3* [Veresaev V. Collected works. T. 3]. Moscow, Pravda Publ., 1985. 448 p.
8. Lakshin V.YA. *Mir Mihaila Bulgakova* [The world of Mikhail Bulgakov]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1989. 112 p.
9. Sokolov B.M. *Mikhail Bulgakov: zagadki sud'by* [Mikhail Bulgakov: the mysteries of fate]. Moscow, 2008. 92 p.
10. Tolstoi L.N. *Sobranie sochinenij. T. 6* [Collected works. Vol. 6]. Moscow, 1982. 626 p.
11. Fokin P.E. *Bulgakov glazami sovremennikov* [Bulgakov through the eyes of contemporaries]. St. Petersburg, Amfora Publ., 2016. 415 p.
12. Shmelev I.S. [It was]. In: *SHmelev I.S. Sobranie sochinenij. T. 7* [Shmelev I. Collected works. T. 7]. Moscow, Russkayakniga Publ., 1999. 592 p.

13. Yanovskaya L.M. *Zapiski o Mihaile Bulgakove* [Notes about Mikhail Bulgakov]. Moscow, 2007. 79 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чупкова Ольга Владимировна – аспирант кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета;
e-mail: monika6465@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga Chupkova – postgraduate student at the Department of the Russian literature of the 20th century, Moscow Region State University;
e-mail: monika6465@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Чупкова О.В. Разрушительное столкновение личности и войны в произведениях М.А. Булгакова и Л.Н. Андреева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 5. С. 158-165
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-158-165

FOR CITATION

Chupkova O.V. Destructive collision of personality and war in the works of M. Bulgakov and L. Andreev. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2017, no. 5, pp. 158-165
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-158-165

УДК 71.2:81.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-166-171

И.И. КОЗЛОВ В ОБЩЕНИИ С ДЕЯТЕЛЯМИ ИСКУССТВА

Якушкина Н.М.*Московский государственный областной университет
105005, Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация: Статья посвящена поэтическому диалогу И.И. Козлова с деятелями искусства его времени – Михаилом и Матвеем Виельгорскими, Александром Даргомыжским, Михаилом Глинкой. Их творческое общение часто проходило в доме поэта-слепца: чтобы поддержать И.И. Козлова в трудный период болезни, утешить и ободрить его, многие музыканты исполняли для него свои произведения. Поэт безгранично ценил тех, кто наполнял его дом волшебными звуками музыки, романсами, чтением произведений. Они приносили в его жизнь то, чего его лишила болезнь. Их выступления, посвященные исключительно ему, поэту-слепцу, трогало сердце И.И. Козлова, вдохновляло его на создание собственных произведений. Он был благодарен им и свою благодарность переносил в создание стихотворных посланий, адресованных тем, кто стал спасительным звеном в трагической цепи его жизни.

Ключевые слова: И.И. Козлов, русский романтизм, поэтический диалог, деятели искусства.

I. KOZLOV IN COMMUNICATION WITH ARTISTS

N. Yakushkina*Moscow Region State University
10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the poetic dialogue of I. Kozlov with the artists of his time – Mikhail and Matvey Vielgorsky, Alexander Dargomyzhsky, Mikhail Glinka. Their creative communication often took place in the house of the blind poet: to support I. Kozlov in a difficult period of illness, to comfort and cheer him, many musicians performed their works for him. The poet valued immensely those who filled his house with the magic sounds of music, romances, reading of works. They brought into his life what he had been deprived of by illness. Their speeches, dedicated exclusively to him, the blind poet, touched the heart of I. Kozlov, inspired him to create his own works. He was grateful to them and transferred his gratitude to the creation of verse messages addressed to those who became the saving link in the tragic chain of his life.

Key words: I. Kozlov, Russian romanticism, poetic dialogue, artists.

В творческом наследии И.И. Козлова можно выделить ряд произведений, посвященных музыкантам, артистам, танцмейстерам. Их творчество вдохновляло его на создание произведений, трогало сердце, утешало и ободряло в трудные

© Якушкина Н.М., 2017.

моменты. Поэт чувствовал в них родственные души. Дочь поэта, Александра Ивановна, писала: «Сближение с людьми выдающимися на поприще искусства, поэзии, науки, музыки, – со всем, что живёт истинную жизнь, было ему утешением» [6, с. 16]. Лишившись зрения, возможности самостоятельно передвигаться, И.И. Козлов, во многом потерял связь с внешним миром. Его визиты к друзьям, посещение театра, литературных салонов и концертов сократилось в несколько десятков раз. Для человека искусства, увлечённого желанием узнавать новое, погружаться в мир культуры и литературы, каким и был Козлов, это стало настоящей трагедией. Поэтому он с такой благодарностью относился к тем, кто приходил в его дом, чтобы не только поддержать поэта-страдальца, но создать атмосферу радости, творчества, искусства. В круг таких людей входил виолончелист и музыкальный деятель Матвей Юрьевич Виельгорский (1794–1866). В 1832 г. И.И. Козлов посвятил ему стихотворное послание «Графу М. Виельгорскому» (1832):

*Когда ж в приют уединенный
Тебя к нам дружба заведёт
И мне смычок твой вдохновенный
На сердце радость наведёт?*
[5, с. 202]

Поэт очень ценил таких людей, как Михаил Юрьевич Виельгорский, – талантливых, вдохновенных, посвятивших свою жизнь искусству. В них он видел родственную душу. М.Ю. Виельгорский – русский виолончелист, композитор польского происхождения. Из послания видно, что поэта и адресата его послания связывали тесные дружеские нити. И.И. Козлов признаётся, что когда он слышал звуки виолонче-

ли М. Виельгорского, то его душа пробуждалась, он снова хотел жить:

*И как прелестною игрою
Ты, овладев моей душою,
Мой тёмный мир животворишь! –
По звонким струнам ты бежишь,
А я печали забываю,
Я в невозвратное летаю,
И наслаждаюсь, и терплю,
Я вновь мечтаю, я люблю;
Мелькает память дней бесценных,
Весельем, горем незабвенных, –
И под напев волшебный твой,
Откинув саван гробовой,
В могилу раннюю влекомый,
Полумертвец, душе знакомый ...*
[5, с. 203]

И.И. Козлов называет себя полумертвецом, который оживает, когда слышит чудесную мелодию, исходящую из виолончели Виельгорского. По свидетельству современников, он был потрясающим музыкантом, хотя и дилетантом. В окружении поэта было не так много людей, которые могли понять его страдающую душу и без слов успокоить тревожное сердце И.И. Козлова. Но М.Ю. Виельгорскому это удавалось превосходно, поэтому он часто навещал своего друга, чтобы в очередной раз сыграть для него любимые мелодии. Поэт неоднократно отмечал в своём дневнике его визиты: «...Я прочёл мое послание к Вальтеру Скоту Виельгорскому... (29 января 1832 г.)» [4, с. 18]; «...С граф. Матв. Виельгорским мы много говорили об его интересном племяннике и о милом Жуковском: оба в Италии – ради здоровья» [4, с. 28].

И.И. Козлов был дружен и с родным братом Матвея Юрьевича Виельгорского – Михаилом Юрьевичем Виельгорским (1788–1856), талантливым композитором-любителем. Он так-

же посещал дом И.И. Козлова, о чём свидетельствует дневниковая запись поэта от 5 ноября 1839 г.: «...Позже пришёл любезный гр. Михаил Виельгорский, я был очень рад его видеть; он мне показал нежное участие. Мы беседовали об опере, артистах: Pasta, Malebran, Pauline Garsia, которых всех он знает. Он мне сказал, что наш Иванов восхищает Италию. Я ему прочёл мою балладу и мою Жалобу» [5, с. 28].

Ещё один композитор часто бывал в доме поэта-слепца: «...Даргомыжский много играл. Он приходит часто (9 марта 1832 г.)» [4, с. 18]; «...Добрый Даргомыжский. Для меня было таким удовольствием слушать арию Иосифа и особенно – Отелло Мендельсона – и также симфонию Бетховена (15 января 1833 г.)» [5, с. 19]; «...Я провёл ужасную ночь, изнемогая от страданий... Даргомыжский играл вечером (23 марта 1837 г.)» [4, с. 23].

И.И. Козлов признаётся, что музыка А.С. Даргомыжского (1813–1869) успокаивала его, вдохновляла и приносила огромное удовольствие. Особенно трогательными для него были минуты, когда композитор музицировал с его дочерью, Александрой Ивановной. Воспоминания об этом сохранились на страницах его дневника: «...Даргомыжский играл много в 4 руки с моею дочерью – прелестные вещи из Бетховена, особенно 27 симфонию, потом она одна сыграла гавот и менуэт, которые вызвали во мне столько воспоминаний ... (18 декабря 1837 г.)» [4, с. 26].

Не могли оставить равнодушными эти визиты и самого А.С. Даргомыжского. Он с огромным уважением и тёплым дружеским чувством относился к И.И. Козлову. В письме Н.Б. Го-

лицыну он неоднократно вспоминает имя поэта: (С.-Петербург, 13 мая 1836 г. Оригинал письма представлен на французском языке. Его перевод осуществлен А.Н. Римским-Корсаковым): «...Несомненно, лишь вдохновение могло побудить Вас взяться за столь трудную работу и в особенности вселить в Вас достаточно силы воли, чтобы привести её к концу. Я говорю трудную, так как поэма «Чернец», как и вообще все русские поэмы, бесконечно более поддаётся немецкому или английскому переводу, чем французскому. Г. Козлов, с которым я виделся вчера вечером, и сам с этим согласен. Я сообщил ему, князь, со всей возможной деликатностью, то, что Вы мне поручили передать по его адресу. Чтобы лучше удостовериться, как он отнесётся к предложению преподнести ему Вашу работу в печатном виде, я завёл с ним речь о Вашем желании напечатать её – в случае одобрения с его стороны, – с целью предназначить доход на какое-нибудь доброе дело...

Добрый старик был растроган до глубины души: он просил меня передать Вам, что всего более польщён честью, которую Вы оказываете ему своим переводом, что чувствует всю деликатность Вашего образа действий, что полон к Вам живейшей благодарности, наконец, что был бы в восторге получить штук десять экземпляров Вашего печатного перевода, дабы поднести его добрым друзьям...» [2, с. 15–16].

Из письма видно, с каким трепетом и радостью узнаёт И.И. Козлов от А.С. Даргомыжского о желании князя Н.Б. Голицына осуществить перевод «Чернеца». Он чувствует неловкость, что его произведение стало основ-

ной темой переписки двух известных творческих личностей того времени. Это ещё раз выдаёт его природную скромность и христианское смирение, огромное уважение к окружающим его людям. Он бесконечно благодарен А.С. Даргомыжскому и Н.Б. Голицыну за живое участие в его судьбе.

И.И. Козлова и А.С. Даргомыжского связывали не только тесные дружеские, но и творческие узы. Композитор положил музыку на многие стихи И.И. Козлова. Среди них «Португальская песня» – перевод произведения Дж. Байрона. Впоследствии появился романс «Привет». (Муз. А. Даргомыжского. Слова И. Козлова. Изд. М. Бернарда).

А.С. Даргомыжский много лет был дружен с М.И. Глинкой (1804–1857). Видимо, через А.С. Даргомыжского состоялся и творческий союз И.И. Козлова с М.И. Глинкой. В дневнике поэта нет упоминаний о посещении его дома великим композитором, но последний, будучи в 30-х гг. XIX в. в Венеции, вспомнил о стихотворении И.И. Козлова «Венецианская ночь» (1825) и положил музыку на первые три строфы:

*Ночь весенняя дышала
Светло-южною красой
Тихо Брента протекала,
Серебримая луной;
Отражён волной огнистой
Блеск прозрачных облаков,
И восходит пар душистый
От зелёных берегов* [5, с. 91].

Поэт описывает всё великолепие весенней ночи. Особенно привлекательна для него в это время река, волшебным, чарующим образом отражающая лунное сияние.

М.И. Глинка вспоминал об этом: «Тою же весною один знакомый Соба-

чевского сообщил мне в Милане слова двух романсов: Победитель Жуковского и Венецианскую ночь Козлова; я тогда же написал их (1832)» [1, с. 125]. Так появился романс, который вскоре получил огромную популярность. А.П. Керн исполнила в 1825 г. в Тригорском «Венецианскую ночь» и имела огромный успех у публики. А.С. Пушкин в письме к Плетнёву (ок. 19 июля 1825 г) так напишет об этом памятном событии: «Скажи от меня Козлову, что недавно посетила наш край одна прелесть, которая небесно поёт его «Венецианскую ночь» на голос гондольерского речитатива – я обещал известить о том милого, вдохновенного слепца. Жаль, что он не увидит её, но пусть вообразит себе красоту и задушевность ... » [7, с. 189, 530]

Когда болезнь лишила возможности И.И. Козлова передвигаться, он почувствовал огромное опустошение. Оно было вызвано и отсутствием того объёма общения, которое было раньше, недостатком впечатлений от знакомства с людьми или новыми достопримечательностями. И эту пустоту он пытался заполнить. Как ребёнок, радовался, когда его навещали друзья, очень чётко понимая, что светская жизнь в Петербурге бьёт полным ключом, и у них в карманах лежит ни одна карточка с приглашением в салон или гостиную. А они предпочли провести его здесь, рядом со слепым другом. Как за соломинку, ухватывался поэт за это общение, чтобы услышать новые произведения, рассказы друзей, поделиться тем, что у него на сердце, а может, и прочитав то, что было написано им самим. В отсутствии друзей наступало одиночество, которое пытались хотя бы в малой степени сглаживать его

домашние. Они пытались постоянно быть рядом, читая Евангелие, письма, зарубежную и русскую литературу. Но если бы наши близкие смогли нам заменять дружеский круг, наверное, у людей не было бы необходимости иметь товарищей. Это понимала и семья Козлова, потому всегда с радостью принимала всех переступавших порог их дома с чувством «родственного общения», который был «вообще характерен для русской жизни эпохи романтизма» [3, с. 135].

В минуты одиночества и полного отчаяния Козлов принимался усердно молиться Богу, читать Святое Евангелие, псалтирь и другую духовную литературу. Обретая успокоение и душевную гармонию, он ложился спать, чтобы на следующий день минута за минутой снова бороться не только за существование на земле, но за жизнь интересную, насыщенную событиями и личностями, счастливую и радостную.

Он усердно занимался переводами: его разностороннее образование и ум помогали это делать в совершенстве. Много повторял, что помнил наизусть и декламировал гостям: тренировал свою память. Писал сам, оттачивая

рифму, слог, создавая всё новые и новые интересные поэтические рисунки. Занимаясь разносторонними делами, И.И. Козлов отвлекался от мыслей о своём недуге. Находясь в поэтическом воодушевлении, создавая свои произведения, он радовался по-детски. А похвала его друзей-литераторов были как бальзам на сердце – его труд оценён, он нужен ещё кому-то, кроме него самого. И весь вечер улыбка не сходила с лица поэта.

Музыка – это то, без чего И.И. Козлов не представлял свою жизнь. Воспоминание о концертах, музыкальных вечерах, балах усаждали сердце поэта, и в то же время он резко чувствовал недостаток музыки сейчас, когда у него не было прежней возможности присутствовать на концертах любимых исполнителей. Волшебные мелодии действовали на него чарующим образом. Они переносили его в неведомый мир, где не было боли, страдания, разочарований. Поэт любил, когда дом посещали композиторы, певицы, артисты, музыкальные деятели, они понимали чувства поэта-слепца и увлекали его в притягательный мир звуков, от которого сердце И.И. Козлова переполнялось нежностью, трепетом и любовью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глинка М.И. Записки. М.; Л.: Academia, 1930. 568 с.
2. Даргомыжский А.С. Избранные письма. Выпуск I. М.: Музгиз, 1952. 76 с.
3. Киселева И.А., Гузина С.В. Духовно-нравственный идеал русской поэзии 1820-30 годов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2010. № 3. С. 132-137.
4. Козлов И.И. Дневник / публ., вступ. ст. и комментарии К.Я. Грота. Петербург: Типография М. Стасюлевича, 1906. 33 с.
5. Козлов И.И. Полное собрание стихотворений. Ленинград: Советский писатель, 1960. 506 с.
6. Козлов И.И. Стихотворения / сост., вступ. ст. В.И. Сахарова. М.: Советская Россия, 1979. 176 с.

7. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. (1937–1959). Т. XIII. Переписка 1815–1827 (Письма Пушкина и к Пушкину). М.; Л.: Издательство АН СССР, 1937. 651 с.

REFERENCES

1. Glinka M.I. *Zapiski* [Notes]. Moscow, Leningrad, Academia Publ, 1930. 568 p.
2. Dargomyzhskii A.S. *Izbrannye pis'ma. Vypusk I* [Selected letters. The Issue I]. Moscow, Muzgiz Publ., 1952. 76 p.
3. Kiseleva I.A., Guzina S.V. [Spiritually-moral ideal of the Russian poetry 1820–30s]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series Russian Philology], 2010, no. 3, pp. 132–137.
4. Kozlov I.I. [Diary]. Petersburg, Printing M. Stasyulevich, 1906. 33 p.
5. Kozlov I.I. Complete collection of poems. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1960. 506 p.
6. Kozlov I.I. Poems. Moscow, Soviet Russia Publ., 1979. 176 p.
7. Pushkin A.S. Complete works: in 16 volumes (1937–1959). T. XIII. Correspondence 1815–1827 (Letters to Pushkin and from Pushkin). Moscow; Leningrad, Publishing house of the USSR AS, 1937. 651 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Якушкина Наталия Михайловна – аспирант кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета;
e-mail: yakuwkina@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nataliya Yakushkina – postgraduate student at the Department of the Russian Classic Literature, Moscow Region State University;
e-mail: yakuwkina@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Якушкина Н.М. И.И. Козлов в общении с деятелями искусства // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 5. С. 166–171
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-166-171

FOR CITATION

Yakushkina N.M. I. Kozlov in communication with artists. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2017, no. 5, pp. 166–171
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-166-171

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-172-179

«ЛЮБЯ ОТЕЧЕСТВО – ЛЮБИ НАУКУ...» ПАМЯТИ АКАДЕМИКА ИЗМАИЛА ИВАНОВИЧА СРЕЗНЕВСКОГО

Колгушкина Н.В.

*Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина
390000, г. Рязань, улица Свободы, д. 46, Российская Федерация*

“LOVE HOMELAND, LOVE SCIENCE...” IN THE MEMORY OF THE ACADEMICIAN IZMAIL SREZNEVSKY

N. Kolgushkina

*Yesenin Ryazan State University
46, Svobody st., Ryazan, 390000, Russian Federation*

21–23 сентября 2017 г. в Рязанском государственном университете имени С.А. Есенина прошла Международная научно-практическая конференция «И.И. Срезневский и русское историческое языкознание: опыт и перспективы. К 205-летию со дня рождения». Мероприятие было организовано совместными усилиями Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН, Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, Правительства Рязанской области и Московского государственного областного университета при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований

В конференции приняли участие более 60 учёных из двух академических институтов – Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН (Москва) и Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), а также преподаватели из 17 российских вузов. К обсуждению научного наследия выдающегося слависта проявили интерес их зарубежные коллеги из Болгарии, Чехии, Македонии, Молдовы и Великобритании.

Пленарное заседание открыл ректор РГУ имени С.А. Есенина д. ист. н., проф. А.И. Минаев. Вела заседание председатель оргкомитета конференции, директор Института непрерывного образования РГУ к. ф. н., доцент Е.П. Осипова. С приветственным словом выступили заместитель министра образования и мо-

лодѣжной политики Рязанской области О.В. Колесник и заместитель главы Шиловского муниципального района Рязанской области Л.Н. Агафонова.

Директор Музея академика И.И. Срезневского заслуженный учитель РФ Н.В. Колгушкина зачитала приветствия от потомков учёного, в частности, от Бориса Фрѣлиха из Германии на немецком, английском и русском языках, в котором говорилось: «Я очень рад, что есть ещё образованные люди, которые занимаются научной работой моего предка И.И. Срезневского и что они по-прежнему ценят его работу. За последние 205 лет с момента его рождения жизнь людей и народов мира изменилась больше, чем можно было себе представить, но его работа претерпела все трудные времена. И.И. Срезневский был учёным международного права, который любил свой дом и его язык и передавал его своим детям. Будучи членом семьи Срезневских, я очень горжусь тем, что сегодня учёные из разных стран всё ещё вместе, потому что он заложил основы своей работы, и они продолжают исследования по его пути. Я знаю от моей матери Татьяны, что в семье было принято говорить на разных языках и общаться с учёными всего мира: мой предок Борис Измайлович владел 16 языками! (а его отец Измаил Иванович – 41 языком и наречиями. – Н.К.). Я, к сожалению, не наследовал талант к языкам, но известно, что он и его сын, как и моя мать, могли хорошо рисовать – по крайней мере, это осталось в моих генах. Таким образом, как художник и профессор графики, я смог заработать средства к существованию. Я надеюсь, что конференция станет вкладом в международное вза-

имопонимание, поскольку она всегда была волей моей семьи. Я приветствую всех участников и желаю конференции успешного курса! Наконец, я хотел бы назвать участников любимым русским словом: за здоровье!»

На пленарном заседании, где, кроме участников, были слушатели – студенты-филологи РГУ имени С.А. Есенина, прозвучали интересные доклады ведущих русских учёных в области исторического языкознания: чл.-корр. РАН, зав. Словарным отделом Института лингвистических исследований РАН С.А. Мызникова «Диалектная лексика в историко-этимологических исследованиях»; ведущего научного сотрудника Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН д. ф. н., проф. М.И. Чернышёвой «Современные достижения и проблемы русской исторической лексикографии»; известного российского лексиколога д. ф. н., проф. Вологодского государственного университета Г.В. Судакова «Речевой этикет устного общения в Древней Руси».

В течение двух дней на факультете русской филологии и национальной культуры учёные обсуждали различные вопросы русского исторического языкознания, представляли свои исследования, книги и словари, делились опытом, искали пути решения проблем по сохранению наследия русского языка в современных условиях. Основная научная часть прошла в пяти секциях.

Первая секция «Проблемы славяно-русской исторической лексикологии» была самой большой по числу участников. Её работу возглавили ведущие научные сотрудники ИРЯ РАН им. В.В. Виноградова (д. ф. н. М.И. Чернышёва) и ИЛИ РАН (д. ф. н. И.А. Малышева). Участники отметили содержа-

тельность и научную глубину докладов Е.В. Генераловой (Санкт-Петербург) «Избыточность как характерная черта лексико-семантической системы Московской Руси», где автор представила многочисленные примеры на материале текстов делового и народно-разговорного языка XVI–XVII вв.; Д.К. Филиппова (Санкт-Петербург) «О взаимосвязи социального статуса лица и формулы его изменения», в котором молодой исследователь показал основные тенденции развития антропонимов XVII–XVIII вв. и сделал выводы о тесном взаимодействии социального положения лица с формулой его наименования.

Многие доклады секции были посвящены истории отдельных слов и выражений, где рассматривались причины их семантического переосмысления – как собственно лингвистические, так и историко-культурные. Это доклады И.А. Малышевой (Санкт-Петербург) «Прелестные подсылки.., прелестный взор.., прелестные места», С.Р. Зайнулиной (Ижевск) «О границах варьирования компонентного состава глагольно-именных устойчивых сочетаний (на материале русских летописей)», Л.Ф. Килиной (Ижевск) «О семантической эволюции слов *живот*, *жизнь*, *житие* (на материале Киевской летописи)», Я.А. Пеньковой (Санкт-Петербург) «К истории союза и частицы *будто* в русском языке XIV–XVII вв.».

Обратили на себя внимание слушателей исследования по славянской лексикологии Е.И. Якушкиной (Москва) «Лексические связи сербских и хорватских говоров с восточнославянскими», в которых автор рассматривает сербские и хорватские ареалы, имеющие

лексические связи с восточнославянскими говорами, а также Ю.О. Душина и П.С. Сауныкина (Рязань) «Македонский след рязанских топонимов», в котором была предложена гипотеза македонского фактора появления названий города Скопин и реки Вёрда. Работа секции проходила при активном обсуждении докладов, в дискуссии принимали участие Г.В. Судakov, И.А. Малышева, М.И. Чернышёва, О.В. Никитин, В.Н. Калиновская.

Во второй секции «Русская и славянская лексикография» (председатель – д. ф. н., проф. Г.В. Судakov) были представлены доклады учёных, занимающихся анализом исторических словарей, их описанием и сопоставлением. Следует отметить доклад В.Н. Калиновской и С.А. Эзерини (Санкт-Петербург) «Семантические „девиации“ русской лексики XIX в.: взгляд лексикографа», в котором была рассмотрена динамика семантических процессов в литературном русском языке XIX в., реализующихся в появлении специфических элементов семантики слова, регистрируемых лексикографами. В докладе «Глоссирование как лексикографический приём (на материале азбуковников XVII в.)» К.И. Коваленко (Санкт-Петербург) рассмотрены глоссы, написанные на полях в лексикографических компиляциях Московской Руси – азбуковниках. Автор показал, что во всех литературных произведениях, в лексикографических источниках они несут специфическую функциональную нагрузку: позволяют сократить словарный свод и соединить между собой статьи, толкующие близкие по значению лексемы. Доклад А.К. Шапошникова (Москва) «Славянская сравнительно-сопоставительная

лексикография от замыслов И.И. Срезневского до реализации в Этимологическом словаре славянских языков (ЭССЯ). О перспективе завершения ЭССЯ – краткий обзор сравнительно-сопоставительной лексикографии славянских языков за 150 лет. Автор предложил ряд условий для успешного завершения ЭССЯ в обозримом будущем. С большим интересом слушателями был воспринят доклад Э.Н. Акимовой (Саранск) «Фразеологические единицы со значением процесса речи в сербскохорватском языке», так как он был выполнен в русле научных интересов И.И. Срезневского. В нём подробно описаны группы и подгруппы фразеологических единиц сербохорватского языка и сопоставлены с соответствующими группами русской фразеологии. Внимание участников привлёк доклад Н.В. Николенковой (Москва) «Сложные слова и механизмы их образования в церковнославянском переводе Атласа Блау». Автор показал результаты исследования переводного церковнославянского памятника XVII в. Епифания Славинецкого.

Работой третьей секции «Проблемы источниковедения: от И.И. Срезневского до наших дней» руководила д. ф. н., профессор Н.А. Тупикова (Волгоград) – автор интересного доклада «Послания Василия Шуйского, Лжедмитрия II и Сигизмунда III в составе „русского архива“ Яна Сапеги: структурно-содержательные и функциональные особенности». В её исследовании впервые рассматриваются особенности старорусских и старопольских памятников деловой письменности начала XVII в., составляющие важную часть реконструированного архива польского гетмана Яна

Петра Сапеги. Н.А. Кулева (Москва) рассказала слушателям о «Февральской минее-четье первой части XV в.» как источнике «Словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского», о вкладе в изучение этого исторического документа И.И. Срезневского, который впервые ввёл эту рукопись в научный оборот и продемонстрировал своеобразие её лексического состава.

Следует отметить, что своё видение решения проблем источниковедения отразили в докладах такие исследователи, как В.В. Плешакова (Рязань) «„Житие Андрея юродивого“ в публикации И.И. Срезневского», Е.И. Державина и А.Б. Дубовицкий (Москва) «Термины „бояре“, „дети боярские“ и „дворяне“ в исторической лексикографии и историографии».

В выступлении А.Г. Косова (Уфа) «Источниковедческие проблемы документальной лингвистики» было показано, как новизна диахронического подхода в наибольшей степени проявляется при интегрировании документной лингвистики и исторического лингвоязыковедения. Он отметил, что привлечение печатных указов из «Полного собрания законов Российской империи» поможет в решении многих вопросов исторической стилистики.

В докладе Л.Н. Дониной (Санкт-Петербург) систематизированы идеи И.И. Срезневского из его «Мыслей...» об исторической морфологии русского языка. Основные положения теории Измаила Ивановича она сопоставила с фактическими данными памятника XV в. «Летописец Еллинский и Римский» об исторической морфологии.

Четвёртая секция «Русские народные говоры: история и современное состояние» собрала региональных ис-

следователей народного языка. Возглавил данную секцию известный российский диалектолог, имеющий богатый опыт в работе Словарного отдела ИЛИ РАН и в работе над атласом народных говоров, член-корр. РАН С.А. Мызников. В докладе «Санкт-Петербургская губерния в источниках „Словаря русских народных говоров“» Е.В. Колосько (Санкт-Петербург) рассматривала лексику, имеющую помету *Петерб.* Автор рассказала о найденных ею новых, зафиксированных в Санкт-Петербургской губернии источниках лексических единиц. Т.К. Ховрина (Ярославль) в докладе «Слово в диалектном словаре и историческом» провела сопоставительный анализ материалов «Ярославского областного словаря» и исторических словарей русского языка, выявляющий, какие изменения в семантической структуре общенародных слов произошли в диалектах, вскрыла особенности употребления таких лексем в русских говорах.

Н.А. Красовская (Тула) в представленном докладе «Проблема неоднородности тульских говоров и некоторые морфологические особенности (на материале архивных записей 70-х гг. XX в.)» сделала предположение о возможности выделения говоров юго-западных, западных районов и говоров восточных районов. Е.П. Осипова (Рязань) в докладе «Е.Ф. Будде и русская диалектология (к истории изучения народных говоров)» рассмотрела значение монографии Е.Ф. Будде «К истории великорусских говоров. Опыт историко-сравнительного исследования народного говора в Касимовском уезде Рязанской губернии» (издание 1896 г.), отметила ценность лексических материалов, собранных этим язы-

коведом в Рязанской губернии конца XIX в., для анализа развития лексической системы рязанских говоров. Стоит подчеркнуть, что анализ проводился на примере лексики, связанной с традиционной культурой рязанских крестьян.

А.П. Башмакова (Санкт-Петербург) в докладе «Безлично-предикативные слова в диалектном словаре: лексикографические рекомендации» на материале Псковского областного словаря рассмотрела особенности лексикографического описания безлично-предикативных слов, отметив сложность их идентификации в диалекте. М.В. Спиричева (Санкт-Петербург) представила доклад «К трактовке написаний предударных гласных в южновеликорусских отказных книгах XVII в.», рассмотрев дискуссионный вопрос о типе безударного вокализма после мягких согласных, который был свойствен южновеликорусским говорам в XVII в. Её работа основана на анализе орфографии отказных книг с привлечением данных современных южнорусских говоров.

Работа секции проходила при активном участии слушателей, в том числе студентов РГУ. Подводя итоги её работы, С.А. Мызников выразил надежду на продолжение дальнейшего развития диалектологических изысканий в каждом регионе России в тесном сотрудничестве со Словарным отделом ИЛИ РАН.

Пятая секция «Жизнь и научное наследие И.И. Срезневского» проходила в университетском Музее академика. Здесь прозвучало немало интересных материалов о фактах из жизни и деятельности учёного, были представле-

ны новые исследования архивных данных и научной литературы XIX в.

Председательствовал в этой секции профессор О.В. Никитин (Москва), известный среди филологов как науковед, автор множества научных очерков о жизни и деятельности выдающихся русских учёных, в том числе и И.И. Срезневского. Участники конференции раскрыли неординарную личность И.И. Срезневского, широту его взглядов и научных направлений, дружеские и родственные связи, контакты со славистами других стран. Следует отметить доклад Л.Ю. Астахиной (Москва) «Несколько страниц из жизни И.И. Срезневского». Она исследовала эпистолярное наследие А.В. Никитенко, который встречался с И.И. Срезневским на заседаниях Второго отделения Академии наук, в Петербургском университете, в дачном пригороде Санкт-Петербурга, за границей – в Швейцарии, и оставил свой знаменитый «Дневник», опубликованный И.Я. Айзенштоком в 1955–1956 гг. Сквозь строчки дневниковых записей, по мнению автора доклада, просматривается одиозная фигура учёного, часто противоречивая в видении современников, но всегда сильная и целеустремлённая. О.В. Лукин (Ярославль) в докладе «Научное сообщество Кенигсберга, Берлина, Гале и Дрездена глазами адъютанта И.И. Срезневского (1839–1842 гг.)» дал описание его пребывания в Германии во время трёхлетней командировки в «славянские земли». Он сделал анализ встреч учёного с выдающимися деятелями немецкой науки XIX в., оказавшими значительное влияние на его становление как крупного слависта, специалиста по русскому историческому языко-

знанию, лексикографии, истории и диалектологии русского языка, палеографии, древнерусской литературе, этнографии и фольклору славянских народов по материалам как официальных донесений И.И. Срезневского министру народного просвещения, так и из личной переписки с немецкими учёными. Н.В. Колгушкина (Рязань) выступила с докладом «Словарь древнерусского языка – семейное дело Срезневских», в котором раскрыла семейный подвиг – исполнение завещания отца по изданию «Материалов для словаря древнерусского языка». Автор использовал не только семейные архивы Срезневских, но и редкие материалы Санкт-Петербургской Академии наук. Т.А. Исаченко (Москва) в докладе «Первый учёный-хранитель Рукописного отделения БАН Вс.И. Срезневский и задуманная им серия каталогов в свете новейших публикаций» обратилась к новому выпуску много томного Описания Рукописного отдела Библиотеки Российской академии наук, материалы которого заставляют нас ещё раз вдуматься в традиции археографических описаний, некогда заложенных выдающимися учёными, такими как Вс.И. Срезневский.

Слушатели также обратили внимание на доклады культурологического и философского плана. Е.О. Матвеева (Москва) своё выступление посвятила актуализации научного наследия И.И. Срезневского в контексте важнейших проблем современной лингвокультурологии. Фундаментальные работы И.И. Срезневского, по мнению многих исследователей творчества учёного, позволяют проследить взаимосвязь языка и культуры, являющуюся важнейшей предпосылкой

формирования языковой личности. Особое внимание автор уделила интерпретации идей И.И. Срезневского в современном языкознании.

А.Б. Чернышёв (Рыбинск) в докладе привёл анализ ведущих теоретических концепций языка XIX в. Понимание природы и сущности языка в трудах И.И. Срезневского он рассмотрел в связи с общими представлениями в рамках антропологической философии Л. Фейербаха, немецкой романтической школы языкознания братьев Шлегелей и В. фон Гумбольдта, натурализма А. Шлейхера, антропологической философии Н.Г. Чернышевского. По мнению автора, развитие и изменение органического свойства языка, в основе которого лежит триада «язык – природа – мышление», обуславливает общую антропологическую направленность представленных концепций, к которым относятся и взгляды И.И. Срезневского.

Во многом интересен был доклад д. ф. н. проф. Н.В. Халиковой (Москва), в котором автор на примере интерпретации словесных образов *земли* и *воды* освещал проблему сходства базовых метафор в филологическом дискурсе разных учёных-энциклопедистов, даже таких, на первый взгляд, непохожих, как И.И. Срезневский и П.А. Флоренский.

Необходимо отметить, что в работе всех секций конференции также приняло заочное участие более двадцати исследователей, в том числе и зарубежных.

Два дня плодотворной работы учёных в секциях сопровождалась познавательными мероприятиями, которые познакомили их ближе с Рязанским краем, давшим России немало замеча-

тельных людей. Участники конференции посетили университетские музеи И.И. Срезневского и С.А. Есенина, ознакомились с уникальной фотовыставкой из фондов Музея академика И.И. Срезневского, а также с книжной выставкой «Любя Отечество – любя науку», подготовленной университетской библиотекой. Замечательную экскурсию в Рязанском кремле провела доцент РГУ имени С.А. Есенина И.В. Грачёва. Незабываемую встречу с есенинскими местами организаторы конференции устроили в мемориальном музее-заповеднике С.А. Есенина в селе Константиново.

Третий день конференции по программе был обозначен как выездное заседание. Участники получили яркие впечатления от посещения села Срезнево, где по завещанию И.И. Срезневского покоится его прах. Гостей радушно встретили представители администрации Шиловского муниципального района Рязанской области Л.Н. Агафонова и И.А. Жарикова, которые от имени главы В.М. Фомина поприветствовали всех прибывших, выразили свою признательность учёным и пригласили посетить мемориальные места, связанные с родом Срезневских. На месте упокоения выдающегося учёного иерей Григорий (Рогожкин) провёл литию, после чего о Срезневском были произнесены памятные слова проф. О.В. Никитиным, проф. Н.А. Тупиковой, проф. О.В. Лукиным, В.Н. Калиновской. Каждый с волнением говорил о выдающейся личности И.И. Срезневского, о своих мыслях и чувствах сопричастности к Рязанской земле, хранящей его покой и память. Отраднo и то, что среди присутствующих здесь были учёные

молодого поколения. От их имени трогательную речь произнёс студент Санкт-Петербургского государственного университета Д. Филиппов.

В сельском Музее академика И.И. Срезневского, который находится в восстановленном здании школы-памятника в честь учёного, участники конференции услышали рассказ об истории рода Срезневских, о воскрешении его памяти на родной земле.

Здесь, под открытым небом, возле храма иконы Казанской Божьей Матери прошло заседание круглого стола «Язык есть нераздельная собственность целого народа». По уже сложившейся традиции, в окружении берёз, недалеко от могилы учёного, объединявшего своей жизнью и трудами славянских филологов в течение трёх столетий, присутствующие вспоминали

деятели науки, чьи юбилейные даты должны привлечь внимание к культурному наследию – родному языку. В рамках этой традиции прозвучал доклад д. ф. н., профессора Московского государственного областного университета О.В. Никитина «История языка в трудах Николая Ивановича Греча».

В заключении отметим, что международная научно-практическая конференция, посвящённая памяти академика И.И. Срезневского, прошла на высоком теоретическом и практическом уровне. Её участники выразили надежду, что традиция проведения таких знаменательных мероприятий в РГУ имени С.А. Есенина не должна прерываться, ведь необходимо помнить историю своего языка и духа народа, воспитывать продолжателей дела И.И. Срезневского.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колгушкина Нина Васильевна – директор Музея академика И.И. Срезневского Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, заслуженный учитель РФ;
e-mail: n.kolgushkina@rsu.edu.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nina Kolgushkina director of the Museum of the Academician I. Sreznevsky at Yesenin Ryazan State University, Honored Teacher of the Russian Federation;
e-mail: n.kolgushkina@rsu.edu.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Колгушкина Н.В. «Любя отечество – люби науку...» Памяти академика Измаила Ивановича Срезневского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 5. С. 172-179
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-172-179

FOR CITATION

Kolgushkina N. V. "Love homeland, love science..." In the memory of the academician Izmail Sreznevsky. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2017, no. 5, pp.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-172-179

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-180-185

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: Т.К. БАТУРОВА. «ДУХОВНЫЕ ПОДВИЖНИКИ И РУССКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА». М.: ИИУ МГОУ, 2016. 244 С.

Леденёва В.В.

*Московский государственный областной университет
105005, Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

REVIEW OF THE BOOK: T. BATUROVA. THE SPIRITUAL WARRIORS AND THE RUSSIAN CLASSICAL LITERATURE. MOSCOW, IIU MGOU PUBL., 2016. 244 P.

V. Ledeneva

*Moscow Region State University
10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation*

Не о всяком научном издании, в том числе выполненном на самом высоком научно-теоретическом уровне, можно говорить, что его содержание воспитывает душу, поддерживает читателя в духовной радости приобщения к мудрости, вере, помогает прозрению сердца – органа, который Святитель Лука Крымский (Войно-Ясенецкий) считал вместилищем души. Им было сказано в наставление: «Нам нужно живое знание и зрячая вера, и только их синтез и неразрывная связь откроют возможность творческой жизни. Ибо творят жизнь мудрые, окрылённые верой». Эти слова Святителя, донесённые его произведением «Наука и религия», помогают точно воспринять духовно-нравственную позицию автора, прагматическую установку текста, генеральную идею, которая просматривается как основание многолетнего труда над темой, доносимой заглавием монографии доктора филологических наук, профессора кафедры русской классической литературы МГОУ Татьяны Константиновны Батуровой «Духовные подвижники и русская классическая литература».

Т.К. Батурова, исследователь духовного мира русской литературы, как представляется, вступила в светлую идейно-нравственную переключку с этим ценнейшим для современных учёных, открытых к обновлению ментальных установок, тезисом Свт. Луки Крымского многими положениями своей монографии.

© Леденёва В.В., 2017.

Автор направляет читателя в нужное русло с первых строк «Введения»: «Всегда остро стоял вопрос о соотношении человеческого знания и веры: между ними изначально существовала гармония, утраченная в советское время» [с. 5]. *Гармония*, т. е. согласованность, слаженность, – вот прекрасно найденное Т.К. Батуровой ключевое слово для определения спектра характеристики деятельности литераторов и духовных подвижников, их раздумий, поисков, для восстановления в ходе анализа и сопоставлений фактов, важных для понимания русской классической литературы *Золотого века* её развития.

В двух самодостаточных, но тесно связанных тематикой и проблематикой исследования частях рецензируемой монографии (часть I – «Святые подвижники XIX века»; часть II – «Судьбы и творчество русских писателей в духовном аспекте») получают освещение в указанном ключе значимые для тенденций русской литературы и для характеристики особенностей религиозного развития XIX в. вопросы.

Глубокая убеждённость в правомерности и своевременности подхода к произведению литературы как результату деятельности одарённой Богом (*дар слова* – *Слова!* – сколько в этой формуле всё ещё требующей толкования информации!) личности, чьи «религиозно-нравственные переживания невозможно отделить от художественного творчества», от духовной жизни общества, а также от «скрытого от посторонних глаз духовного общения» с великими подвижниками XIX в. – преподобным Серафимом Саровским, митрополитом Московским Филаретом (Дроздовым), святым праведным

Иоанном Кронштадтским, – легла в основу научных установок и методологии изучения названных взаимодействий в монографии Т.К. Батуровой.

Это детерминировало нелинейность, неоднослойность анализа в данном труде духовных уроков святых подвижников, ибо они остались запечатлёнными в памяти сердец тех, кто имел счастье общения, переписки с ними. Тексты-свидетельства с пристальным вниманием исследованы Т.К. Батуровой (см. разделы «Преподобный Серафим и русские писатели» [с. 39-52], «Святой праведный Иоанн Кронштадтский в судьбах русских писателей» [с. 86-94], «„Утешительные“ письма митрополита Филарета» [с. 73-77] и др.).

Учёным осмыслено и отражено в монографии удивительно тонкое понимание роли чуда соприкосновения судеб, «странных сближений», несмотря на отсутствие встреч в реальной жизни, как это показал материал о духовной связи старца Серафима и семьи Ф.И. Тютчева, о событиях, вдохновивших поэта-философа написать в 1861 г. стихотворение «Хоть я и свил гнездо в долине...». Позже появилось стихотворение «14-ое февраля 1869» под влиянием чувства восхищения деяниями славянских первоучителей равноапостольных Кирилла и Мефодия [см. с. 43-47, а также с. 193-206 – раздел «Роль святых в жизни Ф.И. Тютчева и его семьи»]. И судьбоносные события жизни поэта, его близких получают проникновенный духовно-нравственный комментарий с литературоведческих, текстоведческих позиций в книге Т.К. Батуровой, который не может не заинтересовать адресата, особенно если он жаждал ответа на подобные

вопросы, когда оказывался в ситуации духовно-религиозного поиска, нравственного выбора.

Ценны и необходимы для живущих в информатизированном XXI в. объяснения явления преподобного Серафима Саровского и Пушкина как «объективной „всеобщей силы“», раскрытие роли «светлых гениев» в осознании важности религиозного чувства народа, осмысление их сближения «на высшем уровне» и, безусловно, донесение до современного читателя взглядов на пушкинскую гениальность как «иную святость» [см. с. 39-42 и др.]. Поразительно сформулированное Т.К. Батуровой соотношение: «Есть глубокий и сокровенный смысл в том, что Пушкин явился современником преподобного Серафима Саровского. Провидение почти одновременно послало в мир этих двух великих людей: если один стал выражением творческого духа русского народа, то другой, по определению патриарха Алексия II, – „тем духовным огоньком, у которого отогревалась Россия“...» [с. 39]. Такая интерпретация заставляет по-новому взглянуть на некогда прочитанное у великого русского поэта, неоднократно комментировавшееся специалистами. В этом сила и актуальность подхода к излагаемому материалу на основе соблюдения принципа стремления к гармонии науки / знания и религии / веры, который выдержан в монографии.

Т.К. Батурова представила, анализируя творческий путь А.С. Пушкина, и другие его знаменательные, предопределяющие эволюцию гениального поэта пересечения: «Хорошо известен поэтический диалог митрополита Филарета и Пушкина, обозначивший

огромную роль святителя в духовном движении поэта. Это было проявление особой силы его нравственного влияния» [с. 66]. Учёным приведены поэтические строки митрополита Филарета, обращённые к А.С. Пушкину, в которых «соприкоснулись гениальность и святость», и читателю монографии дана возможность воспринять тонкое объяснение на её страницах источника пушкинских прозрений, выдвижения программных установок в связи с вопросом о духовной сущности поэзии.

В книге немало блестяще прокомментированных Т.К. Батуровой биографических данных, бесценных свидетельских воспоминаний, собранных автором по крупицам, благодаря которым можно уяснить суть духовных наставлений святых православных подвижников, понять преподанные ими нравственные уроки и ощутить силу влияния молитвенного слова на творческий путь литератора. Они извлечены из писем, воспоминаний, дневников Я.М. Неверова, М.А. и Е.И. Мотовиловых, В.Н. Ильина, Н.М. Языкова, А.В. Круглова, А.Ф. Тютчевой, М.И. Меншикова и многих других.

Многие из тщательно собранных по многочисленным, в том числе редким источникам и проанализированных фактов, оценок, свидетельств духовных чаяний, которые доверялись лишь образам при молитве и поэтически запечатлённым образам в родившихся на свет произведениях, поражают в проникновенном изложении Т.К. Батуровой. К таким отнесём, например, размышления и выводы учёного после обращения к эпизоду встречи, чтения молитвы и напутствия на пороге смерти М.Е. Салтыкова-Щедрина от-

цом Иоанном Кронштадтским. Они пролили новый свет на особенности эволюции личности и творчества знаменитого писателя-сатирика. Сама фигура Святого праведного Иоанна Кронштадтского получила обрисовку в отдельной главе [с. 95-104], где Т.К. Батунова собрала разные воспоминания о пастыре, чьим «талантом была пламенная любовь ко Христу и к людям», по мудрому, говорящему о глубокоом проникновении в проблематику определению.

Интересно и показательно, что преподнесённый Т.К. Батуновой в этой главе материал позволил поставить и оригинально решить вопросы как бы в зеркальном их отображении, в двунаправленном освещении. Это было задано формулировкой: «Что же является главным, определяющим в личности отца Иоанна? Что, прежде всего, привлекало к нему русских писателей и отмечалось ими? На что они обращали особое внимание? Ответы на эти вопросы будут характеризовать не только Кронштадтского пастыря, но и самих русских писателей, оставивших свои воспоминания об отце Иоанне» [с. 96-97]. Сложившаяся в итоге картина дышит объективностью.

И прославленные классики – Пушкин, Тютчев, Салтыков-Щедрин, – и философы, литераторы, издатели XIX в. – Дельвиг, Языков, Одоевский, Погодин, Боратынский, Белинский, Максимович – предстают в книге Т.К. Батуновой как неразрывно связанные в литературном море XIX в. личности. Близость их судеб последовательно показывается автором в обусловленности тем, что они были не только современниками, но и единомышленниками, людьми высокой ду-

ховной культуры, сформировавшими, благодаря подготовке литературных альманахов, религиозно-нравственный контекст эпохи. Раздел об «альманашном периоде» русской литературы насыщенный, ярко отражающий биение научно-теоретической мысли учёного, а потому вызывает большой интерес.

На страницах альманахов («Денница», «Уrania», «Сиротка», «Северные цветы» и т. д.) публиковались лучшие произведения, как показывает Т.К. Батунова в разделах «Москва на страницах литературных альманахов пушкинской поры» [с. 120-126], «Альманах „Сиротка“ в религиозно-нравственном контексте пушкинской эпохи» [с. 127-153], «Петербургские альманахи пушкинского времени в духовном аспекте» [с. 154-163]. Они стали своего рода культурно-эстетическими индексами этого периода развития русской литературы.

Учёным дано научно взвешенное, скрупулёзное описание альманашного периода в развитии русской литературы, представлены характерные особенности публикаций московских и петербургских изданий, их колорита и специфики отбора произведений для публикации. Заслуживает большого внимания заключение: «Духовность общества реализуется в различных формах, альманашные издания – одна из этих форм. В них проявились нравственные искания ведущих и второстепенных авторов, а в конечном итоге – народа, нации» [с. 158].

На основе анализа опубликованных произведений (а проникновение в конкретный художественный текст Т.К. Батунова справедливо называется серьёзной исследовательской за-

дачей) показано, что, не будучи религиозными изданиями, альманахи 1820–1830-х гг. были выразителями высоких истин – в петербургских альманахах пушкинского круга прокладывался путь к их духовному познанию, удаляющий авторов «от игры форм», ритмов, звуков и т. п. [с. 162-163].

Т.К. Батунова выявила духовно значимую закономерность в структурной организации альманашных публикаций: образ иконы в произведениях, появившихся в альманахах «Подснежник», «Денница», «Сиротка», мог составлять доминанту повествования, но использовался нечасто, словно был оберегаемым и «давался при изображении наиболее ответственных или исключительных ситуаций» [с. 119], т. е. носил ценностный характер. В ходе сравнительно-типологических размышлений учёным установлено, что «для московских литераторов пушкинского времени были характерны внутреннее постоянство в подходах к образу дома, трепетный интерес к духовной святости в нём. И это являлось религиозным основанием формирующейся национальной философии» [с. 126].

Сильное впечатление оставляет характеристика содержания и стиля альманаха «Сиротка», насыщенная фактами, устанавливающая важные литературные параллели и раскрываю-

щая в ходе сопоставления текстов произведений тонкие смысловые нюансы [см. с. 141-144: анализ стихотворений «Мадонна» А.С. Пушкина и «Лазурные очи» Е.А. Боратынского – о роли слова в представлении идеала красоты], благодаря которым обретает видимые контуры прагматика этого издания XIX в. с трогательным названием и его концепция.

Т.К. Батунова великолепно, с большой убедительной силой и на высоком духовном подъёме излагает материал. Слог учёного-литературоведа – одно из достоинств, привлекающих читателя к страницам книги.

О созданной большим учёным монографии «Духовные подвижники и русская классическая литература» можно написать ещё немало слов с благодарностью к автору, профессору Татьяне Константиновне Батуновой: книга оказывает благотворное влияние на духовный мир читателя, позволяет ощутить силу вечных ценностей, осмыслить гармоническую связь веры и знания – науки и религии, побуждает к окрыляющим поискам истины.

Заслуживает благодарности и достойная работа издательства, опубликовавшего этот актуальный и обладающий несомненной новизной, оригинальностью, теоретической и практической значимостью труд.

ЛИТЕРАТУРА

Батунова Т.К. Духовные подвижники и русская классическая литература. М.: ИИУ МГОУ, 2016. 244 с.

REFERENCE

Baturova T.K. *Dukhovnye podvizhniki i russkaya klassicheskaya literatura* [The spiritual warriors and the Russian classical literature]. Moscow, IIU MGOU Publ., 2016. 244 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Леденёва Валентина Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета, академик Международной академии наук педагогического образования;

e-mail: ledenevavv@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valentina Ledeneva – Doctor in Philological Sciences, professor at the Department of the Modern Russian Language in Moscow Region State University, academician of the International Academy of Pedagogical Education;

e-mail: ledenevavv@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Леденёва В.В. Рецензия на книгу: Т.К. Батунова «Духовные подвижники и русская классическая литература». М.: ИИУ МГОУ, 2016. 244 с. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 5. С. 180-185

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-180-185

FOR CITATION

Ledeneva V.V. The spiritual warriors and the Russian classical literature. Moscow, IIU MGOU Publ., 2016. 244 p.. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2017, no. 5, pp. 180-185

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-180-185

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Выпускается десять серий журнала: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
2017. N 5

Над номером работали:

Литературные редакторы Т.Е. Шаповалова, М.С. Тарасова
Переводчик И.С. Шаповалов
Компьютерная вёрстка Д.А. Заботиной

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»
Информационно-издательского управления МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98
тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 доб. 6101
e-mail: vest_mgou@mail.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 12, усл. п.л. 11,75.

Подписано в печать: 28.12.2017 г. Дата выхода в свет: 29.12.2017 г. Заказ № 2017/12-17.

Отпечатано в ИИУ МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10А